
СЕМЬ
СОННЫХ
САЛАМАНДР
ИРЭН МОР
18+

Ирэн Мор

Семь Сонных Саламандр

«Автор»
2026

Мор И.

Семь Сонных Саламандр / И. Мор — «Автор», 2026

В шестнадцать лет Рэя Блэквуда держали на цепи в подвале и ждали выкуп, который никто не спешил платить. Он выжил, построил империю ночных клубов и усвоил главное: никому не верить и ни в ком не нуждаться.Девятнадцать лет это работало. Пока дождливой ночью он, раненый, не сел в чужую машину, а девушка за рулём не велела ему молчать и не поцеловала так, словно от этого зависели их жизни.Так оно и было.Эмили Беннет делает видеоигры, носит пижаму с ракетами и семнадцать лет безответно любит его младшего брата. Она последняя женщина, о которой Рэю стоит думать. Особенно пока в ящике его стола лежат документы, о которых она не знает.Но кто-то очень не хочет, чтобы Рэй узнал правду о своём похищении. И этот кто-то уже понял, где его слабое место.Горячий, тревожный и неожиданно нежный роман о запретном влечении, семейных тайнах и о том, как трудно поверить, что за тобой придут.

© Мор И., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 5
Глава 1. Девушка, которая всегда рядом 8
Глава 2. Не для тебя 13
Глава 3. Поцелуй незнакомца 20
Глава 4. Девушка под дождём 27
Глава 5. Идеальная подставная девушка 41
Глава 6. Правила чужой игры 53
Глава 7. Старший Блэквуд 66
Глава 8. Предложение, за которое бьют 76
Глава 9. Не приближайся к нему 88
Глава 10. Одеться как неприятности 99
Глава 11. Танец с дьяволом 111
Конец ознакомительного фрагмента. 120

Ирэн Мор
Семь Сонных Саламандр

Пролог

Окрестности Торонто, провинция Онтарио. Девятнадцать лет назад.

Первые два дня Рэй ещё верил, что его ищут. На третий начал считать миски, потому что день в подвале ничем не отличался от ночи: та же лампочка за решёткой в двери, тот же запах мокрого бетона, машинного масла и содержимого ведра в углу. Еду приносили дважды в сутки, или так ему казалось. На девятой миске он сбился. А после того как широкоплечий, от которого всегда несло табаком и бензином, сломал ему два пальца на левой руке, считать стало незачем. Хруст Рэй услышал раньше, чем почувствовал боль, и с тех пор время отмеряла она: тупая, пока он лежал неподвижно, и острая, стоило во сне задеть стену.

Цепь на щиколотке была прикручена к трубе, по которой иногда с бульканьем проходила вода. Железное кольцо стёрло кожу до мяса, и Рэй научился сидеть так, чтобы оно не касалось раны. Толстовку с него не сняли. Сначала он принял это за милосердие, потом догадался, что подвальный холод, не отпускавший даже в июле, мог прикончить его раньше, чем это понадобилось бы похитителям.

Когда боль позволяла думать, мысли возвращались к отцовскому кабинету, куда после похорон никто не заходил. Там был ящик стола, который ему не полагалось открывать, стопка выписок с маленькой птицей в верхней части каждого листа и цифры, не сходившиеся ни с чем, что рассказывали взрослые. Рэй спросил о них один раз, за ужином. Ему улыбнулись и сказали, что это скучные взрослые дела. Через неделю в доме погас свет, чужие руки натянули ему на голову мешок, пропахший бензином, и выписки отодвинулись в ту жизнь, где вопросы ещё имели значение.

Перекрытие было тонким, и голоса сверху доносились почти отчётливо. Рэй научился различать людей по шагам: тяжёлые, шаркающие принадлежали широкоплечему, лёгкие и нервные — тому, кого он называл Деком.

— Сказали ждать, — говорил широкоплечий.

— Опять? В пятницу сорвалось, в среду сорвалось, да сколько можно?

— Сказали ждать, значит, будем ждать.

— Второй раз, Лу. Они всё отменяют в последний момент. — Дек понизил голос. — А если они вообще не собираются платить? Что тогда делать с пацаном?

Ответа Рэй не расслышал. Возможно, его и не было.

Вечером, если это был вечер, миску принёс Дек. Он всегда ставил её у самой двери и сразу отступал, хотя шестнадцатилетний мальчишка с цепью на ноге и рукой, которой больно было даже шевельнуть, вряд ли мог на него броситься. Голос у Рэя сел, и вопрос прозвучал хрипло, почти чужим голосом:

— Они заплатили? Моя... семья. Деньги перевели?

На слове «семья» он запнулся. Год назад он сказал бы «отец», но отца похоронили прошлой осенью, и с тех пор в доме у озера о деньгах говорили вполголоса, за закрытыми дверями, с людьми в одинаковых тёмных костюмах.

Отец отправился на озеро один, как делал каждое четвёртое воскресенье месяца, и не вернулся. Его нашли в воде. Врачи назвали причиной смерти сердечный приступ, хотя прежде никто не слышал, чтобы он жаловался на сердце. Рэй тогда пытался задавать вопросы, но взрослые решили, что это горе не даёт ему принять случившееся.

— Жри давай, — бросил Дек.

— Я слышал, о чём вы говорили.

Дек помолчал, потом присел на корточки, и в его взгляде на мгновение мелькнула жалость.

— Слушай сюда, малой. Похоже, от своих ты ничего не дождёшься. Не хотят они за тебя платить. Вот как-то так.

Дверь закрылась. Рэй ещё долго сидел над остывшей кашей и с ужасом понимал, что вполне может в это поверить.

Сначала он решил, что это гром. Гроза собиралась с вечера, и доски над головой то и дело вздрагивали от далёких раскатов. Но этот звук пришёл сверху и сбоку одновременно, короткий и сухой, а следом раздался крик.

— Полиция! На пол! Руки!

По потолку прокатился топот, рухнуло что-то тяжёлое, и с балок посыпалась пыль. Хлопнул выстрел, за ним второй. Рэй вжался спиной в трубу, обхватил колени здоровой рукой и перестал дышать.

Дверь открыли не сразу. Сначала в щель под ней ударил луч фонаря, потом скрипнул засов, и на пороге появился мужчина в тёмной куртке с нашивкой на рукаве. С его одежды стекала вода, виски были седыми, а на усталом лице не читалось ни геройства, ни торжества — только сосредоточенность человека, который делает тяжёлую работу и пытается делать её хорошо.

— Рэй? Рэй Блэквуд?

Ответить не получилось, и Рэй кивнул.

— Я Мартин. Из полиции. Всё, парень, уходим.

Ключ от цепи висел на гвозде у двери: эти люди не рассчитывали, что за мальчишкой кто-нибудь придёт. Мартин присел, отпер замок и только тогда увидел распухшую чёрно-синюю кисть. Губы у него едва заметно дрогнули.

— Держи у груди и старайся ни обо что не задевать. Встать сможешь?

Встать Рэй не смог: ноги после стольких дней на бетоне не держали. Мартин подхватил его под мышки, поставил на ноги, перекинул здоровую руку мальчика себе через плечо, и они двинулись по узкой лестнице наверх, через кухню с перевёрнутым стулом, мимо широкоплечего, который лежал лицом в линолеум со скованными за спиной руками и хрипел.

Снаружи хлестал дождь, тёплый и тяжёлый, а ещё пахло мокрой хвоей. После подвала воздуха казалось так много, что у Рэя закружилась голова. Далеко за деревьями пульсировал красно-синий свет, и Рэй не верил, что до него можно дойти.

— Двадцать метров до машины, — сказал Мартин. — Не смотри под ноги. Смотри на меня.

Они прошли, может быть, половину, когда со стороны сарая ударил выстрел. Рэй не успел понять, откуда стреляют. Мартин рванул мальчика вниз, в раскисшую грязь, и накрыл собой. Вокруг загрохотало так, что Рэй перестал слышать собственный крик.

Когда стало тихо, Мартин всё ещё лежал на нём и тяжело дышал: коротко, с влажным присвистом.

Рэй выбрался из-под него и одной рукой перевернул на спину. На куртке под нашивкой расползалось тёмное пятно, и дождь не успевал его смывать. Рэй прижал к нему ладонь, потому что видел такое в кино и не знал, что ещё можно сделать.

— Не надо, — прохрипел Мартин. — Послушай меня.

— Вам помогут. Они уже бегут, я слышу...

Полицейский нашёл его руку и сильно сжал.

— У меня дочь. Клэр. Ей тринадцать.

Он закашлялся, и ладонь Рэя стала липкой от крови.

— Она останется совсем одна. Не оставляй её одну.

Рэй не понимал, как мальчишка, которого четверть часа назад сняли с цепи, может выполнить такую просьбу. Он не знал, где эта девочка живёт, как выглядит и нужен ли ей вообще кто-нибудь вроде него. Он знал только, что этот человек лежит в грязи из-за него и ждёт ответа.

— Не оставлять одну, — повторил Рэй. — Клэр. Я понял. Обещаю.

Мартин закрыл глаза, и лицо его стало спокойнее. Или Рэю очень хотелось так думать.

Потом вокруг вдруг оказалось много людей. Кто-то оттащил Рэя в сторону, кто-то набросил ему на плечи шуршащее серебристое одеяло, кто-то твердил прямо в ухо, что всё закончилось и он в безопасности. Рэй вцепился в рукав Мартина и не отпускал. Ему разжимали пальцы здоровой руки, а он отбивался и орал, что не уйдёт, что Мартина нельзя тут оставлять, и держать его пришлось вдвоём. Последним, что он увидел, прежде чем захлопнулись дверцы скорой, был медик, стоявший на коленях над полицейским.

В больнице ему вкололи обезболивающее, от которого мир сделался мягким и далёким. Пальцы загипсовали, щиколотку промыли и забинтовали. Женщина в форме, которая всё это время сидела рядом, сказала, что семье уже сообщили, а когда он спросил о полицейском, назвала его имя: сержант Мартин Мерсер. Больше она ничего не добавила.

Позже, когда она ушла, Рэй лежал за занавеской и смотрел в потолок. В коридоре остановились двое мужчин, видимо решив, что он спит.

— Всё было готово к среде, — говорил один. — Наши люди на месте, канал согласован. А за час до передачи звонок: очередная отмена, новые условия. В пятницу то же самое.

— Ты же не думаешь, что сделку срывали с той стороны? Это же ерунда какая-то.

— Именно это я и думаю.

Глава 1. Девушка, которая всегда рядом

Ошибку нашёл не тестировщик, а продюсер, причём в самый неподходящий момент: на большом экране переговорной, перед двумя представителями издателя, на двенадцатой минуте демонстрации.

Героиня игры, промокшая курьерша по имени Ноа, вошла в разрушенную оранжерею, и навстречу ей поднялся старый садовник, которого игрок пощадил во втором эпизоде. Садовник посмотрел на Ноа и произнёс реплику, написанную для варианта, в котором его застрелили:

— Пришла посмотреть на мою могилу?

В переговорной кто-то нервно хмыкнул. Представитель издателя, мужчина в очках с толстой оправой, вежливо приподнял брови.

— Это... художественный приём, — быстро объяснил Оуэн, продюсер, и сам себе не поверил.

Плотный, лысеющий, лет сорока пяти, в неизменной клетчатой рубашке навыпуск, Оуэн руководил студией так, словно каждый день тушил небольшой пожар. От волнения у него краснели уши, и сейчас они горели так, что это было видно с другого конца переговорной.

Эмили Беннет сидела у стены с ноутбуком на коленях и уже понимала, в чём дело. Не наверняка, но так, как знаешь, где в квартире скрипит половица, если прожил в ней достаточно долго. Ветку с садовником она переписывала три недели назад, и с тех пор флаг его судьбы записывался в двух местах: в журнал решений игрока и в автосохранение главы. При загрузке старого сохранения второе место перезаписывало первое.

Оуэн свернул демо, пообещал гостям исправленную сборку к следующей пятнице и проводил их до лифта с улыбкой человека, у которого болит зуб. Вернувшись, он закрыл дверь.

— Мне нужен фикс сегодня. Пропиши садовнику проверку перед репликой, и забыли.

— Можно, — согласилась Эмили. — Тогда садовник будет в порядке, а через две главы его дочь спросит Ноа, зачем она убила её отца.

— Дочь тоже пропиши.

— А потом аптекаря, который продавал ему лекарство. И почтальона. У этого флага одиннадцать зависимостей, Оуэн. Если латать каждую реплику, получится игра, где ни один персонаж не уверен, жив ли садовник, и каждый проверяет это сам. Один флаг должен храниться в одном месте.

Кто-то из сценаристов тихо засмеялся. Оуэн потёр переносицу.

— Сколько?

— День на исправление, день на прогон всех веток с садовником. В следующую пятницу будет сборка, которая не развалится через неделю.

Оуэн раздражённо щёлкнул пальцами.

— Делай. Но если в пятницу садовник опять встанет из могилы...

— Значит, это будет уже художественный приём.

Когда все разошлись, Тесса Миллер, сидевшая через два стола, развернулась к ней вместе с креслом.

Тесса была на голову ниже Эмили и, сидя в кресле, едва доставала ногами до пола. Пышные каштановые кудри с медным отливом вечно выбивались у неё из пучка, по носу и щекам рассыпались веснушки, а зелёно-карие глаза и подвижное лицо выдавали каждую мысль раньше, чем Тесса успевала её произнести. Одевалась она так, будто каждое утро совершала набег на винтажный магазин: сегодня на ней было горчичное платье с крупными пуговицами и потёртые красные кеды.

— «Один флаг должен храниться в одном месте», — с придыханием повторила она. — Боже. Скажи такое мужчине в постели, и он сделает тебе предложение.

— Или зависнет.

— Тоже верно. Жаль, что не все мужчины в теме.

— Вообще не жаль.

Тесса кивнула на телефон Эмили, который в третий раз за час беззвучно загорался.

— Кстати, о мужчинах. Титаник опять подаёт сигнал бедствия.

На экране светилось «Дэниел». Эмили перевернула телефон и открыла код.

— Пофиг.

— Ну да, — согласилась Тесса тем тоном, каким соглашаются с ребёнком, уверяющим, что под кроватью живёт монстр. — Типа поверю.

Обедали они в лапшичной за углом, где столы всегда были липкими, а бульон таким вкусным, что это неудобство казалось незначительным. Тесса ела быстро и с аппетитом. Эмили гоняла палочками лапшу по миске и читала сообщения.

Ванесса опять ушла. Ванесса не отвечает. Ванесса выложила фотографию с вечеринки, и на её плече лежит мужская рука с часами, которые стоят три его зарплаты. Потом, через сорок минут: «Ты где вообще? Я тебе пишу с утра». И последнее, из одного слова: «Эм?»

Её всегда немного задевало это «с утра». Дэниел искренне не помнил, что у неё бывает работа, совещания, демо перед издателем и какая-то жизнь помимо него. В его картине мира Эмили существовала примерно так же, как свет в холодильнике: включалась, когда открываешь дверцу.

— Дай угадаю, — сказала Тесса. — Королева снова сбежала из замка.

— Они поссорились.

— Они не ссорятся, они живут в режиме бесконечной перезагрузки. Сколько это тянется? Пять лет?

— Шесть.

— И сколько из этих шести лет ты разгребаешь их бардак?

Эмили промолчала. Она действительно не знала, как отвечать на подобные вопросы.

Постороннему это трудно было объяснить. Их матери, Сара Беннет и Селеста Блэквуд, дружили со студенческих лет, когда одна ещё носила хвост и подрабатывала в библиотеке, а другая уже умела входить в комнату так, что все оборачивались. Дружба пережила замужество Селесты, рождение Дэниела, развод Сары, и Эмили с Дэниелом выросли внутри этой экосистемы.

Ей было одиннадцать, когда компания восьмиклассников отобрала у неё тетрадь, в которой она чертила уровни для игр, тогда ещё не существовавших: лабиринты, комнаты с ловушками, карты островов с пометками «здесь ключ». Тетрадь пошла по рукам, и кто-то писклявым голосом зачитывал вслух её подписи. Дэниел учился на класс старше, но ростом обгонял многих сверстников. Он забрал тетрадь, полистал и сказал, что это вообще-то круто. Потом вернул её владелице. Больше он ничего не сделал, но большего и не понадобилось. С того дня тетрадь никто не трогал, а Эмили влюбилась так основательно и бесповоротно, что ничто на свете не могло стереть это чувство.

Потом были годы, когда она объясняла ему алгебру. Затем колледж, где он трижды собирался бросить учёбу, и трижды она садилась рядом с ним ночью над статистикой, которую он ненавидел, и разбирала задачи про шары в урне, пока он не начинал решать их сам. На его выпускной она пришла с букетом, и Селеста при всех назвала её «нашим солнышком». Тогда это было приятно. Теперь, вспоминая, Эмили чувствовала неловкость, как от чужой одежды, которую слишком долго носишь.

Тесса наклонилась над столом.

— Эм, я серьёзно. Когда ты перестанешь ждать?

— Ничего я не жду.

Ответ вышел быстрым и резким. Эмили стало за это неудобно, и она опустила глаза в тарелку. Тесса, к её чести, не стала добивать. Она подвинула к ней свою миску с остатками острого бульона, потому что давно заметила: когда Эмили грустит, ей хочется горячего.

Вечером Эмили поехала к матери в Квинс, в квартиру с узкой кухней и окном на кирпичную стену соседнего дома, где Сара прожила двадцать лет и не собиралась никуда переезжать. Пятница у Сары была днём запеканки, и это правило не отменялось ни из-за снегопадов, ни из-за простуд, ни даже из-за развода.

— Ты похудела, — сухо заметила Сара вместо приветствия.

Их встреча всегда начиналась с подобных фраз.

— Я вешу столько же, сколько в прошлую пятницу.

— Значит, похудела в лице. Садись.

Ели они под бормотание телевизора, который Сара никогда не выключала, но и не смотрела. Мать рассказывала про приёмную комиссию колледжа, про абитуриентов, пишущих эссе о том, как поход в горы изменил их жизнь, и про коллегу, которая третий месяц обещала уйти на пенсию. Эмили слушала, и ей было привычно спокойно и тепло.

Правда, это спокойствие продлилось лишь до десерта.

— Селеста звонила, — сообщила Сара, разрезая пирог. — У Дэниела опять всё сложно с этой девушкой. С Ванессой.

Она произнесла имя так, как произносят название болезни.

— Это его выбор, — буркнула Эмили, всей душой надеясь, что разговор на эту тему скоро закончится.

— Селеста считает, что ему нужен кто-то надёжный. Кто-то, кто давно его знает.

— К чему ты клонишь?

— Ни к чему. Просто он хороший мальчик, и вы так давно...

— Он давно не мальчик, ему двадцать девять. И мы просто друзья. Сто раз уже с тобой это обсуждали.

Сара положила ей на тарелку кусок пирога и некоторое время внимательно смотрела на дочь. Эмили знала этот взгляд с детства: мать пыталась прочитать что-нибудь по её лицу и, как обычно, не находила подсказки.

— Ты всегда была такая, — сказала наконец Сара, и в её голосе прозвучал не упрёк, а констатация факта. — Даже маленькая. Упадёшь с велосипеда, коленка в крови, а ты встаёшь и говоришь: «Всё нормально, мам, не волнуйся». А у самой губы трясутся. Я тогда думала, какая ты у меня сильная.

Эмили улыбнулась и отломила вилкой кусочек пирога. Сама она помнила другое: как после ухода отца мать сидела ночами над счетами и думала, что этого никто не видит, и как восьмилетней девочке хотелось, чтобы у мамы стало на одну заботу меньше. Плакать в такой квартире казалось делом неблагодарным.

— Я никогда не хотела, чтобы ты всё время была сильной, — тихо сказала Сара. — Ты ведь это знаешь?

— Знаю, мам.

Это была правда. Мать никогда этого не требовала. Просто Эмили научилась справляться сама раньше, чем ей успели это запретить, и теперь уже не помнила, как бывает иначе.

Дэниел позвонил, когда она шла от метро к своему дому в Бруклине, и на этот раз Эмили ответила.

— Эм, наконец-то. Ты что, меня игнорируешь?

— Я работала. Что случилось?

Случилось всё сразу. Ванесса не отвечала. В понедельник в десять у него была презентация для клиента, и презентация, по его словам, была мертва, как его личная жизнь: тридцать слайдов, ни на одном из которых он никак не мог сосредоточиться из-за нервов.

— Открой первый, — начала Эмили, сворачивая на свою улицу. — Что на нём?

Голос её был уставшим, но спокойным. Она привыкла постоянно решать проблемы друга, хотя иногда ей самой казалось, что она подрабатывает его личным ассистентом двадцать четыре часа в сутки.

— Логотип.

— Убери. Клиент знает свой логотип. Что на втором?

На всё ушло пятнадцать минут, пока она поднималась по лестнице, искала ключи и ставила чайник. Двенадцать слайдов Дэниел выбросил, три объединил, а главную мысль, похороненную на двадцать шестом, они перенесли в самое начало. Эмили слышала, как меняется его голос, становясь из рассеянного и жалобного собранным, почти весёлым. Она любила этот момент. Ей нравилось чувствовать, как его паника превращается в порядок у неё в руках.

— Ты гений, — воскликнул он. — Ты знаешь, что ты гений, Эм?

— Знаю. Ты говоришь это постоянно. А теперь ложись спать.

— Подожди.

Он помолчал, и, даже не видя его, Эмили знала, что он улыбается.

— Помнишь Кони-Айленд? Нам было по семнадцать, мы сбежали с какого-то благотворительного приёма, потому что мать заставила меня надеть бабочку. Ты выиграла в тире плюшевого краба.

— Да. Ты потерял его в тот же вечер на колесе обозрения.

— Вот ты всегда помнишь только плохое. Такая злопамятная. — Дэниел низко засмеялся. — Это был такой весёлый день. Иногда я думаю, что вообще не представляю свою жизнь без тебя. Ты же всегда будешь со мной, Эм?

Он сказал это легко, полушутя, как говорил подобное сотни раз. Эмили стояла у окна с чашкой в руке, смотрела на тёмную улицу, и сердце отозвалось на эти слова мгновенно и послушно, как отзывалось все семнадцать лет. Она даже успела набрать воздуха, чтобы ответить.

— Ой. Эм, это Ванесса на второй линии. Я перезвоню, окей?

В трубке послышались издевательские гудки.

Она поставила чашку на подоконник и долго стояла неподвижно, сжав губы. Потом тихо сказала пустой кухне:

— Куда я могу деться?

И сама удивилась, как горько это прозвучало.

Он не перезвонил ни через десять минут, ни через час. Эмили почистила зубы, легла и честно попыталась думать о садовнике и его одиннадцати зависимостях.

Телефон зазвонил в начале второго. На экране снова высветилось имя Дэниела. Она потянулась за ним с невольной надеждой, хотя ещё минуту назад обещала себе, что больше не станет отвечать на его ночные звонки.

— Эм. Извини, что разбудил.

Голос был подозрительно спокойным, без единой знакомой интонации.

— Ничего. Что она сказала?

— Что между нами всё кончено.

Он коротко выдохнул в трубку.

— Знаешь, я так устал. Мне нужно было услышать твой голос. На этом всё.

От последних слов у Эмили похолодело внутри. Она резко села в кровати.

— Дэниел, ты где? Ты дома?

— Я просто хотел сказать спасибо... За всё. Ты — лучшее, что со мной случалось.

Она уже стояла на ногах. Джинсы, куртка поверх пижамы, ключи от машины на крючке у двери. Прижав телефон плечом к уху, она говорила не останавливаясь, о чём угодно: что уже

вышла, что на улице холодно, что он должен напомнить ей код от двери подъезда, потому что она опять его забыла. Ей нужно было, чтобы он отвечал. Пока он отвечал, он был здесь.

— Я еду, — крикнула она, сбегая по лестнице. — Слышишь меня? Я уже почти у тебя.

Глава 2. Не для тебя

Дверь в квартиру Дэниела оказалась приоткрыта. У Эмили болезненно сжалось сердце. За всю дорогу она успела представить самое страшное, и теперь, стоя на пороге, с ужасом подумала, что могла опоздать. Ей хотелось немедленно ворваться внутрь и одновременно было страшно сделать следующий шаг. С трудом справившись с дрожью в руках, она толкнула дверь и вошла, не разуваясь.

Дэниел сидел на кухонном полу, привалившись спиной к посудомоечной машине. Рубашка, в которой он, по всей видимости, провёл рабочий день, измялась, воротник был расстёгнут. Единственная лампа над плитой освещала его опущенную голову и безвольно лежащие на коленях руки. Рядом валялся телефон с разблокированным экраном, на котором ослепительно улыбалась Ванесса.

При виде друга Эмили ощутила такое облегчение, что на мгновение у неё подкосились ноги. Он был жив. Сидел перед ней и дышал. Но стоило ей разглядеть его осунувшееся лицо и совершенно потухший взгляд, как страх вернулся с новой силой.

— Ты приехала, — произнёс он с едва уловимым упрёком, словно надеялся, что она не воспримет его слова всерьёз.

Эмили опустилась на пол напротив. Ей хотелось обнять его, встряхнуть за плечи, потребовать объяснений за эту страшную ночь. Вместо этого она заставила себя встретиться с ним взглядом и задала вопрос, от которого всю дорогу пыталась отогнать мысли:

— Дэниел, ты думал о том, чтобы покончить с собой?

Он опустил голову и принялся разглядывать собственные ладони. Молчание затягивалось, и Эмили чувствовала, как с каждой секундой всё сильнее сжимается желудок. Наконец Дэниел едва заметно кивнул.

— Не то чтобы... Я не знаю. Просто подумал, что всем станет проще. Ей. Матери. Тебе.

От его ответа стало трудно дышать. Эмили невольно стиснула пальцы, впиваясь ногтями в ладони, но сумела сохранить спокойствие. Сейчас нельзя было позволить страху захлестнуть её, хотя больше всего на свете хотелось расплакаться от ужаса и бессилия.

— Мне проще не станет. Сейчас я позвоню, и сюда приедут люди, которые умеют помогать. Я буду рядом всё это время.

— Не надо никого. Эм, пожалуйста. Мне лучше, когда ты со мной.

Эти слова отозвались в ней болезненной нежностью. Дэниел смотрел с такой отчаянной надеждой, будто одного её присутствия действительно было достаточно, чтобы всё исправить.

Но она слишком испугалась за него, чтобы рисковать.

Эмили набрала 911. Пока диспетчер задавал вопросы, она старалась отвечать чётко и последовательно, хотя сердце по-прежнему колотилось так, что отдавалось в висках. Она назвала адрес, возраст Дэниела, передала его слова и сообщила всё, что знала о возможной опасности. При этом не сводила с него глаз, опасаясь даже на мгновение потерять из виду.

Сначала Дэниел отворачивался, словно не мог простить ей этого звонка. Потом закрыл лицо ладонями, ссутулился ещё сильнее и больше не возражал.

Парамедики приехали через двенадцать минут. Они разговаривали с Дэниелом так буднично и мягко, что Эмили впервые за этот час смогла нормально вдохнуть. В приёмном отделении её попросили подождать в коридоре. Она сидела на пластиковом стуле под гудящей лампой, держала на коленях его куртку и смотрела, как темнота за окном медленно сереет. В шесть утра написала Тессе, что пропустит субботнюю смену и что всё в порядке. Ответ пришёл через минуту: «Всё норм. Приходи, когда сможешь».

Вскоре к Эмили вышла женщина лет пятидесяти, с усталым лицом и бейджем на тонком шнурке. Она присела рядом и спокойным, чуть охрипшим голосом объяснила, что Дэниел

останется под наблюдением до осмотра психиатра. Затем заверила, что девушка всё сделала правильно, вовремя обратившись за помощью.

— Вы ему очень помогли сегодня, — добавила она, заметив, как напряжённо Эмили сжимает руки на коленях. — Но, пожалуйста, запомните одну вещь. Вы не можете отвечать за его жизнь и безопасность. Для этого есть специалисты, лечение и, в конце концов, он сам. Не взваливайте на себя то, что одному человеку не под силу.

Эмили молча кивнула. Она понимала каждое слово, но стоило вспомнить опустошённый взгляд Дэниела и его тихое «ты лучшее, что со мной случалось», как разумные доводы теряли силу. Она не могла представить, как однажды просто не ответит на его звонок. Особенно теперь, когда знала, чем это может кончиться.

Дэниела выписали через два дня. После осмотра психиатр счёл возможным продолжить лечение амбулаторно при условии регулярных встреч со специалистами и соблюдения составленного плана безопасности. Ему назначили еженедельную терапию, записали на консультацию через три дня и дали номер круглосуточной кризисной линии. Письменные рекомендации он показал Эмили с таким видом, словно принёс домой школьный дневник и заранее приготовился к выговору.

Она внимательно прочитала пункты о режиме сна, отказе от алкоголя и людях, к которым следовало обращаться в трудные минуты. Своё имя обнаружила третьим — после Селесты и терапевта.

— Я записал тебя третьей, — заметил Дэниел, проследив за её взглядом, и слабо улыбнулся. — Это ради приличия. Всё-таки она моя мать. На самом деле ты первая. Ты всегда первая.

Когда-то такое признание сделало бы её счастливой. Теперь от него только защемило сердце.

На четвёртый день Дэниел попросил об очередной услуге.

— Мне нужно с ней поговорить. Один раз, нормально, без истерик. Закончить всё по-человечески.

Имя Ванессы даже не требовалось произносить. Эмили давно научилась узнавать его по особой настойчивости в голосе Дэниела, по надежде, которую он тщетно пытался скрыть за показным равнодушием.

— Ты обсуждал это с терапевтом?

— Обсуждал. Он сказал, что разговор может помочь, если идти на него с ясной целью. — Дэниел помолчал. — Она не берёт трубку, Эм. А тебе ответит. Поможешь?

Эмили не спешила соглашаться. Она слишком хорошо помнила, чем заканчивались их предыдущие примирения: отчаянными звонками среди ночи, обещаниями начать всё сначала и очередным разочарованием, после которого именно ей приходилось собирать Дэниела по кусочкам. Но теперь к привычной жалости примешивался страх. Она боялась, что отказ станет для него ещё одним доказательством собственной ненужности.

В тот же вечер она написала Ванессе, стараясь сделать сообщение предельно коротким и нейтральным. Ответ пришёл через сорок минут: «Ладно. Пятница, девять, у моего дома. Только недолго». В конце стояло розовое сердечко, показавшееся Эмили особенно неуместным. Она долго смотрела на экран, не понимая, как можно одним небрежным сообщением распоряжаться надеждами человека, который ещё несколько дней назад не хотел жить.

В пятницу дождь зарядил с самого обеда. К вечеру Манхэттен скрылся за плотной серой завесой, фонари расплывались в мокрых стёклах, а дворники едва успевали смахивать воду с лобового стекла.

Дэниел сидел рядом, рассеянно вертя в руках старую бейсболку с эмблемой колледжа. За последние дни он немного пришёл в себя, снова начал шутить и даже несколько раз заговорил о работе, но Эмили замечала, как быстро менялось его настроение при одном упомина-

нии Ванессы. Сейчас он выглядел почти спокойным, лишь пальцы без конца мяли выцветший козырёк.

— Я с ней поговорю и поставлю точку, — произнёс он, не отрывая взгляда от дороги. — Окончательно. Обещаю.

— Не обещай того, чего выполнить не сможешь.

— На этот раз всё иначе, Эм. Вот увидишь.

Он повернулся и улыбнулся той самой улыбкой, от которой у одиннадцатилетней Эмили когда-то подкашивались колени.

Эмили отвернулась к дороге, крепче взявшись за руль. Слишком многое зависело от разговора, в котором ей самой не было места.

Ванесса появилась у подъезда ровно в девять. Швейцар держал над ней большой чёрный зонт, оберегая от дождя безупречно завитые и уложенные чёрные пряди и светлое кашемировое пальто. Не дожидаясь, пока Дэниел выйдет навстречу, она распахнула заднюю дверь автомобиля.

— Не на улице же, — объявила Ванесса, устраиваясь на сиденье вместе с облаком дорогих духов. — Пересаживайся сюда, Дэнни. Привет, Эмили. Ты у него теперь ещё и личный шофёр?

Дэниел поспешно перебрался назад. Эмили промолчала, хотя насмешливый тон Ванессы неприятно задел её. Она отъехала от подъезда и повела машину вдоль квартала, стараясь сосредоточиться на скользкой дороге.

Ей и раньше случалось оказываться невольной свидетельницей их ссор, но сегодня собственное присутствие казалось особенно унизительным. Она привезла мужчину, которого любила почти всю жизнь, к женщине, из-за которой едва его не потеряла, и теперь должна была терпеливо ждать, пока они решат, хотят ли снова быть вместе. Дэниел даже не подумал, насколько тяжело ей это даётся. Впрочем, Эмили сама постаралась, чтобы он никогда об этом не догадался.

Поначалу разговор складывался на удивление спокойно. Дэниел рассказывал о больнице, о бессонных ночах и о том, как устал от бесконечных расставаний и примирений. В его голосе слышалась непривычная серьёзность, и Эмили, прислушиваясь, невольно проникалась надеждой. Возможно, на этот раз он действительно сумеет сказать всё, что давно должен был сказать.

Ванесса слушала молча, время от времени поправляя рукав пальто. В зеркале заднего вида Эмили видела её миловидное лицо, на котором постепенно проступало раздражение. Наконец она заявила, что устала от постоянных драм, что не обязана отвечать за настроение Дэниела и что он сам превращает их отношения в чёрт-те что.

Дэниел вспылил почти сразу. В его голосе зазвучала обида, накопившаяся за долгие месяцы. Ванесса ответила не менее резко, и вскоре они уже перебивали друг друга, припоминая поездку в Хэмптонс, разбитый телефон и какую-то Келли, о существовании которой Эмили прежде даже не подозревала.

Она смотрела на дорогу, изредка бросая взгляд в зеркало, и чувствовала, как тает надежда на спокойное завершение этой истории. С каждым новым обвинением Дэниел говорил всё горячее, Ванесса отвечала всё язвительнее, и Эмили уже приготовилась вмешаться, когда их голоса неожиданно стихли.

Эмили невольно взглянула в зеркало заднего вида и увидела, как Ванесса притянула Дэниела к себе за воротник рубашки. Он ответил на поцелуй с такой жадностью, словно ещё минуту назад не обвинял её во всех своих несчастьях. Его пальцы запутались в чёрных волосах, Ванесса обвила руками его шею, и от недавней ссоры не осталось даже следа.

Эмили поспешно отвела глаза.

Она знала, что так будет. За шесть лет Дэниел и Ванесса расставались столько раз, что очередное «между нами всё кончено» давно ничего не значило. И всё же после той страшной ночи ей хотелось верить, что на этот раз всё будет иначе.

Но он снова целовал Ванессу, а Эмили везла их по мокрым улицам Манхэттена, стараясь не слышать шорох одежды и приглушённые вздохи за спиной.

Она крепче сжала руль. На перекрёстке загорелся красный, впереди остановилось такси, а по пешеходному переходу торопливо пробежала женщина, прикрывая голову пакетом. Эмили следила за каждым её шагом, лишь бы не смотреть в зеркало.

Сзади послышались стоны, и она не выдержала.

— Может, хватит уже? Идите в мотель или... куда угодно.

— Господи, Дэнни, реально, давай полегче. Твоя подружка, кажется, ревнует.

Голос Ванессы был звонким, а тон — насмешливым.

У Эмили болезненно сжалось сердце. Она почувствовала, как к щекам приливает жар, и ещё сильнее сосредоточилась на дороге.

— Несс... — неуверенно протянул Дэниел.

— Нет, серьёзно. — В голосе Ванессы зазвучала приторная дружелюбность, от которой Эмили стало не по себе. — Взрослые люди делают взрослые дела. Эмили, милая, тебе давно пора кого-нибудь найти. Хоть кого-нибудь. Ты же до сих пор девственница? Поэтому ты так и реагируешь на абсолютно естественные вещи.

Эмили почувствовала себя так, словно её раздели перед посторонними.

Она никогда не обсуждала с Ванессой свою личную жизнь и уж тем более не давала ей права превращать собственную неопытность в повод для издевательств. Но сильнее самого оскорбления ранило то, что Дэниел прекрасно знал, насколько болезненна для неё эта тема, и, похоже, обсуждал её со своей девушкой.

Сейчас Эмили ждала, что у него хватит совести вступиться. Не станет оправдываться перед Ванессой, не попытается обратить всё в шутку, а просто попросит её замолчать. За семнадцать лет дружбы она ни разу не требовала от него выбирать между ними. Но теперь, в эту минуту, ей хотелось услышать хотя бы одно слово в свою защиту.

Однако Дэниел лишь неловко хмыкнул.

— Ну... Эм у нас девушка старомодная, — произнёс он и засмеялся вместе с Ванессой.

Его смех прозвучал тише, почти смущённо, но Эмили было достаточно и этого.

На мгновение она перестала узнавать человека, ради которого несколько дней назад провела бессонную ночь в больничном коридоре. Теперь Дэниел сидел за её спиной и смеялся над ней, потому что женщине, которую он любил, захотелось развлечься.

Что-то внутри болезненно оборвалось.

Эмили включила поворотник, перестроилась к тротуару и остановила машину у пожарного гидранта.

— Выходите.

Дэниел подался вперёд.

— Эм, да ладно тебе, это же шутка...

— Оба. Вон из моей машины.

— Там ливень, — заметила Ванесса с таким возмущением, словно Эмили предлагала ей босиком пройти несколько километров.

— Я заметила.

— Эм, послушай, она не имела в виду...

— Она имела в виду ровно то, что сказала. И ты тоже.

Эмили не оборачивалась. Руки дрожали, и она изо всех сил удерживала их на руле, боясь, что малейшее движение выдаст её состояние. Ей было больно, стыдно и до слёз обидно, но сильнее всего хотелось поскорее остаться одной, чтобы больше ни секунды не слышать их голоса.

— Я привезла тебя сюда, чтобы ты поставил точку, и ты её поставил. Поздравляю. А теперь проваливай.

На заднем сиденье повисло молчание. Дэниел, должно быть, ожидал, что она смягчится, как делала всегда, стоило ему виновато улыбнуться или произнести её имя особенным, ласковым тоном. Эмили смотрела прямо перед собой, на размытые дождём огни, и впервые за долгие годы не собиралась уступать.

Наконец хлопнула одна дверь, следом другая. В салон ворвался сырой холод, а Ванесса успела бросить напоследок что-то об «истеричке».

Эмили тронулась с места, даже не взглянув в зеркало.

Лишь на следующем перекрёстке она поняла, что стискивает руль с такой силой, что побелели пальцы. Грудь болезненно сдавило, дышать получалось неглубоко.

Она ехала, почти не разбирая дороги, пока знакомые оживлённые улицы не сменились пустынными кварталами старого промышленного района Бруклина. У обочины тянулись тёмные складские здания с заколоченными окнами, редкие фонари едва освещали мокрый асфальт, а дождь колотил по крыше автомобиля с такой силой, что заглушал шум двигателя.

Эмили остановилась у тротуара и заглушила мотор.

Несколько минут она сидела неподвижно, прислушиваясь к барабанной дроби дождя и пытаясь справиться с комом в горле. Ей хотелось разозлиться. Вспомнить все унижения, которые она терпела от Ванессы, все обещания Дэниела, все случаи, когда он бросал её ради очередного примирения. Убедить себя, что на этот раз всё окончательно и она больше никогда не позволит обращаться с собой подобным образом.

Но вместо злости пришли слёзы.

Сначала несколько горячих капель скатились по щекам, и Эмили раздражённо стёрла их ладонью. Но остановиться уже не могла. Она закрыла лицо руками, стараясь подавить всхлипы, и вскоре плакала так сильно, что заболело горло.

Семнадцать лет.

Почти всю сознательную жизнь она любила Дэниела, радуясь каждому его успеху, переживая его неудачи как собственные, отказываясь от свиданий с другими мужчинами в надежде, что однажды он посмотрит на неё иначе. Ей хватало случайного объятия, ласкового прозвища, редких признаний в том, что без неё он бы пропал.

Сегодня он снова доказал, насколько мало всё это значило.

Больно было даже не от насмешки Ванессы, от неё доброты никто и не ждал. Но Дэниел знал, как много значит для Эмили, и настолько привык к её преданности, что даже не задумался, как сильно может её ранить.

Неделю назад он сказал, что она всегда будет для него первой.

Теперь Эмили с горечью понимала, насколько по-разному они представляли себе смысл этих слов.

Она попыталась успокоиться, вытерла лицо рукавом и сделала глубокий вдох, но слёзы продолжали течь. В детстве, когда переживания становились невыносимыми, у неё был собственный способ справляться с ними. В девять лет Эмили обнаружила, что трудно одновременно плакать и без запинки произносить длинную скороговорку. Нужно было сосредоточиться на каждом слове, заставить язык слушаться, и постепенно дыхание выравнивалось, а слёзы отступали.

С тех пор она прибегала к этому маленькому ритуалу всякий раз, когда не могла совладать с чувствами.

— Семь сонных саламандр, — прошептала Эмили, стараясь унять дрожь в голосе, — собирали... созвездия...

На последнем слове голос предательски сорвался. Она смахнула слёзы, глубоко вдохнула и попробовала снова, старательно выговаривая каждый слог. Но стоило добраться до середины скороговорки, как перед глазами вновь возник Дэниел, смеющийся вместе с Ванессой, и горло сдавило от обиды.

Эмили предприняла ещё одну попытку, однако вместо слов вырвался какой-то жалкий всхлип, неожиданно перешедший в нервный смех.

Ей было двадцать восемь лет. Она окончила университет, построила карьеру, научилась самостоятельно решать проблемы, от которых другие теряли голову. И всё же сидела посреди пустынной улицы, совершенно разбитая из-за мужчины, который даже не замечал, сколько боли ей причиняет.

Сколько ещё лет она собиралась ждать, пока он её полюбит? Сколько унижений простить, прежде чем наконец признать очевидное?

Отказаться от этой надежды значило отпустить и того мальчишку, который когда-то заступился за неё в школе.

Постепенно слёзы иссякли, оставив после себя саднящее горло, тяжесть в голове и неприятную пустоту. Эмили выпрямилась, откинула с лица прилипшие волосы и потянулась за коробкой салфеток, которую обычно держала на заднем сиденье.

Пальцы наткнулись на что-то мягкое.

Она обернулась и увидела бейсболку Дэниела — старую, выцветшую, с потрёпанным козырьком и эмблемой колледжа. Ту самую, которую он машинально мял всю дорогу к дому Ванессы.

Эмили сжала бейсболку.

Ей захотелось выбросить её прямо в окно, под колёса первой проезжающей машины. Пусть хотя бы однажды он потеряет что-нибудь окончательно. Пусть сам вспомнит, где оставил, позвонит, попросит вернуть. А она не ответит.

Порыв оказался таким сильным, что Эмили уже потянулась к кнопке стеклоподъёмника, но остановилась.

Она не могла так поступить. Даже теперь.

Разозлившись на собственную слабость, Эмили швырнула бейсболку на пассажирское сиденье и потянулась за салфеткой. Ей хотелось поскорее вытереть лицо, привести себя в порядок и уехать из этого мрачного места, где каждый новый порыв ветра заставлял машину едва заметно покачиваться.

И тут за лобовым стеклом мелькнула тень.

Эмили подняла голову.

Сначала ей показалось, что это обычный прохожий, пытающийся укрыться от дождя. Но человек двигался слишком быстро. Он бежал вдоль кирпичной стены склада, сильно пригибаясь, временами спотыкался и прижимал ладонь к боку. Даже сквозь потоки воды, стекавшие по стеклу, было видно, что каждое движение даётся ему с трудом.

Эмили насторожилась.

Мужчина оглянулся через плечо, и почти сразу из переулка за ним выскочили ещё двое.

Они бежали следом, явно стараясь сократить расстояние. Один что-то выкрикнул, но дождь заглушил слова. Второй вскинул руку, и под жёлтым светом уцелевшего фонаря на мгновение блеснул металл.

Эмили похолодела.

Она не сразу поняла, что увидела, вернее, отчаянно не хотела понимать. В такой час, на пустынной улице среди заброшенных складов, у мужчины в руке могло оказаться что угодно. Но то, как преследуемый пригнулся ещё ниже, не оставляло надежды на безобидное объяснение.

Сердце забилось часто и тяжело. Эмили невольно сползла ниже на сиденье, стараясь не привлекать внимания. Машина стояла почти под фонарём, и внезапно ей стало страшно от мысли, насколько хорошо её видно с улицы.

Незнакомец снова оглянулся. Он уже заметно хромал, однако продолжал бежать, упрямо прижимая ладонь к раненому боку. Преследователи приближались.

Эмили нащупала телефон.

Нужно было вызвать полицию. Немедленно.

Она уже разблокировала экран, когда бегущий мужчина внезапно остановился и повернул голову в её сторону.

Даже сквозь залитое дождём стекло Эмили ощутила на себе его взгляд.

Несколько мучительно долгих секунд незнакомец оставался неподвижным, словно решал, стоит ли рисковать. Затем снова посмотрел через плечо, оценил расстояние до преследователей и, резко изменив направление, бросился прямо к ней.

Эмили едва успела выпрямиться.

Мужчина стремительно приближался, разбрызгивая воду тяжёлыми шагами. Теперь она различала его высокий рост, тёмную одежду и ладонь, плотно прижатую к боку. По тому, как он двигался, было ясно, что силы у него заканчиваются, но это не мешало ему бежать с пугающей решимостью.

Она потянулась к кнопке блокировки дверей.

Глава 3. Поцелуй незнакомца

Пассажирская дверь распахнулась прежде, чем Эмили успела нажать на кнопку блокировки. В салон ворвались холодный ветер, брызги дождя и незнакомец, которого она ещё несколько секунд назад видела бегущим вдоль склада.

Мужчина буквально рухнул на соседнее сиденье, с трудом втиснувшись в тесное пространство её небольшой машины. Его колени упёрлись в бардачок, широкие плечи едва помещались между дверью и центральной консолью. Не успев толком устроиться, он захлопнул дверь и пригнулся, стараясь исчезнуть из виду.

— Не ори, — хрипло приказал он.

Эмили и не собиралась кричать. От неожиданности и страха у неё перехватило дыхание.

Она вжалась в спинку сиденья, не решаясь пошевелиться. Всего несколько минут назад её самым большим несчастьем казалось предательство Дэниела, а теперь в машине сидел совершенно чужой мужчина, за которым гнались вооружённые люди. Эмили понятия не имела, кто он такой и почему оказался в подобной ситуации. Не исключено, что перед ней был преступник, пытающийся скрыться от собственных сообщников. От этой мысли стало ещё страшнее.

Незнакомец был одет во всё чёрное: мокрая кожаная куртка, рубашка, джинсы и плотно облегавшие руки перчатки. На ткани под распахнутой курткой расплывалось большое тёмное пятно, и Эмили не сразу поняла, что это кровь. Мужчина прижимал ладонь к боку, стараясь сдержать кровотечение, но между пальцами уже проступала кровь.

Она невольно перевела взгляд на его лицо.

Чёрные волосы прилипли ко лбу, по резким скулам стекали капли дождя, а на подбородке темнела короткая щетина. В мочке левого уха поблёскивало небольшое серебряное кольцо. Из-под расстёгнутого ворота рубашки виднелся край татуировки, уходившей вверх по шее. Даже сейчас, раненый и тяжело дышащий, он выглядел настолько суровым, что Эмили невольно подумала: окажись они в другой обстановке, она предпочла бы обойти такого человека стороной.

Незнакомец вдруг повернул голову, и она встретилась с ним взглядом.

Глаза оказались удивительно светлыми, ярко-голубыми, почти ледяными. В них не было ни просьбы о помощи, ни растерянности, которую она ожидала увидеть у человека, только что спасавшегося бегством. Мужчина смотрел холодно и внимательно, словно пытался определить, представляет ли сама Эмили для него опасность.

Этот взгляд окончательно лишил её уверенности.

Он задержался на её лице всего на мгновение, после чего снова сосредоточился на улице и опустился ниже, стараясь не попадать в поле зрения преследователей.

— Двое, — коротко произнёс он, следя за происходящим в зеркале заднего вида. — Идут вдоль машин. Не заводи мотор и не включай свет.

Эмили нервно сглотнула. Она понимала, что должна что-то предпринять, но мысли путались, а присутствие раненого незнакомца рядом мешало сосредоточиться. Кровь продолжала пропитывать его рубашку, и от металлического запаха её начинало подташнивать.

— Вы ранены, — наконец выговорила она, сама удивившись, насколько неуместно вежливо прозвучал её голос. — Я должна вызвать полицию.

Она крепче сжала телефон, который всё ещё держала в руке.

Мужчина даже не попытался ей помешать. Лишь чуть повернул голову, продолжая следить за улицей.

— Звони. Но эти парни будут здесь через минуту, а полиция — через десять.

От его спокойствия Эмили стало ещё тревожнее. Он говорил о вооружённых преследователях так, словно обсуждал неприятную задержку по дороге на работу. И всё же в хрип-

лом голосе чувствовалось напряжение, которое он старательно скрывал. При каждом вдохе его лицо едва заметно искажалось от боли, но ни единого стона он себе не позволил.

Эмили осторожно взглянула в зеркало заднего вида.

Двое мужчин действительно приближались, медленно обходя припаркованные автомобили. Один держал фонарь и методично освещал салоны, задерживая луч на каждом лобовом стекле. Второй шёл немного позади, внимательно оглядывая улицу. Его правая рука была опущена вдоль тела, и в ней поблёскивал металлический предмет.

На этот раз Эмили удалось разглядеть его достаточно отчётливо.

Пистолет.

По спине пробежал ледяной холод. Она почувствовала, как пересохло во рту, и невольно перевела взгляд на незнакомца. Тот тоже наблюдал за приближавшимися мужчинами, не шевелясь и почти не дыша.

Ещё несколько машин — и они окажутся совсем рядом.

Эмили с ужасом осознала, что теперь опасность угрожает не только её неожиданному пассажиру. Если преследователи обнаружат его в салоне, она окажется между вооружёнными людьми и человеком, которого они явно не намеревались отпускать.

И никто из них не станет разбираться, почему она оказалась здесь.

Эмили крепче сжала телефон, лихорадочно пытаясь придумать, как выбраться из положения. Завести двигатель и уехать? Стоило включить зажигание, как фары осветили бы улицу, немедленно привлекая внимание преследователей. Позвонить в полицию? Она не сомневалась, что мужчины услышат её голос, прежде чем диспетчер успеет принять вызов. А если они заглянут в машину и обнаружат незнакомца, последствия могли оказаться непоправимыми для них обоих.

Рядом раздалось приглушённое ругательство.

Мужчина попытался сползти ниже по сиденью, но тут же болезненно поморщился. Его крупное тело с трудом помещалось в тесном салоне, а рана не позволяла согнуться так, чтобы скрыться от постороннего взгляда.

Она перевела взгляд с незнакомца на приближающийся луч фонаря, чувствуя, как отчаяние постепенно вытесняет страх. Нужно было что-то придумать, немедленно, пока преследователи не добрались до них.

И вдруг её осенило.

На пассажирском сиденье, рядом с незнакомцем, всё ещё лежала старая бейсболка Дэниела, которую она так и не успела убрать. Эмили схватила её и, прежде чем мужчина успел понять, что происходит, натянула ему на голову, опустив козырёк почти до самых бровей.

Он резко повернулся к ней, явно не ожидав подобной выходки. Светлые глаза вспыхнули удивлением, а затем недовольством.

— Что ты...

— Молчите, — прошептала Эмили.

И поцеловала его.

Она сама едва поверила в то, что делает. Ещё мгновение назад незнакомец казался ей человеком, от которого следовало держаться как можно дальше, а теперь она обхватила ладонями его лицо, заставляя отвернуться от окна, и прижалась губами к его губам.

Никакого плана у неё не было. Лишь отчаянная надежда, что двое мужчин, заглядывая в припаркованные автомобили, не станут особенно внимательно рассматривать целующуюся пару.

Козырёк бейсболки прикрывал лицо незнакомца, а распущенные волосы Эмили заслоняли его профиль со стороны улицы. Она чувствовала под пальцами влажную кожу, колючую щетину на щеках и напряжение, с которым мужчина пытался разобраться в происходящем.

Первые секунды он не отвечал.

Его неподвижность оказалась мучительной. Эмили вдруг испугалась, что он оттолкнёт её, начнёт возмущаться или просто отстранится, разрушив единственное прикрытие, которое она сумела придумать.

Но незнакомец, похоже, быстро оценил ситуацию.

Его ладонь в кожаной перчатке осторожно легла ей на затылок. Он не притянул Эмили ближе и не попытался перехватить инициативу, лишь слегка придержал, помогая скрыть лицо от улицы. А затем ответил на поцелуй.

Это произошло настолько неожиданно, что Эмили на мгновение забыла о преследователях.

Ей казалось, что она должна испытывать исключительно страх и отвращение к происходящему, но вместо этого с растерянностью обнаружила, насколько остро ощущает каждое его прикосновение.

Его губы оказались тёплыми, вопреки холоду, которым веяло от промокшей одежды. Поцелуй, начавшийся неловко и осторожно, постепенно стал увереннее. Мужчина словно перестал сомневаться в её намерениях и теперь поддерживал опасный спектакль с такой убедительностью, что Эмили пришлось напомнить себе, ради чего всё затевалось.

За стеклом мелькнул свет.

Она почувствовала, как незнакомец едва заметно напрягся, и крепче прижалась к нему, стараясь заслонить от посторонних глаз.

Луч фонаря скользнул по капоту, задержался на лобовом стекле и осветил её плечо.

Эмили зажмурилась.

Страх вернулся с такой силой, что у неё похолодели руки. Она отчётливо слышала собственное сердцебиение, дождь, барабанивший по крыше, и неровное дыхание мужчины. От его куртки пахло мокрой кожей, холодным воздухом и кровью. Незнакомец терпеливо сохранял неподвижность, хотя Эмили чувствовала, каких усилий ему стоит не реагировать на боль.

Внезапно в боковое стекло постучали.

Она едва не отпрянула, но пальцы на затылке слегка сжались, предупреждая. Эмили заставила себя остаться на месте, продолжая целовать его, хотя теперь всё её существо требовало немедленно спрятаться.

— Эй, голубки! — донёсся снаружи грубый мужской голос.

Второй мужчина рассмеялся.

— Отстань от людей. Пусть развлекаются.

Эмили почувствовала, как к лицу приливает жар. Если бы обстоятельства были другими, она наверняка сгорела бы от стыда. Сейчас ей хотелось лишь одного: чтобы эти люди поскорее ушли.

Однако свет продолжал падать на машину.

Незнакомец медленно провёл большим пальцем по её затылку, едва заметно меняя положение головы, и поцелуй невольно стал глубже. Эмили не поняла, было ли это частью маскировки или мужчина сам на мгновение забыл об опасности. Она лишь почувствовала, как по телу пробежала неожиданная дрожь, не имевшая ничего общего с холодом.

И тут где-то в конце улицы раздался резкий окрик, за которым последовал короткий свист.

Луч фонаря исчез.

Мужчины обменялись несколькими невнятными фразами и поспешили прочь, громко шлёпая по лужам. Постепенно их шаги растворились в шуме дождя, оставив после себя лишь пустую улицу и слабое мерцание далёкого фонаря.

Опасность миновала.

Эмили поняла это не сразу. Она по-прежнему держала ладони на щеках незнакомца, чувствуя под пальцами его щетину, а он продолжал целовать её, хотя необходимость в притворстве уже исчезла.

Именно тогда она впервые осознала, что не хочет отстраняться.

Открытие оказалось настолько неожиданным, что Эмили поспешно разомкнула объятия и отодвинулась к своей двери. Мужчина отпустил её сразу, без малейшей попытки удержать.

Несколько секунд она сидела, стараясь восстановить дыхание и справиться с беспорядочными мыслями. Щёки горели, губы покалывало, а сердце никак не желало успокаиваться. Она боялась посмотреть на незнакомца, потому что не представляла, что увидит в его глазах после столь нелепого и неожиданно волнующего поступка.

В конце концов любопытство пересилило смущение.

Мужчина разглядывал её из-под козырька чужой бейсболки. В ярко-голубых глазах ещё сохранялось удивление, но постепенно его сменяло насмешливое выражение. Один уголок рта едва заметно приподнялся.

— Неплохо, — произнёс он охрипшим голосом. — Часто так делаешь?

Эмили почувствовала, как к щекам приливает новая волна жара. Ей хотелось возмутиться, объяснить, что она вовсе не имеет привычки целоваться с первыми встречными, но вместо этого почему-то ответила:

— Каждую пятницу.

Мужчина коротко хмыкнул.

Улыбка внезапно исчезла с его лица. Он согнулся, прижимая ладонь к раненому боку, и выругался с такой выразительностью, что Эмили невольно вздрогнула.

Волнение от поцелуя уступило место тревоге.

— Вам нужна скорая, — сказала она, заметив, насколько сильнее пропиталась кровью его рубашка. — И полиция. В вас стреляли?

— Порезали. Неглубоко.

Эмили с сомнением посмотрела на тёмное пятно.

Она не разбиралась в ножевых ранениях, но слово «неглубоко» совершенно не вязалось с количеством крови, которое успело попасть на его одежду и её сиденье. Мужчина, однако, не выглядел человеком, готовым обсуждать собственное состояние.

Он стянул зубами перчатку с правой руки, небрежно бросил её рядом и достал телефон. Быстро набрал сообщение, почти не глядя на экран, после чего убрал устройство обратно в карман.

— Мои люди будут здесь через три минуты. С медиком.

Эмили недоверчиво приподняла брови.

— «Мои люди»? Мы что, в кино? Вы — мафиози?

— Типа того.

Он произнёс это с таким равнодушием, словно ничего необычного в сказанном не находил.

Эмили попыталась представить, какой жизнью нужно жить, чтобы после нападения вооружённых людей вызывать не скорую помощь, а собственную команду с врачом, и решила, что предпочла бы никогда этого не узнать.

Незнакомец снова посмотрел на неё. Теперь, когда опасность отступила, его взгляд сделался внимательнее, словно только сейчас он по-настоящему разглядел девушку, которая неожиданно пришла ему на помощь.

— Благодарю, — произнёс он после короткой паузы.

Эмили растерялась.

Это простое слово прозвучало неожиданно искренне, хотя по суровому лицу мужчины трудно было догадаться, что он вообще способен испытывать благодарность. На мгновение ей

даже стало приятно оттого, что её безумная выходка действительно помогла спасти человеку жизнь.

Однако приятное чувство продержалось недолго.

Незнакомец полез во внутренний карман куртки и извлёк бумажник.

— Сколько?

Эмили непонимающе посмотрела на него.

— Простите?

— За машину. И за беспокойство.

Она несколько секунд молча переводила взгляд с его лица на бумажник, пытаясь убедиться, что правильно расслышала.

Потом всё недавнее напряжение, страх и унижение, пережитое из-за Дэниела, внезапно превратились в такую острую злость, что захотелось ударить этого самоуверенного болвана чем-нибудь тяжёлым.

Неужели он действительно решил, что любую услугу можно оплатить? Что девушка, которая только что рисковала собственной жизнью, заслуживает лишь нескольких купюр за испачканное сиденье и поцелуй? Разве она похожа на человека, который спасает чью-то жизнь из личной выгоды?

— Выйдите из моей машины.

Мужчина слегка приподнял бровь.

— Я серьёзно. Что хотите. Квартиру, новую машину, самолёт. Что угодно. Вы спасли мне жизнь.

— Уберите деньги и выйдите. Вас ищут люди с оружием, вы истекаете кровью и предлагаете мне чаевые за поцелуй. Всё это мне неприятно. Выйдите, пожалуйста, пока я не передумала и не позвонила в полицию прямо при вас.

Она говорила быстрее, чем собиралась, чувствуя, как от возмущения горит лицо. Ей было совершенно безразлично, насколько опасным выглядит этот человек и сколько денег лежит в его бумажнике. После сегодняшнего вечера Эмили больше не собиралась позволять мужчинам обращаться с ней так, словно её достоинство ничего не стоит.

Незнакомец долго смотрел на неё, не произнося ни слова.

Его лицо оставалось непроницаемым, но в глазах мелькнуло неподдельное удивление. Похоже, он действительно не ожидал подобной реакции. Возможно, женщины редко отказывались от его предложений, а уж тем более не требовали немедленно покинуть машину.

Наконец мужчина убрал бумажник.

— Полиция будет, — сказал он. — Позже. Но ты её не вызовешь.

— Вы мне угрожаете?

— Нет. Конечно нет.

Эмили настороженно посмотрела на него. В его тоне не было ни раздражения, ни желания продолжать спор.

В конце улицы мелькнули фары.

Большой чёрный внедорожник медленно подъехал к тротуару и остановился неподалёку. Двое мужчин почти одновременно вышли из салона, оглядываясь по сторонам. Один из них направился к машине Эмили, но незнакомец коротким жестом остановил его.

— Это за мной, — сообщил он.

Он открыл дверь, впустив внутрь холодный ветер и шум дождя, затем осторожно выбрался наружу. На мгновение замер, очевидно пережидая приступ боли, и только после этого выпрямился.

Эмили невольно потянулась к нему, собираясь предложить помощь, но вовремя остановилась. Судя по тому, как мужчина держался, её участие вряд ли пришлось бы ему по душе.

Уже стоя на улице, он неожиданно обернулся.

— Как тебя зовут?

— Не скажу, — упрямо буркнула она.

— Понятно. Запри двери. И уезжай отсюда.

Приказ прозвучал резко, почти грубо, но на этот раз Эмили не стала возражать.

Она наблюдала, как незнакомец пересекает улицу, заметно припадая на одну ногу и продолжая прижимать ладонь к боку. Мужчины из внедорожника поспешили ему навстречу, поддержали под руки и помогли забраться на заднее сиденье. Через несколько секунд автомобиль тронулся и исчез за поворотом, оставив после себя лишь красноватые отблески габаритных огней на мокром асфальте.

Эмили всё ещё смотрела вслед, когда вдруг вспомнила о бейсболке.

Старая кепка Дэниела так и осталась на голове незнакомца.

От неожиданности она даже тихо рассмеялась.

Мужчина, чьё имя она даже не успела узнать, уехал в бейсболке Дэниела, а она осталась одна посреди заброшенного промышленного квартала, с кровью на сиденье и воспоминанием о поцелуе, от которого до сих пор горели губы.

Только теперь Эмили позволила себе по-настоящему испугаться.

Она торопливо заблокировала двери, завела двигатель и несколько секунд просто сидела, глядя на пустую улицу. Колени дрожали, пальцы плохо слушались, а в голове назойливо крутилась одна мысль: ещё немного — и всё могло закончиться совершенно иначе.

Она включила передачу и поехала домой.

Перчатку Эмили обнаружила уже возле собственного дома, когда наклонилась за сумкой.

Чёрная, кожаная, она лежала на пассажирском сиденье ладонью вверх, словно её владелец только что снял её и собирался вот-вот вернуться за ней. Мягкая кожа ещё сохраняла влагу после дождя, а рядом на светлом чехле темнело небольшое пятно крови.

Эмили взяла находку двумя пальцами и некоторое время разглядывала, испытывая странное замешательство.

Теперь у неё была вещь совершенно незнакомого человека. Причём человека, который носил оружие или, по крайней мере, общался с теми, кто его носил, разъезжал на дорогих внедорожниках и мог вызвать личного врача среди ночи. Разумнее всего было бы оставить перчатку в машине, а утром отнести в полицию.

Вместо этого она забрала её домой.

На кухне Эмили положила перчатку на стол, налила себе воды и только тогда заметила, как сильно дрожат руки. Стакан пришлось поставить обратно, чтобы не расплескать содержимое.

Она позвонила в полицейский участок и рассказала дежурному о происшествии возле складов: двое мужчин преследовали раненого незнакомца, у одного из них, вероятно, было оружие, а затем пострадавший уехал на чёрном внедорожнике. Номер машины она не запомнила, зато сумела довольно точно описать место и внешность преследователей.

Дежурный записал её данные и предупредил, что при необходимости с ней свяжутся.

Эмили уже собиралась закончить разговор, когда вспомнила о поцелуе.

Она на секунду замялась, но всё-таки промолчала.

В конце концов, эта подробность не имела отношения к расследованию. Мужчина просто пытался скрыться, а она помогла ему не попасться на глаза преследователям. Совершенно неважно, каким именно способом.

По крайней мере, Эмили очень хотелось в это верить.

Закончив разговор, она отправилась в душ и долго стояла под горячими струями воды, пытаясь окончательно прийти в себя.

Постепенно напряжение отпускало, возвращая способность спокойно думать. Вместе с ним начали всплывать подробности прошедшего вечера: насмешливый голос Ванессы, смех

Дэниела, унизительные слова о её неопытности. Ещё несколько часов назад Эмили казалось, что она никогда не сможет забыть эту сцену.

Теперь же воспоминание неожиданно утратило прежнюю остроту.

Его вытеснило другое.

Чужая рука, осторожно коснувшаяся её затылка. Тёплые, мягкие губы. Неожиданная уверенность, с которой незнакомец ответил на поцелуй. И та короткая, почти неуловимая секунда после исчезновения опасности, когда они оба продолжали целоваться, хотя в этом больше не было никакой необходимости.

Эмили закрыла глаза и почувствовала, как к лицу приливает жар.

Она никогда прежде не испытывала ничего подобного. Поцелуй с совершенно незнакомым мужчиной, да ещё в обстоятельствах, когда следовало думать исключительно о собственной безопасности, никак не укладывался в её представления о разумном поведении.

Но дело было даже не в этом.

Её смущало то, что она не испытывала сожаления.

Более того, стоило вспомнить его губы, как по телу пробегала слабая, совершенно необъяснимая дрожь. Эмили ловила себя на желании снова пережить те несколько мгновений, хотя прекрасно понимала всю нелепость подобных фантазий.

Она резко выключила воду.

Мужчина был опасным незнакомцем, который ворвался в её автомобиль посреди ночи. Она совершенно ничего о нём не знала, даже имени. Возможно, он действительно был преступником. Возможно, завтра его фотографию покажут в новостях рядом с сообщением об очередной перестрелке.

И всё же...

Вытирая волосы полотенцем, Эмили вдруг вспомнила его глаза. Необыкновенно светлые, почти прозрачные.

Она недовольно покачала головой и вышла из ванной.

На кухонном столе по-прежнему лежала перчатка.

Эмили остановилась рядом, некоторое время разглядывая её, затем осторожно взяла в руки. Кожа оказалась удивительно мягкой, а сама перчатка — огромной по сравнению с её ладонью. Она невольно представила руку, которую та облегала, и сразу почувствовала себя глупо.

Нормальная женщина выбросила бы эту вещь. Или хотя бы отнесла в полицию.

Но Эмили почему-то не хотелось с ней расставаться.

В конце концов она открыла верхний ящик комода и спрятала перчатку под стопку свитеров, уверяя себя, что сделала это исключительно ради порядка. Завтра она решит, как поступить с находкой, а сегодня у неё больше не осталось сил ни на какие решения.

Глава 4. Девушка под дождём

Доктор Фридман работал с Рэем Блэквудом уже шесть лет и за это время успел усвоить несколько важных вещей. Прежде всего, его пациент терпеть не мог лишних вопросов, не признавал жалоб на боль и обладал удивительной способностью превращать обычный медицинский осмотр в испытание чужого терпения.

Впрочем, за годы знакомства врач научился не обращать внимания на тяжёлый взгляд и грубые замечания Рэя. В отличие от большинства людей, окружавших Блэквуда, Фридман не испытывал перед ним ни малейшего благоговения, а потому позволял себе роскошь разговаривать с ним так же, как с любым другим упрямым пациентом.

— Что это? — осведомился Рэй, заметив шприц в руке врача.

— Лидокаин.

— Зачем?

— Чтобы вы не дёргались, пока я накладываю швы.

— Я не дёргаюсь.

— Тогда чтобы не дёргался я, — невозмутимо ответил Фридман и приступил к обезболиванию.

Рэй недовольно поморщился, но возражать больше не стал.

Он лежал на медицинской кушетке в комнате, которую дизайнер, занимавшийся оформлением пентхауса, с гордостью именовал гостевой спальней. Сам Рэй предпочитал называть её просто свободной комнатой. Гостей у него практически не бывало, а те немногие, кого он всё-таки впускал в квартиру, никогда не задерживались до утра.

Сейчас безупречно оформленное помещение больше напоминало импровизированный медицинский кабинет. На тумбе лежали стерильные инструменты, рядом стоял раскрытый врачебный чемодан, а дорогое покрывало предусмотрительно убрали подальше от крови.

Ранение оказалось неприятным, хотя и менее серьёзным, чем могло быть. Длинный порез тянулся наискось по левому боку, чуть ниже рёбер. Лезвие прошло достаточно глубоко, чтобы потребовались швы, но, к счастью, не задело жизненно важных органов. Фридман тщательно осмотрел рану, обработал её и теперь методично соединял края повреждённой кожи.

— Ещё немного выше, — заметил он, не отрываясь от работы, — и наш разговор проходил бы в операционной.

Рэй перевёл на него тяжёлый взгляд.

Доктор благоразумно воздержался от дальнейших комментариев, хотя по выражению его лица было ясно, что ему есть что сказать.

Возле двери стоял Брейди, начальник личной охраны Блэквуда, — крупный, широкоплечий мужчина с короткой стрижкой и привычно угрюмым лицом. Рэй прекрасно знал, что за этой мрачной невозмутимостью скрывается тревога. Брейди считал безопасность хозяина своей личной ответственностью и особенно тяжело переносил ситуации, в которых оказывался не способен её обеспечить.

— Нападавших было трое, — начал он, когда Фридман занялся очередным швом. — Двое преследовали вас через соседний двор. Третьего заметили возле фургона, которым перегородили въезд.

Рэй молчал, позволяя продолжать.

Вечером он отправился в Ред-Хук, чтобы лично проверить партию оборудования, предназначенного для нового развлекательного зала в Атлантик-Сити. Обычно подобными вопросами занимались сотрудники, но поставка задерживалась уже вторую неделю, а объяснения подрядчика становились всё менее убедительными. Рэй не любил, когда его заставляли ждать, особенно если речь шла о людях, которым он платил за соблюдение сроков.

Встреча должна была занять не больше получаса.

Вместо этого неизвестные перекрыли служебный въезд фургоном, отрезав его от автомобиля охраны. Водитель остался у ворот, Брейди со своими людьми пытался добраться до соседнего проезда, а Рэю пришлось уходить пешком через складской двор. Один из нападавших успел полоснуть его ножом, прежде чем он вырвался. Теперь в памяти неприятно отчётливо всплывали узкие проходы между зданиями, мокрый асфальт и собственное раздражение оттого, что совершенно незнакомые люди сумели загнать его в подобное положение.

— Полиция уже получила описания двоих, — продолжил Брейди. — Третьего никто толком не рассмотрел. Камеры на территории поставщика частично не работали, записи с соседних зданий сейчас запрашивают.

Рэй нахмурился.

— Кто знал, что я буду там в одиннадцать?

— Вы, я, водитель, Майкл и диспетчер поставщика. Ему заранее сообщили время прибытия, чтобы нас пропустили на территорию.

— Значит, поставщик.

— Возможно. Или кто-то получил доступ к его переписке. Мы проверяем оба варианта.

Рэй медленно выдохнул.

Боль от пореза доставляла неудобство, но по-настоящему выводило из себя другое. Кто-то заранее знал, где он окажется, сумел подготовить нападение и воспользовался слабостью в системе безопасности, которую Блэквуд годами выстраивал вокруг себя.

Он привык контролировать происходящее. Не потому, что получал удовольствие от власти, хотя многие охотно приписывали ему именно это, а потому, что слишком хорошо помнил, чем однажды закончилась его зависимость от чужих решений.

В шестнадцать лет он уже узнал, насколько опасно полагаться на людей, обещавших позаботиться о его безопасности.

Повторять этот опыт Рэй не собирался.

— Хочу полный список тех, кто имел доступ к графику, — распорядился он. — И выясни, почему камеры не работали именно сегодня.

Брейди коротко кивнул.

— Уже занимаемся.

Фридман закончил накладывать последний шов, осторожно промокнул кожу стерильной салфеткой и отступил, оценивая результат.

— Вам необходимо обследование в больнице, — сказал он. — Нужно убедиться, что повреждения не глубже, чем кажутся при осмотре.

— Нет.

Врач снял перчатки и посмотрел на него поверх очков.

— Это было не предложение, мистер Блэквуд.

— Мой ответ не изменился.

Несколько секунд мужчины молча разглядывали друг друга. Брейди благоразумно отвёл взгляд, прекрасно понимая, что вмешательство только ухудшит положение.

— Вы удивительно неприятный пациент, — заметил наконец Фридман. — И с каждым годом становитесь хуже.

— Вы каждый год говорите одно и то же.

— Потому что вы не делаете никаких выводов.

Доктор принялся складывать инструменты, продолжая перечислять рекомендации. Рану следовало содержать в чистоте, не мочить, внимательно следить за температурой и признаками воспаления, принимать назначенные лекарства и непременно явиться на повторный осмотр. Фридман особенно подчеркнул, что ухудшение самочувствия потребует немедленного обращения в больницу, независимо от личного мнения Рэя на этот счёт.

— Я понял, — оборвал его Блэквуд.

— Нет, не поняли. Вы меня перебили.

Рэй медленно повернул голову.

Большинство людей после такого взгляда предпочли бы немедленно извиниться, однако Фридман лишь спокойно защёлкнул замки врачебного чемодана.

— И никаких деловых встреч до утра. Организму необходим отдых.

— Закончили?

— С вами, к сожалению, так просто не закончить.

Врач направился к выходу, оставив Рэя с мрачным выражением лица и свежей повязкой на боку.

Бейсболку Рэй заметил лишь после того, как квартира опустела.

Она лежала на чёрном кожаном кресле в его спальне, куда он, должно быть, бросил её сразу после возвращения. Нелепая, потрёпанная вещь совершенно не вписывалась в безупречный интерьер пентхауса.

Дизайнер, которому поручили оформление квартиры, получил всего несколько указаний: никаких ярких цветов, лишних украшений и вещей, не имеющих практического назначения. В результате получилось именно то, что хотел Рэй, — просторное, дорогое и почти безмолвное пространство.

Тёмное дерево, серый камень, мягкое освещение, идеально подобранная мебель. За матовыми дверцами гардеробной висели костюмы, в которых невозможно было найти ни единой складки. На стенах не было семейных фотографий, на полках — случайных сувениров, а в комнатах — следов чужого присутствия.

Рэй ненавидел беспорядок.

И всё же сейчас посреди этой тщательно организованной пустоты лежала старая бейсболка с выцветшей эмблемой колледжа, и почему-то именно она привлекала его внимание сильнее всего остального.

Он поднял её с кресла и повертел в руках.

Козырёк был потёрт, швы местами разошлись, а изнутри кто-то когда-то написал маркером инициалы, которые давно расплылись от времени. Вещь явно носили много лет и совершенно не заботились о том, как она выглядит.

Рэй невольно вспомнил девушку, которая натянула эту нелепую кепку ему на голову.

Он до сих пор не понимал, что именно заставило её так поступить.

Незнакомая женщина сидела одна в машине посреди пустынного промышленного квартала и имела все основания испугаться окровавленного мужчины, ворвавшегося на пассажирское сиденье. Она могла закричать, попытаться убежать, вызвать полицию или просто выставить его наружу.

Вместо этого девушка велела ему молчать и поцеловала.

Воспоминание оказалось неожиданно подробным.

Он помнил её лицо совсем близко, тёмные волосы, упавшие ему на щёку, прохладные ладони, которыми она обхватила его лицо. Помнил мгновение собственного изумления, когда понял, что происходит, и странное ощущение от того, что совершенно незнакомая женщина решилась на такой отчаянный поступок ради человека, которого впервые увидела несколько минут назад.

Рэй давно привык к женскому вниманию. Оно редко его удивляло, ещё реже вызывало какие-либо чувства, кроме мимолётного желания. Но эта девушка не пыталась ему понравиться, не интересовалась его деньгами и, судя по всему, до смерти боялась.

И всё равно не растерялась.

Особенно отчётливо он помнил тот момент, когда опасность миновала, а она почему-то не спешила отстраняться.

Рэй нахмурился.

Ему совершенно не нравилось, что он до сих пор об этом думает.

Ещё меньше нравилось воспоминание о её возмущении, когда он предложил деньги.

«Уберите деньги и выйдите».

Сказано было с такой искренней яростью, что он едва не рассмеялся прямо в машине. Поразительная женщина. Сначала спасает чёрти кого, рискуя собственной шкурой, а потом чуть ли не выгоняет его под дождь за попытку отблагодарить.

Впрочем, теперь, когда боль от ранения немного притупилась, Рэй был вынужден признать: предложение действительно прозвучало отвратительно.

Он привык решать большинство вопросов деньгами. Это было быстро, удобно и избавляло от необходимости объяснять свои намерения. Особенно женщинам, с которыми он предпочитал не связывать себя никакими обязательствами.

Но та девушка явно ожидала от него чего-то другого.

Не благодарности даже. Обыкновенного человеческого уважения.

И он умудрился оскорбить её через несколько минут после того, как она спасла ему жизнь.

— Молодец, — пробормотал Рэй себе под нос.

Он вспомнил её ответ на вопрос о поцелуях.

«Каждую пятницу».

Уголок рта невольно дрогнул.

От короткого смешка немедленно потянуло свежие швы, и Рэй выругался. Затем положил бейсболку на полку рядом с часами и направился в ванную.

Завтра он её выбросит.

Во всяком случае, именно так он себе пообещал.

К девяти утра Рэй уже появился в штаб-квартире «Блэквуд Энтертейнмент» в Мидтауне.

Он не выспался, рана неприятно ныла при каждом резком движении, а настроение окончательно испортилось ещё до того, как водитель остановил машину у служебного входа. Для компании, зарабатывавшей по ночам, суббота давно стала обычным рабочим днём. По дороге Рэй успел просмотреть ночные отчёты службы безопасности и обнаружил несколько обстоятельств, требовавших немедленного объяснения.

Майкл Ривз встретил его возле лифтов.

Операционный директор компании, один из немногих людей, которым Блэквуд действительно доверял, остановился посреди коридора и несколько секунд разглядывал его с откровенным неодобрением.

Высокий, широкоплечий, с коротко и аккуратно подстриженными светлыми волосами, Майкл даже в субботу выглядел готовым к заседанию совета директоров. Костюм сидел на нём безупречно, серо-голубые глаза смотрели спокойно и внимательно, а прямой нос и тяжёлый подбородок придавали лицу то упрямое выражение, с которым он обычно встречал не сходившиеся в отчётах цифры. Сейчас между его бровей залегла глубокая морщинка, и Рэй прекрасно знал, кто в этом виноват.

— Ты должен лежать.

— Я сижу.

— Рэй.

— Что у нас?

Майкл тяжело вздохнул.

Он знал своего работодателя достаточно давно, чтобы не тратить время на бесполезные уговоры. Если Рэй решил приехать на работу, заставить его вернуться домой можно было разве что силой. И даже тогда результат оставался сомнительным.

— У нас, — произнёс Майкл, следуя за ним в кабинет, — несколько тысяч сотрудников и целый совет директоров, не способный пережить твоё отсутствие хотя бы один день.

— Значит, хорошие новости.

Рэй прошёл к массивному столу из тёмного дерева, положил на него телефон и осторожно опустился в кресло. Майкл остановился напротив, с раздражением наблюдая, как тот поморщился от боли и тут же сделал вид, что ничего не произошло.

За годы совместной работы Ривз привык ко многим неприятным особенностям характера Блэквуда, но его совершенно необъяснимое пренебрежение собственным здоровьем неизменно выводило из себя.

Особенно потому, что во всём остальном Рэй был человеком почти болезненно расчётливым.

Он сумел создать огромную развлекательную империю, начав с одного небольшого клуба, купленного на заёмные деньги. Теперь компания «Блэквуд Энтертейнмент» владела тридцатью двумя ночными клубами в одиннадцати городах и тремя лицензированными казино: двумя в Атлантик-Сити и одним в Лас-Вегасе.

Управление компанией строилось на сложной системе, в которой у каждого подразделения были собственные руководители, бюджет и зона ответственности. Финансами занималась отдельная команда, юридическими вопросами — штат адвокатов, безопасностью — служба Брейди, а за соблюдением нормативных требований следила Дана Ортис.

Последняя обладала редким талантом портить настроение любому руководителю одним-единственным вопросом: «А регулятор об этом знает?»

Рэй лично не управлял клубными сменами, не проверял выручку за барной стойкой и не считал нужным помнить в лицо каждого сотрудника. Его интересовали результаты, безопасность бизнеса и люди, которым он доверял принимать решения.

Доверие, впрочем, доставалось немногим.

Рэй прекрасно помнил каждого, кто однажды его подвёл, независимо от того, сколько лет прошло с момента ошибки. Ещё лучше он помнил тех, кто сумел оправдать его ожидания. За последние годы вторых оказалось значительно меньше.

Дана Ортис появилась в кабинете через пять минут. Как обычно, без предварительного звонка и лишних приветствий. В руках она держала планшет, а выражение её лица не предвещало ничего хорошего.

Рэй ценил в ней именно это. Дана никогда не пыталась смягчить неприятные новости, не подбирала удобных формулировок и не боялась возражать даже ему. За годы работы она усвоила, что Блэквуд предпочитает услышать о проблеме до того, как та превратится в катастрофу.

— Поставщик обслуживает нашу площадку в Нью-Джерси, — сообщила она, остановившись напротив стола. — Если подтвердится, что утечка информации произошла через его системы, нам необходимо уведомить регулирующий орган и документально зафиксировать инцидент.

— Уведомляйте.

Дана взглянула на планшет.

— Сегодня?

— Вчера было бы лучше. Но сегодня тоже сойдёт.

Она коротко кивнула. Никаких попыток выяснить, насколько серьёзно он ранен, или выразить сочувствие не последовало. Дана прекрасно понимала, что подобные разговоры только испортят Рэю настроение, а потому сразу вернулась к работе.

Когда дверь за ней закрылась, Майкл положил перед Блэквудом тонкую папку.

— Брейди поднял переписку с поставщиком. Выяснилось, что их диспетчер переслал график въездов на общий электронный адрес, доступ к которому имеет едва ли не половина офиса.

Рэй открыл папку.

— Идиоты.

— Не спорю. Но это ещё не самое интересное. Две недели назад у поставщика произошёл инцидент с корпоративной почтой. Они предупредили нас письменно. Уведомление получил Палмер.

Рэй оторвал взгляд от документов.

— И?

— Решил, что проблема несущественная. До службы безопасности информация не дошла.

Несколько секунд Блэквуд изучал лежавшую перед ним распечатку. Предупреждение было составлено вполне определённо: поставщик сообщал о возможном несанкционированном доступе к переписке и рекомендовал проверить, какие сведения могли оказаться скомпрометированы.

Палмер получил письмо. Прочитал его. И предпочёл никого не беспокоить.

— Приведи его, — распорядился Рэй.

Майкл не стал спорить, хотя прекрасно представлял, чем закончится предстоящий разговор.

Через десять минут в кабинет вошёл руководитель отдела логистики.

Палмер работал в компании третий год и до недавнего времени считался вполне надёжным сотрудником. Он умел договариваться с подрядчиками, редко срывал сроки и обычно не доставлял руководству лишних хлопот. Возможно, именно привычка самостоятельно справляться с мелкими неприятностями и сыграла с ним злую шутку.

Увидев распечатанное письмо на столе, он заметно побледнел.

— Мистер Блэквуд, я могу объяснить...

— Садись.

Палмер осторожно опустился на край кресла. Он старался держаться уверенно, но напряжённые плечи и нервные движения выдавали его состояние. Не дожидаясь следующего вопроса, мужчина принялся рассказывать о загруженности отдела, нескольких задержанных поставках и о том, что подрядчик якобы заверил его в отсутствии серьёзной угрозы.

Рэй позволил ему выговориться.

Он не перебивал, не повышал голоса и даже не менял выражения лица. Лишь изредка переводил взгляд с сотрудника на лежавшие перед ним документы. Однако чем дольше длились объяснения, тем сильнее Палмер нервничал. В конце концов тот окончательно запутался в собственных оправданиях и замолчал.

— Сейчас ты пойдёшь к Дане, — произнёс Рэй, — и подробно изложишь всё, что знаешь об этом инциденте. С датами, именами и копиями переписки. После этого передашь дела заместителю и сдашь пропуск. Дальнейшие вопросы с тобой будут решать юристы и кадровая служба.

Палмер растерянно посмотрел на него.

— Вы меня увольняете?

— Ты правильно понял.

— Мистер Блэквуд, пожалуйста... У меня трое детей. Я работаю здесь третий год, ни разу не получал взысканий. Это была ошибка!

В голосе мужчины появились отчаянные нотки. Он подался вперёд, надеясь хотя бы на возможность объясниться ещё раз.

— Ты получил предупреждение о возможной утечке и решил, что имеешь право самостоятельно определять, насколько это опасно. В результате люди, которых я не знаю, оказались осведомлены о моих передвижениях. Вчера меня пытались убить.

Последние слова он произнёс без малейшего повышения голоса.

Палмер опустил голову.

— Я не думал, что всё настолько серьёзно.

— Теперь знаешь.

Рэй выдержал короткую паузу.

— Иди.

Мужчина медленно поднялся. Некоторое время он стоял перед столом, словно надеялся услышать, что решение изменилось, но Блэквуд уже открыл следующий документ.

Когда дверь наконец закрылась, Майкл отвернулся от окна.

— Мог бы хотя бы сделать вид, что тебе не всё равно, что у него трое детей.

— Мне не всё равно.

Ривз скептически приподнял бровь.

— Правда?

— Поэтому он получит выходное пособие. Если бы мне было плевать, его ждало бы разбирательство с нашими юристами.

— Ты понимаешь, что половина этажа теперь уверена, будто Палмера увели на расстрел?

Рэй поднял глаза.

— Значит, вторая половина наконец начнёт читать служебную почту.

Майкл невольно усмехнулся, хотя прекрасно понимал, что Блэквуд не шутит.

За годы совместной работы он не раз убеждался: жестокость Рэя редко проявлялась в громких сценах или оскорблениях. Гораздо страшнее было его спокойствие. Он мог без колебаний принять решение, от которого зависела чужая карьера, выслушать мольбы и всё равно не отступить. И если считал человека виновным, добиться от него прощения становилось практически невозможно.

Иногда Майклу казалось, что Рэй слишком дорого платит за собственную непримиримость. Но говорить об этом сейчас не имело смысла.

Он открыл папку на следующей странице.

— Есть кое-что ещё. И, боюсь, тебе это совсем не понравится.

— Говори.

— Меня заинтересовала структура собственности нашего поставщика. «Харбор Лайн Логистикс» принадлежит холдингу, зарегистрированному в Делавэре. Компания существует с девяносто третьего года, но за это время несколько раз меняла название и руководство.

Рэй продолжал просматривать документы, пока Майкл не добавил:

— До две тысячи девятого она называлась «Кестрел Траст Сервисиз».

Пальцы Блэквуда замерли на краю страницы.

Название было знакомым.

Слишком знакомым, чтобы оказаться случайным совпадением.

— Повтори.

Майкл внимательно посмотрел на него.

— «Кестрел Траст Сервисиз». Ты её знаешь?

Рэй не ответил.

Перед глазами неожиданно возник кабинет отца в старом доме у озера. Тёмная мебель, тяжёлые шторы, письменный стол, к которому ему в детстве запрещали даже подходить без разрешения. Отец умер годом раньше, но в кабинете по-прежнему сохранялся его запах — дорогой табак, древесина и едва уловимая горечь любимого одеколона.

Рэю тогда было шестнадцать.

Он случайно обнаружил незапертый ящик стола и несколько папок, которые не должен был видеть. Семейный траст, выписки, документы о переводах средств и длинные таблицы с цифрами, значение которых он понимал лишь отчасти. Тогда он запомнил лишь то, что основ-

ная доля предназначалась ему, но получить контроль над ней он сможет только в двадцать один год.

Однако одного он не мог не заметить: суммы в бумагах не совпадали с тем, что рассказывали ему взрослые.

На некоторых бланках в верхнем углу был изображён небольшой хищный силуэт птицы с расправленными крыльями.

Пустельга.

Рэй помнил, как долго рассматривал эту эмблему, пытаясь разобраться, почему одни и те же средства проходили через несколько компаний под разными обозначениями. Тогда ему казалось, что объяснение обязательно найдётся. Достаточно задать правильный вопрос, и кто-нибудь из взрослых наконец расскажет правду.

Он попытался спросить.

В ответ получил ласковую улыбку, несколько снисходительных замечаний о том, что финансовые дела слишком сложны для подростка, и настойчивый совет больше не заглядывать в чужие документы.

Воспоминание ударило с такой неожиданной силой, что Рэй невольно сжал пальцы.

Он снова ощутил холод подвального пола, тяжесть цепи на щиколотке и мучительную боль в сломанных пальцах. Услышал чужие голоса над головой, тяжёлые шаги по деревянному настилу и металлический лязг засова.

На мгновение кабинет в Мидтауне исчез, уступив место темноте, из которой девятнадцать лет назад он едва выбрался живым.

Рэй заставил себя медленно вдохнуть.

Прошлое не имело права вмешиваться в происходящее. Сейчас перед ним были документы, а не воспоминания. И пока он не располагал доказательствами, любые выводы оставались лишь подозрениями.

Однако совпадение было слишком неприятным, чтобы его игнорировать.

— Рэй? — осторожно окликнул Майкл.

Блэквуд поднял голову.

— Найди всё, что сможешь, по старым регистрациям. Учредителей, директоров, юридических представителей, смены названий и владельцев. Меня интересует каждый документ с момента создания компании.

Майкл нахмурился.

— Что именно мы ищем?

— Пока не знаю.

Он произнёс это спокойно, но Майкл заметил, как крепко Рэй сжимает край папки.

— И ещё, — добавил Блэквуд. — Никаких прямых запросов от нашего имени. Только через юристов и официальные реестры. Не хочу, чтобы кто-нибудь раньше времени узнал о нашем интересе.

— Думаешь, это связано с нападением?

Рэй несколько секунд смотрел на знакомое название.

Девятнадцать лет он пытался понять, кто стоял за его похищением. Кто приказал удерживать шестнадцатилетнего мальчишку в подвале, кто дважды сорвал передачу денег и почему никто так и не объяснил ему, что произошло на самом деле.

Сейчас впервые за долгое время у него появилась ниточка, способная привести к ответам.

— Возможно, — наконец произнёс он. — Но прежде чем делать выводы, я хочу знать, кто за всем этим стоит.

Майкл кивнул и закрыл папку.

Он не стал задавать новых вопросов, хотя прекрасно видел, насколько глубоко задело Рэя неожиданное открытие.

Блэквуд проводил его взглядом, дождался, пока дверь кабинета закроется, и только после этого снова посмотрел на название компании.

Детектив Альварес появилась после обеда.

Невысокая женщина лет сорока, с тёмными волосами, собранными на затылке, и внимательными карими глазами, она производила впечатление человека, которого трудно сбить с толку.

Рэй сразу решил, что она ему не нравится.

Впрочем, особенной симпатии к полицейским он не испытывал и раньше.

Рядом расположился его адвокат, Ричард Хейз, человек безупречно воспитанный и неизменно осторожный в выражениях. Последние двадцать минут он безуспешно пытался убедить клиента в том, что сотрудничество со следствием не требует отвечать на каждый вопрос так, словно собеседник отнимает у него драгоценное время.

— Итак, мистер Блэквуд, — начала Альварес, открывая блокнот. — Вы утверждаете, что на вас напали трое неизвестных возле складского комплекса в Ред-Хуке.

— Утверждаю.

— При этом вы не можете назвать ни одного из нападавших.

— Если бы мог, мы бы не тратили время на этот разговор.

Хейз едва заметно напрягся.

Детектив, напротив, даже не изменилась в лице.

— Почему вы не обратились в полицию сразу после нападения?

— Был занят.

Адвокат медленно повернул к нему голову.

— Мистер Блэквуд получил ножевое ранение, — вмешался он прежде, чем клиент успел окончательно испортить отношения со следствием. — Его первоочередной задачей было получение медицинской помощи. Как только состояние позволило, мы организовали эту встречу.

— Я предпочла бы услышать ответ самого мистера Блэквуда.

Рэй посмотрел на неё с безразличием.

— Потому что из меня текла кровь, детектив. Я решил сначала разобраться с этим.

— В частном порядке?

— С хорошим врачом. Вас интересует его диплом?

Хейз прикрыл глаза.

Альварес сделала очередную пометку.

Расследование продолжалось почти час. Она последовательно уточняла обстоятельства поездки на склад, расположение автомобилей, примерное время нападения и маршрут, которым Рэй покинул территорию. Он отвечал достаточно подробно, когда вопросы касались фактов, но становился заметно менее разговорчивым, стоило детективу попытаться выяснить, кого он подозревает.

Рэй не собирался делиться догадками, которые пока не мог подтвердить. Тем более если они затрагивали события девятнадцатилетней давности.

Наконец Альварес перевернула страницу блокнота.

— В целом ваши показания совпадают с рассказом свидетельницы, которая обратилась к нам той же ночью.

Рэй оторвал взгляд от документов.

— Свидетельницы?

— Мисс Эмили Беннет. Она находилась в припаркованной машине неподалёку от складов. По её словам, видела мужчину, убегавшего от двух преследователей, а позднее заметила, как его забрал чёрный внедорожник.

Рэй облизнул губы.

Эмили Беннет.

Значит, так её зовут.

Он неожиданно отчётливо вспомнил девушку с мокрыми от слёз ресницами и упрямо вздёрнутым подбородком.

Значит, она позвонила в полицию.

Разумный поступок.

Только рассказала далеко не всё.

— Те двое видели её? — спросил он.

Альварес подняла глаза от блокнота.

— Почему вас это интересует?

— Потому что она оказалась на той улице одновременно со мной.

— По словам мисс Беннет, она наблюдала за происходящим из машины. Признаков того, что преследователи установили её личность, у нас нет.

Рэй вспомнил свет фонаря, скользнувший по лобовому стеклу, и тяжёлый стук костяшек по боковому окну.

Признаков, значит, нет.

Он почувствовал неприятный холодок под рёбрами, не имевший ничего общего с ножевой раной.

Эмили не была случайной прохожей, оставшейся незамеченной. Те люди подходили к её машине вплотную. Они видели девушку за рулём, пусть и не разглядели мужчину, которого искали. А если кому-нибудь из них придёт в голову вернуться к событиям той ночи и вспомнить припаркованный автомобиль?

— Вы уверены? — уточнил Рэй.

— Мы проверяем все обстоятельства, мистер Блэквуд. Если появятся основания полагать, что свидетельнице угрожает опасность, необходимые меры будут приняты.

— Когда?

Вопрос прозвучал резче, чем он собирался.

Альварес закрыла блокнот и посмотрела на него уже без прежней невозмутимости.

— Вы располагаете сведениями, которые не сообщили следствию?

Рэй выдержал её взгляд.

Он мог бы рассказать о машине. О том, что двое нападавших находились совсем рядом и даже разговаривали с её пассажирами. Но тогда пришлось бы объяснять, почему девушка скрыла эту часть истории, а заодно подставить её под дополнительные вопросы.

Ему это не нравилось.

Ещё меньше нравилось собственное нежелание впутывать её в расследование.

— Нет, — ответил он наконец. — Не хотел бы, чтобы кто-то пострадал из-за моих проблем.

Альварес несколько секунд изучала его лицо.

— Если возникнет необходимость, мы свяжемся с мисс Беннет напрямую. И я настоятельно рекомендую вам не предпринимать самостоятельных действий в отношении свидетелей.

Рэй слегка приподнял бровь.

— Разумно.

Хейз рядом с ним едва заметно расслабился. Судя по выражению его лица, он уже начал опасаться, что встреча закончится куда хуже.

Детектив задала ещё несколько уточняющих вопросов, после чего поднялась и убрала блокнот в сумку.

— Благодарю за сотрудничество, мистер Блэквуд.

Брейди ждал в коридоре, недалеко от лифта.

Увидев начальника, он сразу направился следом, держа в руке телефон с открытой служебной перепиской.

— Эмили Беннет, — негромко произнёс он. — Я слышал, детектив упомянула свидетельницу. Если хотите, мы можем проверить её адрес, работу, ближайшее окружение. Просто убедиться, что она не причастна.

— Нет.

Брейди удивлённо посмотрел на него.

— Сэр, я не предлагаю ничего незаконного. Обычная проверка безопасности.

Рэй остановился.

— Я сказал нет.

Охранник замолчал.

— Никаких запросов о её личной жизни, никакого наблюдения и попыток установить контакт. Не подходить к ней, не звонить, не отправлять людей к дому.

— Но если нападавшие решат, что она не просто свидетель...

Рэй нажал кнопку вызова лифта и продолжил уже спокойнее:

— Она не причастна. Будь она заодно с теми парнями, я бы тут не стоял. Пусть Хейз связывается с детективом через официальные каналы и уточняет, не появилась ли угроза свидетелям. Если полиции потребуется наше содействие, мы его окажем. Но без самодеятельности.

Брейди кивнул, хотя по его лицу было ясно, что решение ему не нравится.

— Понял.

Рэй вошёл в лифт.

Обычно Брейди не требовалось дважды объяснять очевидные вещи. Он был опытным специалистом, прекрасно знал границы своих полномочий и редко проявлял инициативу там, где её не просили. Именно поэтому Рэй продолжал доверять ему после вчерашнего провала.

Сейчас, однако, Брейди явно не понимал, почему его работодатель вдруг проявил столь необычную щепетильность.

Сам Рэй тоже не находил убедительного объяснения.

Он привык знать о потенциальной угрозе всё. Если требовалось проверить подрядчика, делового партнёра или подозрительного посетителя одного из его клубов, то, насколько это кому-нибудь понравится, его не волновало. Безопасность всегда стояла выше чужого удобства.

Но Эмили Беннет не была ни сотрудницей, ни партнёром, ни человеком, который добровольно согласился иметь с ним дело.

Она оказалась рядом случайно.

Помогла по собственной воле, не рассчитывая на вознаграждение, а затем совершенно недвусмысленно потребовала оставить её в покое.

Рэй собирался уважать это требование.

Эмили Беннет.

Красивое имя.

Рэй мысленно чертыхнулся.

Ему совершенно не было дела до этой женщины.

Вечером позвонил Адриан Стерлинг.

Рэй как раз закончил просматривать очередную порцию документов от юридического отдела и собирался наконец покинуть кабинет, когда на экране высветилось имя старого друга.

— В следующую субботу, — объявил Адриан вместо приветствия. — Мой предсвадебный ужин. Ты обещал ещё в июне, и я не принимаю никаких отговорок. Даже если ты при смерти.

— Я не при смерти.

— Значит, никаких причин пропускать вечер нет.

Рэй откинулся в кресле, осторожно меняя положение тела, чтобы не тревожить рану.

— Ты звонишь напомнить о приглашении или проверить, доживу ли я до субботы?

— Одно другому не мешает.

Адриан рассмеялся, но почти сразу посерьёзнел.

— Кстати, должен предупредить. Там будет Селеста.

Рэй перестал перебирать бумаги.

— И?

— Родители Ванессы давно дружат с Блэквудами. Я не мог её не пригласить. Ты же понимаешь.

— Понимаю.

— Надеюсь, вы хотя бы один вечер сможете провести без скандала.

Рэй усмехнулся.

— Я никогда не начинаю первым.

Адриан тяжело вздохнул.

— Рэй, я серьёзно. Это важный вечер для нас с Ванессой. Я хочу, чтобы рядом были мои друзья, а не чтобы кто-нибудь выяснял старые семейные отношения.

Рэй несколько секунд молчал.

Если бы на другом конце провода находился кто угодно другой, он уже закончил бы разговор. Но Адриан был одним из немногих людей, ради которых Блэквуд соглашался терпеть неудобства.

Много лет назад Стерлинг поверил в него тогда, когда остальные видели лишь трудного молодого человека с сомнительной репутацией и слишком амбициозными планами.

Рэй не забывал подобных вещей.

— Я приеду, — сказал он. — И постараюсь не испортить тебе праздник.

Адриан засмеялся, поблагодарил и закончил разговор.

Рэй положил телефон на стол и некоторое время сидел неподвижно.

Селеста.

Он не видел мачеху пару лет и не испытывал ни малейшего желания исправлять это упущение. За прошедшие годы их отношения не стали лучше. Они научились находиться в одном помещении, не бросаясь друг на друга с обвинениями, но на этом семейное благополучие заканчивалось.

При каждой встрече Селеста неизменно изображала заботливую женщину, которой достался неблагодарный пасынок. Она умела произносить самые неприятные вещи ласковым голосом и выставлять его грубияном, стоило ему ответить хотя бы на половину её намёков.

В юности Рэй пытался спорить.

Потом понял, насколько бессмысленно объяснять правду людям, которым удобнее верить в чужую ложь.

Он поднялся и подошёл к окну.

За стеклом раскинулся вечерний Манхэттен. Огни автомобилей тянулись по улицам бесконечными потоками, над крышами мерцали красные сигнальные огни, а в окнах соседних небоскрёбов постепенно зажигался свет.

Рэй смотрел на город, но мысленно возвращался к документам, которые Майкл принёс утром.

«Кестрел Траст Сервисиз».

Старая компания, внезапно возникшая в цепочке поставщиков. Предупреждение о взломанной почте. Нападение, организованное с неприятной точностью.

Вернувшись к столу, Рэй открыл нижний ящик, чтобы убрать документы, и невольно задержал взгляд на плотной тёмной папке.

Она лежала там почти год.

На корешке аккуратным почерком адвоката было выведено: «Блэквуд — Мерсер. Расторжение брака».

Внутри находились заявление о разводе, предварительное соглашение о финансовом обеспечении Клэр и документы, которые требовали его подписи. Адвокат по семейным делам подготовила всё ещё прошлой осенью, после очередного разговора, закончившегося ничем.

С тех пор Рэй доставал папку лишь дважды.

Он мог бы подписать бумаги за несколько минут. С юридической точки зрения их расставание давно перестало быть сложным вопросом: совместного имущества, которое они не могли поделить, практически не осталось, финансовые условия были более чем щедрыми, а сама Клэр уже почти три года жила в Торонто.

Но каждый раз, когда дело доходило до подписи, Рэй вспоминал Мартина Мерсера.

Мокрую землю под коленями. Промокшую полицейскую куртку, на которой расползалось тёмное пятно крови. Мужчину, который спас ему жизнь и умирал, беспокоясь не о себе, а о дочери.

Девятнадцать лет назад Рэй дал обещание, не представляя, насколько тяжело будет его исполнить.

Поначалу он просто помогал Клэр. Следил, чтобы она ни в чём не нуждалась, оплачивал образование, поддерживал в трудные моменты. Со временем между ними возникла привязанность, которую он искренне надеялся превратить в нечто большее.

Когда девушка призналась ему в любви, Рэй не оттолкнул её.

Он хотел верить, что сможет ответить тем же.

И даже женившись, продолжал надеяться, что однажды это произойдёт.

Но годы шли, а он всё сильнее чувствовал, что не способен дать ей того, чего она ждёт. Клэр заслуживала мужа, который любил бы её, хотел возвращаться домой, строил планы и радовался её присутствию. Вместо этого ей достался человек, который предпочитал ночевать в собственных клубах, избегал откровенных разговоров и всякий раз замыкался, когда она пыталась приблизиться.

Рэй знал, что причинил ей боль.

И ненавидел себя за то, что не сумел предотвратить это, хотя видел, к чему всё идёт.

Почти три года назад Клэр уехала в Торонто. Сначала они ещё пытались разговаривать, обсуждали возможность начать сначала, договаривались о встречах, которые неизменно переносились. Постепенно звонки становились реже, сообщения короче, а паузы между ними растягивались на недели.

Теперь их брак существовал преимущественно на бумаге.

Он продолжал обеспечивать Клэр, оплачивал всё необходимое и не собирался отказываться от этой ответственности после развода. Но никакие деньги не могли исправить главного: он так и не полюбил женщину, которая когда-то доверила ему собственное счастье.

Рэй достал папку.

Несколько секунд рассматривал документы, затем открыл последнюю страницу соглашения. Возле строки для подписи по-прежнему виднелась жёлтая наклейка, оставленная адвокатом.

«Подписать здесь».

Всё выглядело до издевательства просто.

Он медленно провёл большим пальцем по краю бумаги.

Рэй не боялся развода. Не боялся судебных разбирательств, денежных обязательств или общественного осуждения. За свою жизнь он пережил достаточно, чтобы подобные неприятности казались несущественными.

Но подписание этих бумаг означало необходимость окончательно признать: он не выполнил обещание так, как хотел.

Мартин попросил его не оставлять Клэр одну.

А она всё равно оказалась одинокой.

Рэй закрыл папку и убрал обратно в ящик.

Не сегодня.

Он понимал, насколько жалко звучало это оправдание, особенно для человека, привыкшего требовать от окружающих решительности. И всё же заставить себя поставить подпись сейчас не смог.

Телефон коротко завибрировал.

На экране высветилось сообщение от Клэр.

«Надеюсь, у тебя всё хорошо. Слышала, что в Нью-Йорке были какие-то неприятности. Ты в порядке?»

Рэй несколько секунд смотрел на экран.

Она всё ещё беспокоилась о нём.

После всех лет разочарований, болезненных разговоров и долгого молчания Клэр продолжала интересоваться его жизнью. Он знал, что для неё их отношения никогда не становились просто формальностью.

Наконец он набрал короткий ответ:

«Всё нормально».

В квартире, куда он собирался возвращаться, его никто не ждал. Это полностью устраивало Рэя. По крайней мере, именно так он привык считать.

Однако, выходя из кабинета, он неожиданно вспомнил другую женщину.

Ту, которая прошлой ночью сидела в машине под дождём, велела ему молчать и целовала с такой отчаянной решимостью, словно от этого зависела их жизнь.

Впрочем, так оно и было.

Рэй остановился возле двери и нахмурился.

Он не собирался думать об Эмили Беннет.

Особенно сейчас, когда в нижнем ящике его стола лежали неподписанные документы о разводе.

Перед сном он зашёл в спальню. Бейсболка лежала на полке рядом с часами. Он так и не выбросил её.

Глава 5. Идеальная подставная девушка

Дэниел появился в кофейне рядом со студией во вторник, около половины первого, когда Эмили стояла в очереди за сэндвичем и мысленно возвращалась к своему многострадальному садовнику.

В пятницу команда наконец сдала новую сборку. Садовник больше не восставал из могилы без причины, а Оуэн уже третий день расхаживал по офису с довольным видом человека, который с самого начала нисколько не сомневался в успехе. Эмили наслаждалась редким рабочим затишьем и собиралась потратить обеденный перерыв на что-нибудь приятное, совершенно не связанное с чужими проблемами. Поэтому заметила Дэниела не сразу.

Он стоял возле окна, держа в руках два бумажных стакана, и внимательно наблюдал за ней. На нём была знакомая тёмно-синяя куртка, волосы выглядели слегка растрёпанными, а под глазами залегли тени. Казалось, последние несколько ночей он почти не спал и теперь слишком устал, чтобы скрывать это от окружающих.

При виде Дэниела у Эмили привычно дрогнуло сердце.

Она ненавидела эту реакцию. После всего случившегося ей хотелось хотя бы однажды встретить его без мучительного желания немедленно спросить, как он себя чувствует, ел ли сегодня и удалось ли ему выспаться.

Как только их взгляды встретились, Дэниел направился к ней и протянул один из стаканов.

— На овсяном, без сахара. Я помню.

Эмили посмотрела на кофе.

Когда-то такая мелочь заставила бы её улыбаться до самого вечера. В подобных знаках внимания она годами искала доказательства того, что значит для него чуть больше, чем подруга.

Теперь ей было трудно радоваться даже этому. И всё же она взяла стакан. Отказываться от любимого кофе из принципа показалось бы нелепым, тем более что запах свежей обжарки уже успел пробудить аппетит.

Они устроились за небольшим столиком у стены. Дэниел сел напротив, осторожно поставил свой стакан и некоторое время рассматривал крышку, не решаясь начать разговор.

Эмили не собиралась ему помогать.

Впервые за долгие годы она позволила неловкому молчанию остаться его проблемой.

— Ты не брала трубку, — наконец произнёс он.

— Не хотела.

Прямота собственного ответа удивила даже её. Обычно Эмили обязательно придумала бы оправдание: загруженность на работе, разрядившийся телефон, усталость после тяжёлого дня. Что угодно, лишь бы Дэниел не почувствовал себя отвергнутым.

Сегодня ей не хотелось притворяться.

Дэниел медленно кивнул.

— Понимаю.

Он обхватил стакан ладонями, погрел о него пальцы и только потом снова поднял глаза.

— Эм, тот вечер в машине... Я был не в себе. Ты же знаешь, что со мной тогда было. Больница, лекарства, всё это. Я не соображал, что говорю.

Эмили почувствовала знакомый укол жалости.

Ещё неделю назад она без колебаний взяла бы его за руку и заверила, что всё понимает.

Возможно, именно этого Дэниел и ожидал.

Она сделала глоток кофе, давая себе время справиться с чувствами. За соседним столиком двое студентов оживлённо спорили о финале какого-то сериала, за стойкой с шипением

заработала кофемашина, кто-то рассмеялся возле входа. Вокруг продолжалась самая обычная жизнь, и от этого происходящее казалось особенно странным.

— Нет, — наконец ответила Эмили.

Дэниел растерянно нахмурился.

— Что «нет»?

Она поставила стакан на стол и посмотрела ему прямо в глаза.

— Ты был в себе. Сидел на заднем сиденье моей машины, Ванесса смеялась надо мной, а ты смеялся вместе с ней. Это не болезнь. Это выбор.

Последние слова дались ей тяжелее остальных.

Эмили не хотела причинять ему боль. Но она устала прятать собственные чувства всякий раз, когда ему становилось трудно.

Его страдания были настоящими. Как и её обида.

Одно не отменяло другого.

Дэниел открыл рот, собираясь что-то ответить, но слова так и не прозвучали. Он отвёл взгляд, и на его лице появилось выражение, от которого Эмили стало почти физически больно.

Она знала его слишком хорошо.

Сейчас он ждал, что она первая нарушит молчание. Смягчит сказанное, улыбнётся, прикоснётся к его руке. Сделает вид, что ничего страшного не произошло, потому что так было проще им обоим.

Раньше Эмили неизменно уступала.

Она молча пила кофе, чувствуя, как мучительно медленно тянутся секунды.

Дэниел шумно вздохнул.

— Я поступил подло, — произнёс он тихо. — Ты меня привезла, ты ради меня... а я поддакивал ей, потому что боялся, что она опять уйдёт. Мне стыдно. Правда стыдно. Прости меня, Эм. Ты же знаешь, как дорога мне, правда?

Эмили опустила глаза.

Она столько раз представляла себе этот разговор, что теперь, услышав долгожданное признание, не сразу поняла, что чувствует.

Дэниел впервые не пытался превратить случившееся в недоразумение и не просил её понять Ванессу. Он признал, что поступил жестоко. Признал, что испугался потерять другую женщину и потому позволил унизить ту, которая всегда оставалась рядом.

От этого ей стало немного легче. Но вместе с облегчением пришла и горечь.

Получалось, он прекрасно понимал, что делает. Просто в тот момент чувства Ванессы оказались для него важнее её собственных.

Она хотела простить его. Не потому, что обида исчезла, а потому, что слишком устала носить её в себе.

— Хорошо, — произнесла Эмили и едва заметно кивнула.

Дэниел осторожно подался вперёд. В его глазах появилась надежда, от которой у неё привычно сжалось сердце.

— Хорошо значит, что ты меня простила?

— Это значит, что я тебя услышала.

Надежда в глазах Дэниела погасла. Он невесело усмехнулся, провёл ладонями по лицу и откинулся на спинку стула. Эмили заметила, как сильно он осунулся за последние дни. Ей хотелось протянуть руку и убрать упавшую ему на лоб прядь, как она делала сотни раз, но теперь даже этот простой жест казался обещанием, которого она не была готова дать.

— Она выходит замуж, Эм.

Эмили растерянно моргнула.

— Кто?

— Ванесса. За Адриана Стерлинга. Какой-то финансист с домом в Ист-Хэмптоне и яхтой. Он очень богат. Свадьба через семь недель.

Дэниел коротко рассмеялся, но в этом смехе не было ни капли веселья.

— Через семь недель, представляешь? Значит, всё было решено ещё летом. Кольцо, ресторан, приглашения... Она выбирала свадебное платье, договаривалась с организаторами, строила планы с другим мужчиной. А потом приходила в мою постель, говорила, что любит и скучает. — Он стиснул стакан так, что картон жалобно хрустнул. — В ту пятницу, когда я целовал её в твоей машине, она уже была его невестой.

Эмили медленно поставила кофе на стол.

Несколько секунд она не находила слов. Дэниел выглядел настолько несчастным, что смотреть на него было тяжело. Она прекрасно знала, каково это — любить человека, для которого ты никогда не станешь первым выбором. Знала унизительную сладость редких знаков внимания и мучительную привычку искать надежду там, где её давно не осталось.

Ей было искренне жаль его.

Но где-то глубоко, под привычной жалостью, неожиданно шевельнулось другое чувство. Горькое, почти злорадное удовлетворение.

Теперь ты знаешь, каково это.

Мысль обожгла её собственным жестокосердием, и Эмили немедленно устыдилась.

Теперь, когда ему самому пришлось пережить предательство, никакого облегчения это не принесло. Лишь неприятное ощущение, что они оба потратили слишком много времени на людей, которые не могли ответить им взаимностью.

Дэниел ещё что-то говорил о свадьбе, но Эмили слушала вполуха. Её обеденный перерыв подходил к концу, сэндвич так и остался некупленным, а разговор, который должен был закончиться извинениями, снова незаметно превратился в обсуждение Ванессы.

Впрочем, иначе у них почти никогда и не бывало.

Они вышли из кофейни вместе. С улицы потянуло прохладным ветром, пахнущим мокрым асфальтом и горячей выпечкой из соседней пекарни. Эмили поправила ремешок сумки на плече, собираясь попрощаться, но Дэниел явно не торопился отпускать её.

— В субботу у них предсвадебный вечер, — произнёс он, когда они отошли от входа. — Родители Ванессы сто лет дружат с моей матерью, так что я приглашён. С парой.

Эмили покосилась на него.

— Поздравляю.

Она слишком хорошо знала этот тон. Нарочитая небрежность, за которой скрывалась просьба, уже сформулированная в голове. Дэниел всегда начинал издалека, когда подозревал, что ей не понравится его предложение.

— Эм. Будешь моим «плюс один»?

Она остановилась так внезапно, что велосипедный курьер едва успел объехать её, выкрикнув что-то нелестное. Эмили машинально отступила к стене здания, не сводя взгляда с Дэниела.

— Нет.

— Ты даже не дослушала.

— Потому что прекрасно знаю, что ты собираешься сказать. Ты хочешь привести меня на вечер, чтобы Ванесса увидела нас вместе и пожалела, что бросила тебя. Я правильно понимаю?

Дэниел попытался улыбнуться.

Это была его самая опасная улыбка — чуть виноватая, обезоруживающая, с едва заметными ямочками на щеках. В школе благодаря ей ему прощали опоздания, в университете преподаватели соглашались принимать просроченные задания, а Эмили годами уступала даже тогда, когда прекрасно понимала, что ею пользуются.

— Когда ты так говоришь, это звучит ужасно.

— Потому что это и есть ужасно.

Она произнесла это без прежней мягкости и сама услышала, насколько устала.

— Я не собираюсь изображать твою девушку, Дэниел, если ты это хотел мне предложить. Не хочу лгать незнакомым людям, участвовать в ваших с Ванессой играх и снова становиться поводом для её насмешек. В пятницу мне хватило.

Улыбка медленно исчезла с его лица.

И Эмили сразу стало не по себе. За привычным обаянием проступила та самая растерянная, болезненная беспомощность, которую она видела в больнице. Дэниел опустил плечи, и на мгновение ей захотелось забрать свои слова обратно, лишь бы больше не видеть его таким.

— Это не игра, — ответил он. — Не нужно никого изображать. Просто не хочу быть там один. Понимаешь? Я не могу войти в зал, где она будет стоять рядом с ним, принимать поздравления, улыбаться как ни в чём не бывало... А я буду торчать возле стены, словно последний идиот, которого водили за нос несколько месяцев. Я не выдержу, Эм.

Последняя фраза заставила её напрячься.

После той ночи в квартире Дэниела любые слова о том, что он чего-то не выдержит, звучали для неё иначе. Она ненавидела эту новую настороженность, но ничего не могла с собой поделать. Стоило ему заговорить подобным образом, как перед глазами возникали больничные коридоры, измятая рубашка и его потерянное лицо.

Дэниел, должно быть, заметил перемену в её выражении.

— Мой терапевт говорит, что мне нужно учиться проходить через трудные ситуации, а не избегать их, — продолжил он. — Вот она, трудная ситуация. Я хочу через неё пройти. Но не один.

Эмили отвела взгляд к проезжей части.

В его словах была правда, и именно это делало просьбу такой мучительной. Он действительно нуждался в поддержке, переживал тяжёлый период и пытался справиться с последствиями отношений, которые давно перестали приносить ему что-либо, кроме боли.

Но почему поддержка снова должна была выглядеть как её собственное унижение?

— Ты можешь пойти с другом, — осторожно заметила она. — С кем угодно, кому доверяешь. Необязательно со мной.

Он ответил слишком быстро:

— Ты — мой лучший друг. К тому же, если Ванесса и может приревновать, то только к тебе, Эм. Её всегда немного бесили наши с тобой отношения.

Эмили медленно повернулась к нему.

Вот и всё.

Несколько мгновений назад он говорил о необходимости справляться с трудностями, о советах терапевта и страхе остаться одному. А теперь одной неосторожной фразой выдал то, ради чего на самом деле пришёл.

Ему нужна была не просто поддержка.

Ему нужна была женщина, которая согласится сыграть роль, достаточно убедительную, чтобы задеть Ванессу.

Дэниел осознал сказанное почти сразу. На его щеках появился румянец, взгляд скользнул в сторону. Эмили вспомнила, как в шестнадцать лет застала его за списыванием контрольной: тогда он выглядел точно так же — смущённым, виноватым и уже готовым придумать объяснение.

Прежде это воспоминание непременно заставило бы её улыбнуться.

Сейчас хотелось плакать.

Потому что какой-то упрямой, до смешного наивной части её сердца всё ещё было приятно, что Дэниел попросил именно её. Что на один вечер она могла бы взять его под руку, сто-

ять рядом, чувствовать себя его девушкой. Услышать, как он представляет её другим людям, и хотя бы ненадолго притвориться, что это правда.

Именно от этого становилось особенно горько.

Он предлагал ей осуществить мечту, о которой даже не подозревал, но только ради того, чтобы заставить ревновать другую.

Эмили опустила глаза. Она прекрасно понимала, каким должен быть ответ. После пятницы, после всех унижений и невыполненных обещаний следовало развернуться и уйти, не оставляя ему ни малейшей надежды.

— Дай мне подумать, — тихо сказала она.

И тут же почувствовала разочарование в самой себе.

Потому что ещё минуту назад твёрдо знала: ответ будет «нет».

Вместо того чтобы вернуться в офис, они почему-то направились к Вашингтон-сквер. Эмили так и не поняла, кто первым предложил прогуляться. Кажется, они просто продолжили идти после разговора, и ни одному не захотелось прощаться.

День выдался прохладным, но солнечным. Осенний ветер срывал с деревьев первые жёлтые листья, гонял их по дорожкам и заставлял прохожих поднимать воротники. Фонтан почему-то уже отключили, голуби лениво расхаживали по его пустому бассейну, а неподалёку от арки уличный музыкант играл на саксофоне. Мелодия звучала печально, местами откровенно фальшивила, но удивительным образом подходила к этому прозрачному сентябрьскому дню.

Эмили шла рядом с Дэниелом, время от времени поглядывая на часы. Обеденный перерыв давно закончился, телефон в кармане уже дважды завибрировал, однако она не торопилась возвращаться.

Ей было приятно находиться рядом с ним.

После нескольких дней напряжённого молчания это простое чувство казалось почти забытым. Дэниел больше не оправдывался и не говорил о Ванессе. Они просто гуляли, как делали сотни раз прежде.

— Вон та скамейка. — Дэниел кивнул в сторону деревьев. — Помнишь? Мы просидели на ней всю ночь перед экзаменом по статистике. Ты заставляла меня решать задачи про какие-то шары.

Эмили посмотрела на потемневшую от времени деревянную скамью и невольно улыбнулась.

— Красные и синие.

— Ненавижу их до сих пор.

Она рассмеялась, вспомнив, как Дэниел засыпал над конспектом, жаловался на жестокость преподавателя и каждые двадцать минут уверял, что статистика придумана исключительно для издевательства над студентами.

— Ты тогда сказал, что, если сдашь экзамен, вытатуируешь себе урну.

— Я вообще много чего тебе обещал и не сделал.

Эмили повернулась к нему.

Фраза прозвучала легко, почти шутливо, но почему-то отозвалась неприятной грустью. Дэниел, разумеется, говорил о глупых студенческих обещаниях. Она же вспомнила совсем другие.

Что они всегда будут вместе. Что никакая девушка не сможет их рассорить. Что, когда им исполнится тридцать, они обязательно отправятся в путешествие, о котором мечтали ещё в школе.

А Дэниел, скорее всего, давно обо всём забыл.

Они продолжили прогулку, свернули на Восьмую улицу и вскоре оказались возле небольшого кафе, где когда-то часто покупали пельмени. За десять лет заведение успело дважды сме-

нить вывеску, обзавестись новыми столиками и модным меню напитков, но за витриной по-прежнему стоял тот же холодильник с полуфабрикатами, а на окнах висели знакомые бумажные фонарики.

Дэниел остановился первым.

— Господи, оно ещё существует!

— А ты сомневался?

— После того как мы чуть не сожгли общежитие, я думал, нас туда больше никогда не пустят.

Эмили не удержалась от смеха.

Она прекрасно помнила тот вечер. Дэниел предложил устроить маленький праздник после сессии и купил несколько упаковок замороженных пельменей. Готовить не умел ни один из них, но это совершенно не мешало ему уверять, что достаточно налить воду в кастрюлю и подождать.

Вода выкипела, пельмени пригорели, а дым оказался настолько густым, что сработала пожарная сигнализация. Через несколько минут весь этаж общежития стоял на улице в пижамах, сонный и разъярённый, пока Дэниел с невинным видом уверял коменданта, что понятия не имеет, кто устроил переполох.

— Ты тогда сделал вид, что меня вообще не знаешь, — напомнила Эмили.

— А что мне оставалось? Ты стояла рядом с кастрюлей в руках!

— Потому что ты её мне отдал!

— Я доверял тебе самое ценное.

— Ты меня подставил.

— Не специально!

Эмили рассмеялась так искренне, что пришлось остановиться.

На несколько мгновений всё стало удивительно простым. Она снова почувствовала себя девчонкой, которая могла часами болтать с лучшим другом, смеяться до слёз над совершенно глупыми вещами и не задумываться, почему от случайного прикосновения его руки начинает быстрее биться сердце.

Она соскучилась по этому Дэниелу. По человеку, рядом с которым не нужно было искать правильные слова, взвешивать каждую интонацию и прятать собственные чувства.

Возможно, именно поэтому она так долго не могла от него отказаться.

— А стаканы помнишь? — неожиданно спросил он.

Эмили ещё улыбалась.

— Какие стаканы?

— Перед каждым экзаменом ты приносила мне кофе. И всегда писала что-нибудь на стакане маркером. «Ты справишься». «Буду помогать мысленно». «Не забудь подписать работу, гений».

Он произнёс последнюю фразу с такой точной интонацией, что Эмили снова засмеялась.

— Ты однажды действительно забыл подписать работу.

— Поэтому твои напоминания и были необходимы.

Дэниел посмотрел на неё с теплотой, которой она давно не видела в его глазах.

— Я их хранил, между прочим. Все эти стаканы. На втором курсе у меня на подоконнике целая коллекция стояла.

Эмили замедлила шаг.

— Правда?

Он кивнул, словно не находил в этом ничего удивительного.

А она даже не знала.

Столько лет ей казалось, что кофе перед экзаменами, смешные записки в учебниках и обеды, которые она приносила, когда он забывал поесть, проходят незамеченными.

Ей никогда не приходило в голову, что он мог хранить обычные бумажные стаканы.

Они остановились посреди тротуара. Вокруг торопились прохожие, кто-то раздражённо обогнул их, едва не задев плечом Эмили, но она почти ничего не замечала.

— Я ведь ни разу тебя толком не поблагодарил, — с нежностью проговорил Дэниел. — Ты постоянно вытаскивала меня из дерьма. Без тебя я бы колледж бросил. Да я вообще не знаю, где бы был, если бы не ты и твой гениальный мозг.

Он смотрел на неё серьёзно и от этой искренности у Эмили защипало глаза.

Как же долго ей хотелось услышать подобные слова.

Не признание в любви и даже не обещание когда-нибудь её полюбить. Всего лишь подтверждение того, что все эти годы не прошли мимо него. Что он видел её старания, замечал заботу и понимал, сколько всего она делала ради его счастья.

В груди разлилось забытое тепло, и на короткое мгновение ей захотелось поверить, что они ещё способны вернуть хотя бы часть прежней близости.

Может быть, она ошибалась, думая, что для Дэниела всегда была чем-то само собой разумеющимся.

Может быть, он всё-таки понимал.

— Так ты пойдёшь со мной в субботу?

Вопрос прозвучал негромко, почти ласково.

Эмили не сразу нашлась с ответом.

Тепло, возникшее от его признания, никуда не исчезло, но теперь к нему примешалось болезненное разочарование. Она смотрела на Дэниела и вдруг слишком ясно осознала, насколько удачно он выбрал момент.

Не давил, не спорил, не пытался вызвать жалость. Вместо этого напомнил ей о временах, когда они были счастливы, о вещах, которые их связывали, и о том, как много она для него значила.

А потом снова попросил об услуге.

Было ли это сделано намеренно? Эмили не знала. Ей очень хотелось думать, что нет, что Дэниел просто поддался воспоминаниям и искренне захотел поблагодарить её.

Но сомнение уже поселилось внутри.

Она отвела взгляд к витрине кафе. За стеклом женщина раскладывала выпечку, двое посетителей смеялись над чем-то за столиком, а с улицы доносился обычный городской шум.

Можно было отказаться.

Она уже делала это сегодня и прекрасно знала, почему не должна соглашаться. Субботний вечер неизбежно превратится в ещё одно испытание, в котором ей придётся смотреть, как Дэниел ищет глазами Ванессу, и притворяться, что собственное сердце при этом остаётся совершенно спокойным.

И какая-то часть Эмили всё ещё надеялась, что на этот раз всё будет иначе.

Она медленно кивнула.

Лицо Дэниела озарилось такой искренней радостью, что ей на миг стало легче. Он шагнул к ней и крепко обнял прямо посреди тротуара, прижимая к себе с привычной непринуждённостью, от которой у неё всегда слабели колени.

Эмили замерла в его объятиях.

Она помнила запах его одеколона, тепло рук, ощущение его щеки возле своих волос. Раньше она могла потом целый день вспоминать подобное объятие, находя в нём десятки тайных смыслов.

— Я знал, — выдохнул Дэниел ей в волосы с нескрываемым облегчением. — Ты мне никогда не отказываешь.

Он произнёс это с нежностью, даже благодарностью.

Но Эмили вдруг почувствовала себя неуютно.

Она стояла, позволяя ему обнимать себя, и думала о том, как легко он принимает её согласие. С какой уверенностью просит о вещах, которые причиняют ей боль. Насколько привык к тому, что она всегда рядом, всегда понимает, всегда готова помочь.

Его слова, сказанные с такой лаской, неожиданно прозвучали не комплиментом, а приговором.

Ты мне никогда не отказываешь.

И ведь он был прав.

* * *

— Ты что сделала?!

Тесса так резко развернулась в офисном кресле, что едва не врезалась в соседний стол. Колёсики возмущённо скрипнули по полу, а девушка у соседнего монитора подняла голову, заинтересовавшись внезапным переполохом.

Эмили поморщилась.

Она заранее представляла реакцию подруги, но всё равно надеялась, что та хотя бы выслушает объяснение, прежде чем начнёт возмущаться.

— Согласилась пойти с ним на один вечер. Один, Тесса. Это просто дружеская поддержка. Если мне станет мерзко от этого спектакля, я сразу уйду.

Произнося эти условия вслух, Эмили старалась придать голосу уверенность.

Но где-то в глубине души уже понимала, что гораздо легче установить границы заранее, чем удержать их, когда Дэниел снова посмотрит на неё с той самой улыбкой.

— Тебе станет мерзко на десятой минуте.

— Тогда я уйду на десятой минуте.

Тесса скрестила руки на груди и посмотрела на подругу с выражением, которое обычно предназначалось программистам, присылавшим баг-репорты без единого внятного объяснения, зато целиком написанные заглавными буквами.

Эмили слишком хорошо знала этот взгляд. За ним неизменно следовала беспощадная порция здравого смысла, к которой она сейчас была совершенно не готова.

— Эми, — начала Тесса с обманчивым спокойствием. — Ты согласилась изображать любовь к человеку, которого действительно любишь, чтобы он заставил ревновать женщину, в которую влюблён сам. Ты вообще понимаешь, насколько безумно это звучит? Попробуй произнести вслух. Медленно. Ты разработчик, в конце концов. Должна же замечать, когда система работает через одно место.

— Я его не...

— Даже не начинай. Ты — самый умный человек из всех, кого я знаю, но когда дело касается Дэниела, ты теряешь голову и принимаешь дурацкие решения.

Эмили осеклась.

Она собиралась сказать, что это не так. Что она вообще-то больше не любит Дэниела. Что после пятничного унижения её чувства изменились, а согласие пойти на ужин продиктовано исключительно желанием поддержать старого друга.

Но Тесса знала её слишком хорошо. И хуже всего было то, что Эмили сама не верила ни единому слову из приготовленного оправдания.

Она всё ещё любила Дэниела.

И ненавидела себя за то, что даже после всего случившегося продолжала надеяться.

Тесса внимательно разглядывала её лицо. Постепенно раздражение в глазах подруги уступило место тревоге.

— Послушай, — произнесла она уже мягче. — Я не собираюсь тебе ничего запрещать. Ты взрослая женщина и сама решаешь, с кем проводить субботние вечера. Но мне очень не хочется снова собирать тебя по кусочкам после очередной драмы Дэниела и его ненаглядной Ванессы.

Эмили отвела взгляд к монитору.

Она понимала, что Тесса права. Более того, прекрасно представляла, как всё будет происходить. Дэниел станет искать Ванессу среди гостей, следить за каждым её движением и ждать хоть малейшего признака ревности. А Эмили останется рядом, с улыбкой на лице, изображая женщину, которой наконец досталось его сердце.

Только ей самой достанется роль, а не мужчина.

От этой мысли стало неприятно даже сейчас, за несколько дней до ужина.

— Я справлюсь, — негромко сказала она.

Тесса вздохнула. Она явно хотела возразить, но, к счастью, передумала.

— Ладно. Только давай договоримся об одном. В субботу вечером мой телефон будет включён. Напишешь хоть одно слово, и я приеду за тобой. Даже если придётся вытаскивать тебя с яхты, которую какой-то богатый придурок называет лодкой.

Эмили невольно улыбнулась.

— Это будет не на яхте.

— Неважно. Тебя-то я из-под земли достану!

Она произнесла это с такой убеждённостью, что Эмили наконец рассмеялась.

Смех принёс облегчение. После нескольких дней, наполненных тревогой, обидой и постоянными сомнениями, было приятно знать, что хотя бы в одном человеке ей не нужно сомневаться. Тесса могла ругаться, закатывать глаза, безжалостно высмеивать её решения, но никогда не заставляла заслуживать собственную дружбу.

И, в отличие от Дэниела, не вспоминала о ней только тогда, когда что-нибудь требовалось.

Вечером Эмили решила заранее подобрать одежду для субботнего ужина.

Она открыла шкаф, некоторое время перебирала платья и вскоре обнаружила, что ни одно не кажется подходящим. Чёрное было слишком строгим, синее она надевала на корпоратив, а бордовое, которое когда-то купила ради свидания, так и не состоявшегося, вызывало слишком много неприятных воспоминаний.

В конце концов Эмили решила начать хотя бы со свитера, чтобы не замёрзнуть по дороге.

Она выдвинула верхний ящик комода и замерла.

Под аккуратно сложенной одеждой лежала чёрная кожаная перчатка.

Эмили совсем забыла о ней.

Несколько секунд она смотрела на неожиданную находку, а затем осторожно отодвинула край свитера. Перчатка лежала там, где она оставила её после той безумной ночи, и теперь казалась почти чужеродной среди привычных вещей.

Вместе с ней вернулись воспоминания, которые Эмили старательно отгоняла последние дни.

Пустынная улица. Дождь, барабанящий по крыше автомобиля. Мужчина в чёрной куртке, внезапно оказавшийся рядом. Его холодный приказ не кричать и ярко-голубые глаза, внимательно следившие за преследователями.

Она помнила кровь на его рубашке, глубокую складку между бровями, возникавшую каждый раз, когда рана давала о себе знать, и неожиданное удивление на суровом лице, когда она натянула ему на голову старую бейсболку Дэниела.

Но особенно отчётливо помнился поцелуй.

Эмили невольно коснулась пальцами губ.

Прошло несколько дней, а она до сих пор могла восстановить в памяти каждое мгновение: прохладу его щёк под ладонями, колючую щетину, осторожное прикосновение руки к затылку. И ту странную секунду после ухода преследователей.

Она до сих пор не знала, что именно это означало.

Возможно, ничего. Для мужчины, который разговаривал с ней с такой самоуверенной грубостью, поцелуй с незнакомкой вполне мог оказаться незначительным происшествием. Он

наверняка давно вернулся к привычной жизни и даже не вспоминал о девушке, случайно оказавшейся на его пути.

И всё же Эмили хотелось верить, что он хотя бы иногда думает о случившемся.

Она нахмурилась.

Прежде чем размышлять о подобных глупостях, следовало бы узнать, жив ли он вообще.

Незнакомец уехал с ножевым ранением, отказавшись от скорой помощи. Его люди обещали привезти врача, но откуда ей было знать, что произошло дальше? Возможно, повреждение оказалось серьёзнее, чем он утверждал.

От этой мысли неприятно сжалось под ложечкой.

Эмили осторожно коснулась перчатки, но доставать её не стала.

Интересно, сохранил ли он бейсболку Дэниела?

Представив сурового незнакомца в старой колледжной кепке с выцветшей эмблемой, она невольно улыбнулась. Образ получился настолько нелепым, что захотелось рассмеяться.

А потом Эмили сообразила, что стоит посреди спальни и улыбается вещи, оставленной мужчиной, имени которого даже не знает.

Она задвинула ящик, так и не достав свитер.

Мать позвонила ближе к девяти.

Эмили как раз устроилась на диване с чашкой чая и собиралась посмотреть какую-нибудь лёгкую комедию, когда телефон завибрировал на журнальном столике.

— Привет, мам.

— Солнышко, привет! — Голос Сары звучал подозрительно оживлённо. — Селеста сказала, что вы с Дэниелом идёте вместе на ужин к Стерлингам. Я так рада!

Эмили прикрыла глаза.

Ну конечно.

Она ещё даже не успела как следует пожалеть о своём согласии, а новость уже добралась до матери. И, судя по интонации, Сара успела сделать из неё совершенно неверные выводы.

— Мам, это не то, что ты думаешь. Мы просто идём вместе.

— Конечно, дорогая. Я понимаю.

Эмили вздохнула.

Сара произнесла это тем особенным тоном, которым матери обычно сообщают, что понимают ровно противоположное.

— Правда, мам. Между нами ничего нет.

— А я ведь ничего и не говорю.

В трубке послышался довольный смешок.

Эмили хорошо знала, как сильно мать мечтала увидеть их с Дэниелом парой. Сара обожала его с детства, считала почти членом семьи и долгие годы была уверена, что их дружба непременно перерастёт во что-нибудь большее.

Когда-то эти разговоры доставляли Эмили тайную радость. Теперь же материнские надежды лишь напоминали о том, чего она так и не смогла получить.

— Кстати, — продолжила Сара после короткой паузы, — Селеста сказала, что там будет Рэй.

Эмили нахмурилась.

— Кто?

— Рэй Блэквуд. Старший брат Дэниела. Вернее, его брат по отцу. Ты, наверное, уже и не помнишь. Тебе было лет девять, когда он перестал бывать у них дома. Такой высокий, молчаливый мальчик.

Эмили задумалась.

Имя показалось смутно знакомым, а спустя несколько секунд в памяти возник обрывок далёкого детского воспоминания.

Рождество в огромном особняке Блэквудов. Высокая ёлка, украшенная золотыми шарами, запах хвои и корицы, праздничный стол, за которым взрослые громко разговаривали и смеялись. Она тогда впервые побывала в настолько богатом доме и долго рассматривала лестницу с резными перилами, представляя, как было бы здорово скатываться по ним.

Дэниел весь вечер таскал её за собой, хвастаясь новыми игрушками.

А в дальнем конце гостиной, почти скрытый от света рождественских гирлянд, сидел худощавый высокий подросток.

Тёмные волосы, угрюмое лицо, слишком серьёзный взгляд.

Он почти ни с кем не разговаривал. Когда остальные дети шумели и носились между комнатами, мальчик оставался в стороне, наблюдая за происходящим с таким недовольным видом, что Эмили предпочла к нему не приближаться.

Кажется, однажды она всё-таки попыталась заговорить с ним, но он даже не улыбнулся.

В детстве ей показалось, что старший брат Дэниела просто очень злой.

Потом он исчез.

Она не помнила, когда именно это случилось. Лишь смутно вспоминала приглушённые разговоры взрослых, внезапно обрывавшиеся при её появлении, и необычно напряжённую атмосферу в доме Блэквудов.

«С ним что-то случилось».

«Бедная Селеста».

«Лучше не спрашивать».

Эмили тогда была слишком маленькой, чтобы разобраться в происходящем, а позднее почти перестала думать о загадочном старшем брате лучшего друга.

— Кажется, помню, — сказала она. — Он всё время сидел один. А что с ним?

Сара понизила голос, хотя находилась у себя дома.

— Никто толком не знает. Селеста не любит о нём разговаривать. Насколько я слышала, у него какие-то ночные клубы, казино, огромные деньги. Что-то преступное.

Эмили усмехнулась.

— Мам, вообще-то клубы и казино могут приносить вполне законный доход.

— Я не об этом, Эми. Просто вокруг него всегда ходило столько неприятных слухов...

Эмили машинально провела пальцем по краю чашки.

Она слишком хорошо знала, как неохотно Дэниел говорил о старшем брате. В детстве он почти никогда не упоминал Рэя, а когда Эмили пыталась расспрашивать, отмахивался или переводил разговор.

Позже она решила, что братья просто не ладят. Семьи бывают разные, и далеко не все родственники обязаны испытывать друг к другу нежные чувства.

Но теперь материнский рассказ пробудил любопытство.

— И он действительно придёт в субботу?

— Селеста говорит, что приглашение отправили. Да какая разница? Просто старайся с ним не сталкиваться.

Эмили невольно улыбнулась.

— Хорошо, мам. Мы с ним даже толком не знакомы, поэтому общаться нам и не придётся.

Сара ещё несколько минут расспрашивала её о работе, погоде и планах на выходные. Эмили отвечала рассеянно, стараясь не возвращаться мыслями к предстоящему ужину. Когда разговор наконец закончился, она положила телефон рядом с чашкой и надолго задумалась.

За окном блестела мокрая улица. В тёмном стекле отражались светильники и её собственное лицо — немного усталое, с волосами, небрежно собранными на затылке.

Эмили представила субботний вечер.

Нарядные гости, дорогой ресторан, Ванесса под руку с будущим мужем. Дэниел, который будет изображать безразличие, пока она сама изображает его счастливую возлюбленную. Селеста Блэквуд, наверняка задающая неудобные вопросы, и загадочный старший брат, которого мать описывала почти как героя криминальных новостей.

Вся эта затея с каждой минутой нравилась ей всё меньше.

Она поднялась, отнесла чашку на кухню и задержалась возле окна.

Почему-то вспомнился незнакомец из машины. Запах крови, жёсткий голос, чёрная кожаная куртка. Человек, который выглядел по-настоящему опасным, но при этом не попытался удержать её, когда она захотела отстраниться.

Эмили невольно улыбнулась собственным мыслям. А ведь её никогда раньше не привлекали плохие парни.

Она выключила свет и направилась в спальню.

Суббота обещала быть долгой.

И впервые за много лет Эмили не была уверена, что хочет провести вечер рядом с Дэниелом.

Глава 6. Правила чужой игры

Магазин винтажной дизайнерской одежды на Атлантик-авеню Тесса называла своим местом силы. Эмили предпочитала другое определение: место, где вещи с чужой историей стоили дороже новых.

Впрочем, спорить с подругой она не собиралась. Тесса была убеждена, что правильное платье способно решить по меньшей мере половину жизненных проблем, и относилась к его выбору с серьёзностью хирурга, которому предстояла сложная операция.

В субботу, около одиннадцати утра, в магазине почти никого не было. Сквозь высокие окна проникал мягкий осенний свет, ложившийся на деревянный пол длинными золотистыми полосами. В воздухе смешивались запахи лаванды, старого дерева и дорогих духов. На медных перекладинах висели платья, жакеты и пальто, каждое из которых когда-то принадлежало женщине, наверняка прожившей в нём собственную маленькую историю.

За прилавком стояла худощавая продавщица с короткими серебристыми волосами. Она окинула вошедших спокойным, почти равнодушным взглядом человека, который за долгие годы научился отличать настоящих покупателей от тех, кто приходит исключительно помечтать.

Тесса сразу направилась к вешалкам.

— Дресс-код? — поинтересовалась она, ловко перебирая одежду.

— В приглашении написано: «Вечерний, на усмотрение гостей».

— Прекрасно. Значит, ловушка.

Эмили усмехнулась.

— Почему сразу ловушка?

— Потому что половина гостей придёт в смокингах и платьях стоимостью с подержанную машину, а другая половина будет весь вечер делать вид, что не замечает твоего несоответствия обстановке.

— Тогда я надену то, в чём мне удобно.

Тесса бросила на неё выразительный взгляд.

— Эмили, тебе удобно в худи с конференции девятнадцатого года.

— Между прочим, отличное худи. Мягкое, тёплое, с большим карманом.

— Именно поэтому я здесь. Чтобы не позволить тебе явиться на ужин богатейших семейств Нью-Йорка в одежде с логотипом компании.

Эмили рассмеялась и отошла к зеркалу, возле которого стоял манекен в винтажном шёлковом костюме.

В глубине души она понимала, что Тесса права. Предстоящий вечер вызывал у неё достаточно тревоги, чтобы не добавлять к ней беспокойство из-за неподходящего наряда. Она никогда не стремилась производить впечатление на незнакомых людей, тем более на друзей Селесты Блэквуд. Но мысль о том, что Ванесса непременно воспользуется любой возможностью унизить её, заставляла относиться к выбору платья гораздо серьёзнее обычного.

Эмили не собиралась соревноваться с невестой Адриана Стерлинга.

Ей просто не хотелось снова почувствовать себя девочкой, над которой можно безнаказанно смеяться.

— Вот, — неожиданно произнесла Тесса.

Она сняла с вешалки платье глубокого тёмно-зелёного оттенка. При неярком освещении ткань казалась почти чёрной, но стоило поднести её к окну, как проявлялся насыщенный цвет хвойной зелени. Открытые плечи, аккуратная линия декольте, мягко обозначенная талия и длинная прямая юбка без лишних украшений.

Платье выглядело сдержанно и вместе с тем удивительно женственно.

Эмили осторожно коснулась ткани.

— Оно слишком...

— Какое? — немедленно уточнила Тесса.

Эмили попыталась подобрать слово, но ни одно не казалось подходящим.

Слишком красивое? Слишком нарядное? Слишком откровенное для женщины, которая собиралась провести вечер в роли чужой возлюбленной?

— Не знаю, — призналась она.

— Вот именно. Поэтому иди мерить, пока не придумала причину отказаться.

Тесса решительно подтолкнула её в сторону примерочной.

За плотной бархатной шторой оказалось небольшое помещение с высоким зеркалом, мягким пуфом и латунными крючками на стене. Эмили сняла свитер и джинсы, осторожно надела платье и несколько минут безуспешно пыталась справиться с молнией на спине.

Когда застёжка наконец поддалась, она выпрямилась и посмотрела на своё отражение.

Платье сидело безупречно.

Ткань мягко облегала фигуру, подчёркивая талию и линию бёдер, а открытые плечи придавали образу элегантность, которой Эмили редко добивалась в повседневной одежде. Глубокий зелёный оттенок удивительно подходил к её серым глазам и тёмным волосам.

Она невольно распустила привычный небрежный узел на затылке. Волосы рассыпались по плечам, несколько прядей упали на грудь, и отражение сразу стало выглядеть иначе.

Не красивее, нет. Просто непривычно.

Эмили никогда не считала себя дурнушкой. Она знала, что привлекательна, хотя и не придавала этому особенного значения. Высокая, стройная, с правильными чертами лица и прямой осанкой, оставшейся ещё со школьных лет, когда она внезапно вытянулась выше большинства одноклассниц. Ей нравилась собственная внешность, и она не нуждалась в дорогом платье, чтобы почувствовать себя красивой.

Но сейчас, разглядывая себя в зеркале, Эмили испытывала странное волнение.

В этом наряде она выглядела женщиной, которая собирается на настоящее свидание. Женщиной, ради которой мужчина мог бы выбрать ресторан, купить цветы и весь вечер не сводить с неё восхищённых глаз.

— Ну что ты там застряла? — донёсся нетерпеливый голос Тессы. — Ты платье примеряешь или шьёшь новое?

Эмили поспешно убрала волосы за плечо.

— Нормально.

— О, я знаю это твоё «нормально». Выходи давай.

Эмили отдёрнула штору.

Тесса, до этого увлечённо рассматривавшая очередную вешалку, обернулась и присвистнула. Затем медленно улыбнулась, окидывая подругу откровенно довольным взглядом.

— И почему я не родилась мужчиной?

— Не поняла вопроса.

— Замутила бы с тобой. Что тут непонятного?

— Тесса!

— Что?

Продавщица за прилавком тоже посмотрела в их сторону. Её тонкие брови едва заметно приподнялись, после чего женщина одобрительно кивнула. Судя по тому, насколько редко она вообще меняла выражение лица, это равнялось бурным аплодисментам.

Эмили снова посмотрела в зеркало.

Ей действительно нравилось платье. Нравилось, как свободно она в нём двигалась, как приятно холодила кожу гладкая ткань и как уверенно выглядела девушка в отражении.

Впервые за несколько дней ей захотелось пойти на этот ужин не ради Дэниела.

Хотя бы ради возможности надеть что-нибудь настолько красивое.

С обувью, однако, всё оказалось значительно сложнее.

Тесса принесла пару изящных туфель на тонкой шпильке такой высоты, что Эмили несколько секунд рассматривала их с неподдельным ужасом.

— Ты шутишь.

— Они идеально подойдут к платью.

— Я дойду в них до двери и умру.

— Зато красиво.

— Тесса, я хочу вернуться домой живой.

Подруга закатила глаза, но протянула ей туфли.

Эмили всё-таки примерила их, осторожно поднялась и сделала несколько шагов по ковру. Каблуки были такими высокими, что приходилось постоянно следить за равновесием. На третьем шаге она ухватилась за спинку кресла и решительно покачала головой.

— Нет. Мне нужна обувь, в которой можно не только стоять, но и ходить. Желательно быстро.

— Ты собираешься бегать на предсвадебном ужине?

— Пока не знаю. Но хочу иметь такую возможность.

Тесса рассмеялась.

— Господи, Эм, это всего лишь светский вечер, а не эвакуация из горящего здания.

— Ты сама сказала, что мне станет мерзко на десятой минуте. Я предпочитаю быть готовой.

— Ладно, убедила. Будем искать что-нибудь менее опасное для жизни.

После ещё нескольких примерок они остановились на тёмных кожаных лодочках с устойчивым невысоким каблуком. Туфли оказались неожиданно удобными и прекрасно сочетались с платьем, хотя Тесса не удержалась от замечания, что это «идеальный компромисс между женственностью и паранойей».

Эмили решила не спорить.

Она расплатилась за покупки и осталась у прилавка, где продавщица бережно заворачивала платье в тонкую шуршащую бумагу. Тесса тем временем рассматривала витрину с украшениями, убеждённая, что образу непременно требуется какая-нибудь последняя деталь.

Эмили стояла рядом с маленькой коробкой туфель в руках и смотрела, как зелёная ткань исчезает под слоями бумаги.

Ей вдруг стало грустно.

В субботу она действительно придёт на торжественный вечер под руку с Дэниелом. Наденет красивое платье, уложит волосы и, возможно, даже услышит от него комплимент.

Вот только восхищения он будет искать в глазах совсем другой женщины.

— Эми, ты чего притихла? — окликнула Тесса.

Она обернулась и заставила себя улыбнуться.

— Ничего. Просто задумалась.

Тесса внимательно посмотрела на неё, но на этот раз ничего не сказала.

А Эмили вдруг подумала, что однажды ей очень хотелось бы купить такое платье для мужчины, который будет счастлив провести вечер именно с ней.

Не потому, что нужно заставить ревновать другую женщину. А потому, что другой ему просто не захочется.

Тесса заметила перемену в её настроении. Она отложила украшение, которое только что рассматривала, и легонько толкнула подругу плечом.

— Эй. Ты можешь не идти.

Эмили слабо улыбнулась.

— Я обещала.

— Ты всегда ему что-то обещаешь, — ответила Тесса без привычной насмешки.

В этих нескольких словах было столько усталого понимания, что Эмили не нашлась с ответом.

Но отменять договорённость было уже поздно. Во всяком случае, именно это она сказала себе, забирая у продавщицы пакет с платьем.

Сара приехала ровно в пять, захватив с собой бархатную коробочку с бабушкиными жемчужными серьгами и такое праздничное настроение, что Эмили сразу приготовилась к очередному разговору о Дэниеле.

Мать едва переступила порог, как принялась расспрашивать её о предстоящем вечере. Она заглянула в спальню, восхитилась платьем, поинтересовалась причёской и тут же предложила помочь с украшениями.

Эмили не стала возражать. Ей всегда нравились эти редкие минуты близости, когда Сара забывала о повседневных заботах и снова превращалась в маму, которая когда-то заплетала ей косы перед школьными праздниками.

Теперь Эмили сидела перед зеркалом, пока мать осторожно вдевала ей в ухо первую серьгу.

— Сиди смирно, солнышко. — Сара поправила застёжку и отступила, чтобы полюбоваться результатом. — Боже, какая ты красивая! Дэниел просто упадёт.

Эмили встретилась с ней взглядом в зеркале.

— Мам. Мы не встречаемся.

— Может быть.

— Правда не встречаемся.

— В таком случае это дело времени. После сегодняшнего свидания всё может измениться.

Сара улыбнулась с такой искренней материнской гордостью, что Эмили стало жаль разрушать её радость. Однако ещё меньше хотелось позволять матери строить надежды на том, чего не существовало.

— Сегодня не свидание, — терпеливо объяснила она. — Я просто сопровождаю Дэниела на предсвадебный ужин к Стерлингам.

Мать застегнула вторую серьгу, осторожно убрала волосы с плеча и посмотрела на дочь уже внимательнее.

— Ну и ладно, — ответила она с несколько преувеличенной бодростью. — Всё равно ты там будешь самая красивая.

Эмили почувствовала знакомый укол вины.

Сара никогда не скрывала, что считает Дэниела подходящим мужчиной для дочери. Она знала его с детства, любила почти как собственного сына и, кажется, давно придумала для них счастливое будущее.

Теперь от этого становилось только больнее. Сара искренне желала ей счастья, но не знала, сколько раз Дэниел уже разбивал её сердце, даже не подозревая об этом.

Мать присела на край кровати, расправила ладонью покрывало и некоторое время молча наблюдала, как Эмили поправляет волосы перед зеркалом.

— Ты помнишь, что я говорила тебе про Рэя?

Эмили вздохнула.

— Что от него нужно держаться подальше.

— Вот именно. — Сара заметно оживилась. — Селеста вчера рассказала мне кое-что ещё.

Услышав это имя, Эмили невольно насторожилась.

— Когда Рэю было шестнадцать, с ним случилось что-то ужасное, — продолжила мать, понизив голос. — Селеста не стала вдаваться в подробности. Говорит, ей до сих пор слишком

больно вспоминать. Но после этого он совершенно изменился. Стал ещё агрессивнее, никого не слушал, устраивал скандалы, разбивал вещи. Обвинял родных в каких-то страшных вещах.

Сара покачала головой с искренним сожалением.

— Бедная женщина столько сил потратила, чтобы ему помочь.

Эмили медленно опустила расчёску и посмотрела на отражение матери.

— Мам, а ты сама с ним когда-нибудь разговаривала?

Сара растерянно моргнула.

— Ну... Он ведь тогда был совсем ребёнком. А потом уехал.

— То есть нет.

— Селеста знает его гораздо лучше меня.

Эмили задумчиво повертела в пальцах расчёску.

— Странно получается. Селеста не любит говорить о Рэе, но при этом подробно рассказывает тебе, какой он ужасный человек.

Мать нахмурилась.

— Эмили, не начинай умничать. Я просто с тобой сплетничаю.

— Ладно.

Она решила оставить эту тему.

Сара ещё некоторое время поправляла ей волосы, затем помогла застегнуть платье и окончательно убедилась, что жемчужные серьги подходят к нему идеально.

Когда мать в последний раз окинула дочь восхищённым взглядом, Эмили не удержалась от улыбки.

По крайней мере, сегодня она действительно выглядела хорошо.

Дэниел приехал без четверти семь.

Эмили увидела его машину из окна спальни и вдруг почувствовала знакомое волнение. Не такое сильное, как прежде, когда она могла по десять минут выбирать помаду ради случайной встречи с ним, но всё же достаточно ощутимое, чтобы задержаться перед зеркалом ещё на несколько секунд.

Она поправила платье, взяла небольшую сумочку и спустилась вниз.

Дэниел ждал возле автомобиля в тёмно-синем костюме, безупречно сидевшем на его стройной фигуре. Белая рубашка, аккуратно уложенные волосы, дорогие часы — он выглядел так, будто собирался произносить речь перед избирателями или сниматься в сериале о молодых политиках.

Увидев Эмили, он на мгновение замер.

Его взгляд скользнул по открытым плечам, тонкой талии и длинной юбке платья, затем вернулся к её лицу.

— Ого. Эм, ты...

У неё невольно дрогнули губы.

Этого мгновения оказалось достаточно, чтобы сердце, вопреки всем разумным доводам, наполнилось надеждой.

Сейчас он скажет, что она красивая. Может быть, даже растеряется, не сумев сразу подобрать слова.

— Ванесса будет в серебряном, — продолжил Дэниел, распахивая пассажирскую дверь. — Я видел у неё в сторис. Если ты встанешь слева от меня, получится отличный контраст.

Улыбка так и не появилась на лице Эмили.

Несколько секунд она смотрела на него, пытаясь осмыслить услышанное.

Значит, вот о чём он подумал, увидев её.

Не о том, как красиво она выглядит. Не о том, что она потратила половину субботы на подготовку к вечеру, который сама не хотела посещать.

Он увидел удачный контраст с платьем Ванессы.

— Замечательно, — произнесла Эмили, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Дэниел, занятый собственными мыслями, не заметил перемены в её настроении.

Он помог ей сесть в машину, обошёл автомобиль и устроился за рулём, продолжая рассказывать о предстоящем мероприятии.

Всю дорогу до Верхнего Ист-Сайда разговор вращался вокруг Ванессы.

Дэниел рассуждал о том, как она поведёт себя при их появлении, станет ли ревновать, попытается ли заговорить с ним наедине. Несколько раз он с явным удовольствием упомянул, что Адриан старше невесты на девять лет, а значит, наверняка уже обладает целым набором неприятных привычек, включая храп и занудство.

Эмили слушала молча.

Поначалу она ещё пыталась отвечать, но довольно скоро поняла, что её мнение Дэниела практически не интересует. Он репетировал предстоящую встречу, перебирал возможные реакции Ванессы и придумывал способы заставить её усомниться в правильности собственного выбора.

В какой-то момент дело дошло до подробных инструкций.

Если Ванесса подойдёт, Эмили должна вести себя непринуждённо. Смеяться над его шутками, но не слишком громко. Не смотреть на бывшую девушку с вызовом, однако и не избегать её взгляда. При необходимости позволить Дэниелу обнять себя, только так, чтобы это выглядело естественно.

Отдельное внимание он уделил тому, где им следует стоять и как часто разговаривать друг с другом.

Эмили отвернулась к окну.

Обычно столь подробные инструкции она получала перед важным релизом, когда необходимо было проверить несколько десятков сценариев и убедиться, что ни одна мелочь не осталась незамеченной. Только на работе хотя бы существовало понятие ожидаемого результата.

Здесь же результат зависел исключительно от того, сумеет ли Дэниел вызвать ревность у женщины, которая собиралась выйти замуж за другого.

За стеклом мелькали освещённые витрины, рестораны и прохожие, торопившиеся провести субботний вечер в приятной компании. Эмили смотрела на пары, прогуливавшиеся под руку, и испытывала всё более мучительное ощущение собственной глупости.

Она сама согласилась на это.

Никто не заставлял её покупать платье, надевать бабушкины серьги и отправляться на торжественный ужин в роли чужой возлюбленной.

И всё же ей хотелось, чтобы хотя бы по дороге Дэниел вспомнил о ней самой.

Спросил, как прошла неделя. Поинтересовался работой. Сказал, что скучал по их разговорам.

Но его интересовала только Ванесса.

Когда машина наконец свернула на Семьдесят вторую улицу, Эмили почувствовала почти облегчение. По крайней мере, теперь ей не придётся выслушивать очередное предположение о том, что будущий муж Ванессы совершенно не умеет обращаться с женщинами и, скорее всего, плох в постели.

Семья Стерлингов жила в элегантном пятиэтажном таунхаусе из светлого камня. Высокие окна украшали кованые ограждения, по балконам тянулись побеги плюща, а за домом скрывался небольшой сад с открытой террасой, которую в этот вечер освещали десятки мягких золотистых огней.

У входа гостей встречал швейцар. Вдоль тротуара стояли дорогие автомобили, один за другим подъезжали приглашённые, и Эмили невольно почувствовала себя участницей мероприятия, о котором обычно читала в светской хронике.

Дэниел передал ключи парковщику и предложил ей руку.

Она вложила ладонь в сгиб его локтя, стараясь не думать о том, сколько раз представляла себе именно такой момент.

Внутри дом оказался ещё роскошнее, чем снаружи.

В просторном холле сияла огромная хрустальная люстра, мраморный пол отражал свет настенных бра, а широкая лестница с изящными перилами поднималась к верхним этажам. Откуда-то доносилась негромкая музыка: струнный квартет исполнял знакомую мелодию, придавая происходящему атмосферу изысканной старинной вечеринки.

Официанты в безупречных белых рубашках бесшумно скользили между гостями с подносами шампанского. Женщины в вечерних платьях обменивались любезностями, мужчины обсуждали деловые вопросы вполголоса, а смех звучал так сдержанно и благовоспитанно, что Эмили невольно подумала: здесь даже веселиться полагалось по определённым правилам.

Она заметила двух известных предпринимателей, чьи фотографии недавно видела в новостях, а возле лестницы разговаривала женщина, рекламировавшая один из дорогих ювелирных домов. Вблизи та оказалась ещё красивее, чем на огромном рекламном щите над Пятой авеню.

Эмили осторожно поправила ремешок сумочки.

Внезапно она почувствовала себя неуверенно.

Не из-за платья — оно было великолепным. И не из-за богатства окружающих: она никогда не считала деньги достаточным основанием для восхищения человеком.

Просто все вокруг, казалось, точно знали, зачем пришли и какое место занимают в этом мире.

А она понятия не имела, кем должна быть сегодня.

Подругой Дэниела? Его девушкой? Удобной декорацией, призванной задеть самолюбие невесты?

Дэниел чуть крепче прижал её руку к своему локтю, и на мгновение Эмили позволила себе представить, что этот жест продиктован нежностью.

Но он уже оглядывал зал, выискивая среди гостей знакомое лицо.

Она проследила за его взглядом и почувствовала, как неприятно сжалось сердце.

Вечер только начинался.

Адриан Стерлинг встретил их у широкой мраморной лестницы.

Он оказался высоким мужчиной с чуть сутулыми плечами, ранней сединой на висках и приятным открытым лицом. В его манерах чувствовалась та непринуждённая уверенность, которая обычно свойственна людям, никогда не испытывавшим необходимости доказывать окружающим собственную значимость. Однако больше всего Эмили удивил его взгляд — внимательный, доброжелательный, совершенно лишённый снисходительности, которую она невольно ожидала встретить в подобном обществе.

Адриан тепло поздоровался с Дэниелом, а затем повернулся к ней.

— Очень приятно, Эмили. Чем вы занимаетесь?

Услышав, что она работает в разработке компьютерных игр, он не ограничился вежливой улыбкой или привычным замечанием о том, как интересно, должно быть, заниматься подобными вещами. Напротив, его любопытство оказалось совершенно искренним.

Адриана заинтересовало, каким образом разработчики выстраивают сюжет, если каждый игрок принимает собственные решения и может существенно изменить ход истории.

Эмили объяснила принцип сюжетных ветвлений, рассказала о взаимосвязи игровых событий и о том, сколько работы скрывается за возможностью позволить пользователю самостоятельно выбирать дальнейшее развитие событий.

К её удивлению, Адриан внимательно слушал.

Он задал ещё несколько вопросов, и каждый оказался настолько точным, что Эмили постепенно забыла о первоначальной неловкости. Говорить с человеком, который действительно интересовался её работой, было приятно.

В какой-то момент она даже поймала себя на искренней симпатии к хозяину вечера.

И тут же почувствовала неприятную горечь.

Насколько же несправедливо, что Ванесса собирается выйти замуж за такого человека.

Эмили попыталась отогнать эту мысль. В конце концов, она совершенно не знала, что происходило между Адрианом и его невестой, и не имела права судить об их отношениях. Но воспоминание о пятничном вечере в машине никак не позволяло воспринимать предстоящую свадьбу с прежним равнодушием.

Ванесса появилась рядом с ними спустя несколько минут.

На ней было длинное серебристое платье, мерцавшее при каждом движении. Тонкая ткань мягко облегала стройную фигуру, открытые плечи подчёркивали изящную шею, а чёрные волосы были уложены в безупречные волны. Она выглядела ослепительно и, судя по довольному выражению лица, прекрасно это понимала.

Приблизившись, Ванесса положила ладонь на локоть жениха и одарила гостей приветливой улыбкой.

Но Эмили успела заметить, как быстро её взгляд переместился с Дэниела на руку, лежавшую у неё на талии.

— Дэниел. И Эмили. Как мило, что вы пришли вместе.

Слова прозвучали любезно, почти ласково. Только Эмили слишком хорошо помнила эту интонацию. Ванесса умела оскорблять человека, не произнося ни одного грубого слова, и сейчас явно наслаждалась возможностью оценить происходящее.

Дэниел чуть крепче обнял Эмили.

Она почувствовала знакомое прикосновение его ладони через тонкую ткань платья и почти сразу поняла, что он ждёт реакции Ванессы. При других обстоятельствах близость Дэниела заставила бы её сердце забиться быстрее. Теперь же она испытывала лишь неловкость.

Адриан ничего не заметил.

Он смотрел на невесту с такой нежностью, что у Эмили неприятно защемило в груди. Мужчина улыбнулся, когда Ванесса коснулась его руки, и в этой простой, совершенно естественной улыбке было больше любви, чем во всех тщательно разыгранных жестах Дэниела.

Эмили вдруг стало стыдно за собственное присутствие.

Перед ней стоял человек, искренне счастливый оттого, что скоро женится на любимой женщине. Он приветствовал гостей, радовался предстоящему празднику и, по всей видимости, даже не подозревал, что всего неделю назад его невеста целовалась с другим мужчиной на заднем сиденье чужого автомобиля.

Эмили смущённо отвела взгляд.

Она не знала, что было бы правильнее — рассказать ему правду или не вмешиваться в чужую жизнь. Но одно понимала совершенно отчётливо: участвовать в попытке Дэниела вызвать ревность Ванессы становилось всё неприятнее.

Селеста Блэквуд подошла к ним сама, когда они отошли к одному из высоких окон.

Эмили заметила её ещё издалека.

Женщина двигалась с неторопливой уверенностью человека, привыкшего чувствовать себя хозяйкой положения независимо от того, кому принадлежит дом. На ней было элегантное платье цвета шампанского, идеально подчёркивавшее стройную фигуру. Светлые волосы были уложены в аккуратную причёску, а украшения подобраны с такой сдержанной роскошью, что их стоимость, вероятно, превышала месячную зарплату Эмили.

Селеста выглядела безупречно.

И улыбалась так приветливо, что невозможно было заподозрить в ней ни единой недоброй мысли.

— Эмили, дорогая! Какая радость тебя видеть!

Она приблизилась и легко коснулась губами её щеки. От женщины пахло дорогими духами с нежными нотами ириса.

— Сара мне все уши о тебе прожужжала. И совершенно справедливо. Ты сегодня настоящее чудо!

Эмили вежливо поблагодарила её.

Они встречались и раньше, хотя в последние годы довольно редко. Селеста всегда казалась ей женщиной, которая умеет говорить приятные вещи, не раскрывая собственных мыслей. В детстве Эмили восхищалась её элегантностью и красивыми манерами, но теперь, став взрослой, находила эту безукоризненную любезность немного утомительной.

Селеста повернулась к сыну, осторожно поправила ему запонку и разгладила рукав пиджака. В этом материнском жесте было столько собственнической нежности, что Дэниел на мгновение стал похож на школьника, которого провожают на торжественную линейку.

— Как хорошо, что вы сегодня вместе, — продолжила она, снова обращаясь к Эмили. — Я так рада, что у него есть ты. С тобой я за него спокойна.

Эмили почувствовала, как улыбка даётся ей всё труднее.

Селеста произнесла эти слова ласково, почти благодарно. Вероятно, даже не задумываясь о том, какой смысл они приобретают для человека, который годами привык отвечать за чужое благополучие.

С тобой я за него спокойна.

Значит, и мать Дэниела воспринимала её как нечто надёжное, постоянное, предназначенное оберегать его от последствий собственных поступков.

Она любила Дэниела и очень хотела, чтобы он был счастлив. Но разве это означало, что вся его жизнь должна держаться на её готовности в любой момент прийти на помощь?

Селеста уже говорила с кем-то из гостей, а Эмили продолжала ощущать неприятную тяжесть от её слов.

Впрочем, сегодня ей предстояло выслушать ещё немало подобного.

Вечер постепенно набирал обороты.

Гости перемещались между гостиной и просторным залом, где официанты предлагали закуски и шампанское. Музыканты сменили мелодию, мягкий свет люстр отражался в хрустале бокалов, а разговоры становились оживлённее по мере того, как присутствующие расслаблялись.

Эмили пыталась найти во всём этом хоть какое-нибудь удовольствие.

Она познакомилась с несколькими людьми, поговорила о работе, даже успела оценить великолепные закуски, которые бесшумно появлялись на маленьких серебряных подносах. Но сколько бы ни старалась отвлечься, присутствие Дэниела постоянно возвращало её к истинной причине визита.

Он почти не отходил от неё.

Держал ладонь на талии, время от времени наклонялся к уху и улыбался с таким видом, будто делился чем-то исключительно нежным. Со стороны они наверняка выглядели счастливой парой, совершенно поглощённой друг другом.

Только вместо ласковых слов Эмили слышала короткие распоряжения.

— Она смотрит?

Чуть позже:

— Не оборачивайся.

А когда Ванесса появилась неподалёку:

— Сейчас засмейся.

Эмили послушно улыбнулась очередной шутке, которой никто не произносил, и почувствовала себя идиоткой.

Ещё утром она представляла, что сумеет сохранить собственное достоинство. Будет вести себя естественно, разговаривать с гостями и не обращать внимания на Ванессу. Однако Дэниел превратил её в участницу тщательно спланированного представления, в котором каждая улыбка, каждый поворот головы и даже расстояние между ними должны были произвести определённое впечатление.

И самое обидное заключалось в том, что он, кажется, действительно считал происходящее удачным.

Несколько раз его рука скользила по спине Эмили, вызывая привычное волнение. Она машинально откликалась на прикосновение, но стоило заметить, куда направлен его взгляд, как тёплое чувство исчезало.

Он смотрел на Ванессу. Всегда только на неё.

Эмили вдруг ясно поняла, насколько сильно ошибалась, соглашаясь прийти сюда.

Она надеялась, что хотя бы на один вечер сумеет побыть рядом с любимым человеком, не думая о его чувствах к другой женщине. Но получилось ровно наоборот: теперь ей приходилось наблюдать за этими чувствами с мучительной близости, притворяясь, что ничего не замечает.

Она была не девушкой Дэниела, а частью декорации.

Красивой, тщательно подобранной деталью, которая должна была сделать его более привлекательным в глазах бывшей возлюбленной.

Эмили медленно отпила шампанского.

Впервые за вечер ей всерьёз захотелось сбежать.

Около половины девятого у входа в гостиную произошло едва заметное движение.

Поначалу Эмили не придала ему значения. Несколько человек прервали разговор, кто-то повернул голову к двери, затем внезапно стих смех у лестницы. Тишина начала распространяться по залу, захватывая всё новые группы гостей, пока негромкая музыка струнного квартета не стала звучать непривычно отчётливо.

Эмили удивлённо огляделась.

Вечеринка не остановилась окончательно, но в атмосфере что-то изменилось. Люди обменивались быстрыми взглядами, осторожно перешёптывались, а некоторые с поспешной непринуждённостью отворачивались от входа.

— Рэй Блэквуд, — произнёс кто-то совсем рядом.

Имя заставило Эмили насторожиться.

Она вспомнила разговор с матерью, загадочные намёки Селесты и собственные детские воспоминания о молчаливом подростке, который когда-то предпочитал сидеть отдельно от остальных гостей.

Значит, старший брат Дэниела всё-таки приехал.

Эмили бросила быстрый взгляд на Селесту.

Та находилась неподалёку, разговаривая с пожилой супружеской парой. Улыбка по-прежнему оставалась на её лице, осанка была идеальной, а голос звучал спокойно и приветливо. Но пальцы, обхватившие тонкую ножку бокала, заметно побелели.

Эмили не успела задуматься над этой странной переменой.

Потому что в дверях появился мужчина.

Высокий, широкоплечий, в безупречно сидящем тёмном костюме, он совершенно не походил на человека, явившегося насладиться приятным вечером в кругу знакомых. Белоснежная рубашка была расстёгнута у ворота, галстука не было. Из-под ткани у основания шеи виднелся край татуировки, а в левом ухе поблёскивало небольшое серебряное кольцо.

Он двигался неторопливо, с той сдержанной уверенностью, которую невозможно изобразить намеренно. Не пытался привлечь внимание, не улыбался гостям и не искал глазами зна-

комые лица. Лишь остановился на пороге и внимательно оглядел помещение, словно прежде всего хотел убедиться, что здесь нет ничего, заслуживающего особого беспокойства.

От предложенного официантом шампанского мужчина отказался коротким движением головы.

Потом его взгляд медленно скользнул по залу.

Эмили заметила, что люди, встречавшиеся с ним глазами, почти сразу отворачивались. Кто-то начинал разговор с соседом, кто-то делал вид, что рассматривает собственный бокал. Даже те, кто не проявлял откровенной неприязни, предпочитали держаться на расстоянии.

И только Адриан Стерлинг искренне обрадовался неожиданному гостю.

Он направился к нему с широкой улыбкой, протянул руку и затем по-дружески обнял.

Мужчина ответил на объятие, хотя сделал это с заметной осторожностью. Он слегка повернул корпус, оберегая левый бок, и почти сразу отступил.

Эмили почувствовала, как внутри что-то дрогнуло.

Это движение показалось ей знакомым.

Она внимательно посмотрела на гостя.

Чёрные волосы, аккуратно уложенные назад. Резкие черты лица, выраженные скулы, короткая тёмная щетина.

Нет.

Не может быть.

Эмили перестала слышать музыку.

Мужчина повернул голову, отвечая Адриану, и свет люстры упал ему на лицо.

Она увидела его глаза.

Ярко-голубые. Почти невозможного оттенка, который однажды уже запомнила настолько отчётливо, что потом несколько ночей подряд не могла выбросить из головы.

У неё перехватило дыхание.

Бокал качнулся в руке, и холодные капли шампанского попали на пальцы. Эмили даже не заметила этого.

Перед ней стоял человек, который неделю назад ворвался в её машину посреди пустынной улицы.

Человек с ножевым ранением, за которым гнались вооружённые мужчины.

Тот самый незнакомец, которого она поцеловала, чтобы спрятать от преследователей. Чьи губы до сих пор помнила слишком хорошо. Чья чёрная кожаная перчатка лежала в её комоде, под аккуратно сложенными свитерами.

Рэй Блэквуд.

Старший брат Дэниела.

Эмили почувствовала, как земля под ногами на мгновение потеряла привычную твёрдость.

Она столько раз мысленно возвращалась к той ночи, пытаясь представить, кто он такой и какой жизнью живёт. Могла предположить, что он связан с криминальным миром, что владеет каким-нибудь сомнительным бизнесом или привык решать проблемы способами, о которых лучше не знать.

Но даже вообразить не могла, что они окажутся связаны через человека, которого она знала с детства.

И что их следующая встреча произойдёт именно здесь.

Рэй продолжал разговаривать с Адрианом.

Со стороны он выглядел совершенно спокойным, почти скучающим. Ни один мускул не дрогнул на его лице, когда он обвёл взглядом собравшихся гостей.

А потом посмотрел прямо на неё.

Эмили ощутила этот взгляд прежде, чем успела осознать, что он её заметил.

На какое-то мгновение окружающий мир перестал существовать.

Исчезли разговоры, музыка, блеск люстр и чужие лица. Остался только мужчина у входа, который смотрел через весь зал так пристально, словно между ними не было ни десятков гостей, ни расстояния, ни минувших дней.

Он узнал её.

Эмили поняла это сразу.

Его лицо почти не изменилось. Лишь взгляд стал цепким и гипнотическим. Но она уже видела его таким: в машине, под светом чужого фонаря, когда незнакомец замирал, заставляя себя не выдавать присутствия ни единым движением.

На этот раз опасности не было.

По крайней мере, Эмили очень хотелось в это верить.

Но почему-то от его взгляда у неё снова сбилось дыхание.

Она невольно вспомнила собственные ладони на его щеках, тёплые губы, осторожное прикосновение кожаной перчатки к затылку. И совершенно некстати подумала о том, что теперь он стоит перед ней в дорогом костюме, среди людей, которые прекрасно знают его имя, а ей всё ещё трудно представить, как можно разговаривать с ним после того поцелуя.

Эмили почувствовала, как лицо начинает гореть.

Она попыталась отвести взгляд, но не смогла.

Рэй смотрел на неё с той же холодной внимательностью, с какой когда-то оценивал преследователей за окном машины. Только теперь в его глазах появилось нечто ещё, совершенно непонятное и оттого тревожащее сильнее.

Рядом напрягся Дэниел.

— Отлично, — процедил он сквозь зубы. — Мой брат почтил нас своим присутствием.

Эмили едва услышала его.

Брат.

Одно-единственное слово окончательно разрушило надежду на нелепое совпадение.

Она вспомнила рассказы матери, недобрые намёки Селесты, детское Рождество в доме Блэквудов.

И вдруг поняла, почему лицо незнакомца с самого начала казалось ей смутно знакомым. Не настолько, чтобы узнать взрослого мужчину в тусклом свете уличного фонаря, но достаточно, чтобы где-то на краю памяти оставалось тревожное ощущение уже виденного.

Тем временем выражение лица Дэниела изменилось.

Он выпрямился, ещё раз посмотрел в сторону брата и неожиданно улыбнулся с видом человека, которому пришла в голову блестящая идея.

— Пойдём, — сказал он, поворачиваясь к Эмили. — Познакомлю тебя. Пусть посмотрит, что у меня тоже кое-что есть.

Эмили медленно перевела на него взгляд.

Кое-что.

Она почти не поверила, что правильно расслышала.

Ещё несколько часов назад Дэниел сравнивал цвет её платья с нарядом Ванессы. Теперь решил использовать её присутствие, чтобы произвести впечатление на старшего брата.

И всё это с такой естественностью, словно не происходило ничего обидного.

Рука Дэниела легла ей на спину и мягко подтолкнула вперёд.

Эмили послушно сделала первый шаг, хотя внутри всё болезненно сжалось.

Она не была вещью, которой можно похвастаться. Не была наградой, подтверждающей мужскую привлекательность, и не собиралась становиться оружием в чужих семейных конфликтах.

Но сейчас возмутиться не получалось.

Потому что впереди стоял человек, чьи руки она помнила на собственной коже.

Человек, который уже видел её испуганной, заплаканной, отчаянно смелой. Который знал о ней нечто такое, чего не знал даже Дэниел.

И он продолжал смотреть.

Не на её спутника. Не на гостей вокруг и не на Ванессу в серебристом платье, стоявшую неподалёку.

На неё.

Эмили крепче сжала бокал, чувствуя, как холодное стекло впивается в пальцы.

Впервые за весь вечер мужчина смотрел на неё саму.

Глава 7. Старший Блэквуд

Рэй пришёл исключительно ради Адриана. Ни один другой человек в этом доме не смог бы заставить его пожертвовать субботним вечером, особенно сейчас, когда свежая рана отзывалась болью при каждом неосторожном движении.

Двенадцать лет назад, когда Рэю исполнилось двадцать три, он владел единственным ночным клубом, располагавшимся в переоборудованном складе в Бушвике. За его плечами числились три кредита, несколько сомнительных знакомств и репутация, из-за которой банковские служащие начинали особенно тщательно изучать документы.

Он хорошо помнил те времена. Бесконечные переговоры, отказы, снисходительные улыбки людей, которые видели перед собой молодого выскочку с дурной фамильной историей и совершенно не верили в его способность построить серьёзный бизнес.

Адриан Стерлинг, с которым они к тому времени дружили уже шесть лет, оказался первым, кто не поинтересовался его родственниками.

Вместо этого он попросил финансовую отчётность, внимательно изучил расчёты, задал несколько неприятных, но толковых вопросов и согласился вложить деньги.

Рэй до сих пор помнил собственное недоверие. Он настолько привык искать подвох в чужих предложениях, что несколько раз перечитал договор, ожидая обнаружить условие, которое поставит его в зависимость от нового партнёра.

Никакого подвоха не оказалось.

Адриан просто увидел перспективу там, где остальные предпочитали замечать лишь риски.

С тех пор Рэй вернул ему вложенное с тройной прибылью. Они давно перестали быть деловыми партнёрами в первоначальном смысле, но сохранили дружбу, которая для Блэквуда значила гораздо больше любых контрактов.

Деньги он умел зарабатывать и возвращать. С доверием всё обстояло сложнее.

Рэй никогда не забывал людей, протянувших ему руку в тот момент, когда от него отвернулись остальные. Таких было немного, и Адриан занимал среди них особое место.

Поэтому сейчас Блэквуд стоял в роскошном таунхаусе на Семьдесят второй улице, терпел присутствие людей, знавших о его жизни преимущественно из газетных заголовков, и даже позволил хозяину вечера заключить себя в объятия.

— Ты пришёл, — произнёс Адриан с таким неподдельным облегчением, что Рэй невольно усмехнулся.

— Я же обещал.

— Ты бледный.

— Освещение.

Адриан отстранился и внимательно посмотрел на друга. Его взгляд на мгновение задержался на том, как осторожно Рэй выпрямился после объятия, но расспрашивать он не стал.

Блэквуд был ему за это благодарен.

Официант предложил шампанское. Рэй отказался и взял стакан воды. Фридман категорически запретил алкоголь на время лечения, и впервые за шесть лет знакомства с доктором его рекомендации показались вполне разумными. В подобном обществе трезвая голова была не столько достоинством, сколько необходимостью.

Пока Адриан отвлёкся на подошедшего гостя, Рэй воспользовался возможностью осмотреться.

Он делал это почти бессознательно, по привычке, от которой так и не сумел избавиться за прошедшие годы. Отметил расположение выходов, лестницу, ведущую на второй этаж, стеклянные двери террасы и людей, стоявших неподалёку от входа. Затем изучил гостей, задержав

внимание на незнакомых лицах и тех, кто слишком старательно делал вид, будто не замечает его появления.

Несколько человек поспешно отвернулись, стоило ему посмотреть в их сторону.

Рэя это вполне устраивало.

Он никогда не стремился нравиться окружающим. Более того, предпочитал, чтобы люди заранее представляли, с кем имеют дело, и не рассчитывали на особенную любезность.

Впрочем, здесь он тоже никого не собирался разочаровывать.

Закончив осматривать зал, Рэй уже хотел вернуться к Адриану, когда его внимание привлекла девушка возле высокого окна.

Она стояла немного в стороне от остальных гостей, держа в руке бокал шампанского. Длинное платье глубокого зелёного оттенка подчёркивало стройную фигуру и оставляло открытыми плечи. Тёмные волосы были красиво уложены, в ушах поблёскивали небольшие жемчужные серьги.

Несколько секунд Рэй просто смотрел, не веря собственным глазам.

Он запомнил её совсем другой.

Промокшей, испуганной, с растрёпанными волосами и покрасневшими от слёз глазами.

Теперь она выглядела так, что ему потребовалось мгновение, чтобы совместить два совершенно разных образа.

И дело было даже не в платье.

Рэй поймал себя на том, что рассматривает её слишком внимательно. От открытой линии плеч его взгляд невольно скользнул к тонкой шее, задержался на лице и остановился на губах.

Он слишком хорошо помнил их прикосновение.

Воспоминание возникло без всякого приглашения, неприятно яркое и подробное: тесный салон автомобиля, запах дождя, её ладони на его щеках и собственное удивление, когда незнакомка вдруг решилась поцеловать его.

Он не привык терять разум из-за женщин. Тем более из-за случайной знакомой, с которой провёл от силы десять минут.

Но сейчас, увидев её среди гостей Адриана, почувствовал нечто похожее на удовольствие. Совершенно неуместное, раздражающее и тем не менее вполне отчётливое.

Эмили Беннет.

Он узнал её имя от детектива и запретил Брейди выяснять что-либо ещё. С тех пор несколько раз вспоминал о девушке, хотя каждый раз находил достаточно веские причины не продолжать этих мыслей.

Теперь она стояла в десяти шагах от него. И смотрела прямо в его сторону.

В её глазах появилось такое неподдельное изумление, что Рэю захотелось улыбнуться. Он почти мог представить, какие мысли сейчас проносятся у неё в голове.

Впрочем, улыбка так и не появилась. Потому что только теперь он заметил мужчину, стоявшего рядом с ней.

Младший брат держал ладонь на её талии, чуть выше бедра, с той спокойной, небрежной уверенностью, которая бывает у людей, привыкших к подобной близости. Время от времени он наклонялся к её уху, что-то говорил, а затем снова оглядывал гостей.

Рэй медленно перевёл взгляд на его руку. И ему не понравилось увиденное.

Настолько не понравилось, что он на мгновение даже перестал следить за происходящим вокруг, пытаясь разобраться в собственной реакции.

Эмили Беннет могла приходить на светские вечера с кем угодно. Это не касалось его ни в малейшей степени. Он ничего о ней не знал, не имел на неё никаких прав и уж точно не собирался интересоваться её отношениями с мужчинами.

Но почему именно Дэниел?

И тут в памяти всплыла бейсболка.

Старая, выцветшая, с потрёпанной эмблемой колледжа и почти стёртыми инициалами на внутренней стороне козырька. Она до сих пор лежала у него дома, на полке рядом с часами, хотя Рэй уже несколько раз собирался её выбросить.

Теперь он наконец понял, кому она принадлежала.

У него вырвался тихий, невесёлый смешок.

В ту дождливую ночь Эмили натянула ему на голову бейсболку его собственного брата, а затем поцеловала, чтобы спрятать от вооружённых преследователей.

Ситуация была настолько нелепой, что при других обстоятельствах он, возможно, даже оценил бы её иронию. Но сейчас Рэю было совершенно не смешно.

Он снова посмотрел на Эмили.

Девушка продолжала стоять возле окна, не отводя глаз, и по её лицу было ясно, что она уже поняла, кто он такой.

Рэй не знал, кем она приходится Дэниелу. Не знал, насколько давно они вместе и что связывает их, кроме очевидной близости. Однако впервые за долгое время ему захотелось получить ответы на вопросы, не имевшие никакого отношения ни к работе, ни к безопасности, ни к его собственным делам.

Селеста перехватила его прежде, чем Дэниел успел приблизиться.

Рэй заметил мачеху ещё у входа, но надеялся, что хотя бы первые полчаса вечера обойдутся без неизбежного обмена любезностями. Напрасно. Селеста всегда обладала удивительным чутьём на моменты, когда её присутствие было особенно нежелательным.

Она остановилась перед ним с широкой улыбкой, держа в тонких пальцах бокал шампанского. Светлые волосы, дорогие украшения, платье нежного золотистого оттенка. Всё в ней говорило о благополучии, хорошем вкусе и той особенной женской мягкости, которую Селеста умела демонстрировать на публике.

Рэй слишком хорошо знал, что скрывалось за этой искусно созданной маской.

— Рэй. Какой приятный сюрприз.

Она не попыталась обнять его или поцеловать в щёку. От подобных проявлений материнской нежности Селеста отказалась почти двадцать лет назад, и за всё прошедшее время никто из них не выразил желания возобновить эту традицию.

— Селеста.

Он произнёс её имя без малейшего удовольствия.

Мачеха, разумеется, не обратила внимания на холодность приветствия. Напротив, её улыбка стала ещё ласковее.

— Ты выглядишь усталым, дорогой. — Она слегка склонила голову, внимательно рассматривая его лицо. — Опять плохо спишь? В детстве у тебя ведь были такие ужасные проблемы со сном. Я до сих пор помню, как переживала за тебя.

Рэй промолчал.

Селеста продолжила с той участливой интонацией, которую он ненавидел сильнее откровенной враждебности:

— После всего, что тебе пришлось пережить, никто, конечно, не ждёт от тебя особенной общительности. Но сегодня такой важный вечер для Адриана. Надеюсь, ты не станешь огорчать его своим настроением.

Последнюю фразу она произнесла достаточно громко, чтобы её услышали гости, стоявшие неподалёку.

Рэй заметил, как женщина в жемчужном ожерелье невольно повернула голову, а её спутник сделал вид, что чрезвычайно заинтересован содержимым собственного бокала. Оба, разумеется, прислушивались.

Он прекрасно понимал, чего добивается Селеста.

Несколькими ласковыми замечаниями она успела напомнить окружающим о его прошлом, намекнуть на душевную нестабильность и представить себя терпеливой женщиной, которая всю жизнь заботилась о трудном пасынке.

Раньше подобные разговоры доводили Рэя до бешенства.

Он спорил, требовал прекратить, пытался объяснить людям, что всё было совершенно не так. Иногда выходил из себя, и тогда Селесте оставалось лишь печально покачать головой, словно его поведение подтверждало каждое её слово.

С возрастом Рэй научился не доставлять ей такого удовольствия.

Он смотрел на мачеху молча, не пытаясь скрыть презрения. Постепенно её улыбка стала менее естественной, а пальцы чуть крепче сжали ножку бокала.

— Ты не переживала, Селеста, — наконец произнёс он негромко, чтобы слышала только она. — Ты ждала.

На мгновение между ними возникла тишина.

Рэй видел, что она поняла его с первого слова. Возможно, даже вспомнила то же самое, что и он: холодный дом у озера, долгие недели неизвестности и его возвращение, после которого он услышал от неё столько трогательных речей о материнских страданиях.

Он не собирался устраивать сцену. Не здесь, не в доме Адриана.

Но и позволять Селесте безнаказанно использовать его прошлое ради сочувственных взглядов не намеревался.

— Это вечер моего друга, — продолжил Рэй всё тем же спокойным голосом. — Поэтому ты будешь улыбаться, а я постараюсь не вспоминать, за что именно ты заслужила моё молчание. Так будет лучше для всех. Особенно для тебя.

Селеста не отвела глаз.

Рэй помнил её такой с детства. Даже в минуты самой сильной ярости она умела выглядеть оскорблённой невинностью. Чужие люди видели элегантную женщину с мягкими манерами и никогда не понимали, почему её пасынок испытывает к ней столь неприкрытую неприязнь.

Впрочем, убеждать их в чём-либо Рэй давно перестал.

— Маргарет, дорогая! — вдруг воскликнула Селеста, глядя куда-то за его плечо.

Улыбка приобрела прежнюю теплоту.

Она извинилась и направилась к знакомой, оставив после себя тонкий аромат ириса. Стоявшая неподалёку пара почти сразу нашла повод переместиться к бару.

Рэй проводил мачеху равнодушным взглядом.

Встреча прошла даже лучше, чем он ожидал.

— Рэй.

Голос младшего брата заставил его обернуться.

Дэниел остановился в нескольких шагах, обнимая за талию девушку в тёмно-зелёном платье.

Вблизи Рэй заметил, насколько тот изменился с их последней встречи. Брат похудел, лицо осунулось, под глазами появилась синева, которую не смог скрыть даже тщательно подобранный свет гостиной.

Последний раз они виделись два года назад, на поминальной службе в восемнадцатую годовщину смерти отца. Рэй тогда появился всего на десять минут, отказался участвовать в семейных разговорах и уехал, едва церемония закончилась.

У него не было ни желания, ни причин поддерживать с родственниками более тесные отношения.

Дэниел, однако, по-прежнему оставался удивительно похожим на того мальчишку, которого Рэй помнил с детства. Красивые, мягкие черты лица, открытая улыбка и почти детская способность мгновенно менять выражение лица в зависимости от того, какое впечатление требовалось произвести.

Рэй давно научился не доверять этой улыбке.

— Дэниел, — отозвался он.

— Не ожидал тебя здесь увидеть.

— Взаимно.

Младший брат едва заметно поморщился, но тут же вернул лицу приветливое выражение.

— Хочу тебя кое с кем познакомить.

Его рука увереннее обхватила талию спутницы, притягивая её ближе. Рэй заметил это движение и почувствовал, как внутри поднимается отвращение.

— Эмили, — продолжил Дэниел с плохо скрываемой гордостью. — Моя девушка.

Рэй перевёл взгляд на неё.

Эмили не вздрогнула и не попыталась отстраниться, хотя на краткое мгновение опустила ресницы. Когда она снова посмотрела на него, выражение её лица было почти безупречно спокойным.

Значит, вот как.

Рэй протянул руку.

— Приятно познакомиться.

Её ладонь оказалась прохладной. Она ответила на рукопожатие без лишней робости, хотя он прекрасно видел, как старательно девушка пытается сохранить невозмутимость.

Ему вспомнилось, как эти же пальцы обхватили его лицо в тесном салоне автомобиля.

Воспоминание оказалось настолько отчётливым, что Рэю пришлось сознательно заставить себя отпустить её руку.

— Эмили, — повторил он, чуть задержав на ней взгляд. — Мы раньше не встречались?

В её серых глазах промелькнуло удивление, но голос прозвучал ровно:

— Не уверена. Возможно, в детстве мы виделись пару раз.

Рэй едва заметно приподнял бровь.

Она смотрела прямо на него, не пряча глаз и не пытаясь предупредить о необходимости молчать. Ему нравилось это упрямство, хотя он не собирался признаваться в подобном даже самому себе.

Большинство людей при первом знакомстве предпочитали вести себя с ним осторожнее. Кто-то опасался дурной репутации, кто-то пытался произвести впечатление, другие откровенно заискивали. Эмили, напротив, выглядела так, словно обдумывала, стоит ли вообще продолжать разговор.

— Вот как, — произнёс Рэй. — Вероятно, поэтому ваше лицо кажется мне знакомым. Ощущение, будто я видел вас где-то совсем недавно.

Он заметил, как изменилось её выражение.

Не смущение даже, а скорее настороженность. Она прекрасно поняла намёк и теперь пыталась определить, насколько далеко он собирается зайти.

— Вы меня с кем-то путаете.

— Наверное.

Дэниел переводил взгляд с брата на Эмили, явно не понимая, почему знакомство развивается совсем не так, как он рассчитывал.

Рэй не обращал на него внимания.

Ему нравилось наблюдать за девушкой, пытавшейся сохранить серьёзность, несмотря на очевидную неловкость положения. Ещё несколько дней назад она совершенно не смущалась, приказывая ему покинуть её машину. Теперь же стояла рядом с его младшим братом и делала вид, что впервые видит человека, которого целовала под дождём.

— А вы любите дождь, мисс Беннет? — неожиданно спросил он.

Эмили замерла.

Всего на секунду, но Рэю хватило и этого.

Он намеренно назвал её по фамилии.

Дэниел представил спутницу только по имени и, разумеется, не заметил ничего необычного. Зато Эмили сразу поняла, что случайной оговоркой здесь и не пахнет.

В её глазах вспыхнуло любопытство, смешанное с недовольством.

— Терпеть не могу, — ответила она после короткой паузы. — Всегда холодно и влажно. Машина после него грязная, замучаешься отмывать.

Уголок его рта едва заметно дрогнул.

— А мне нравится, когда влажно.

Она посмотрела на него с неожиданной твёрдостью, хотя её щёки слегка покраснели.

Рэй с трудом удержался от улыбки. И ему было совсем не стыдно.

Вот теперь он окончательно узнал девушку, которая неделю назад пригрозила вызвать полицию, если он немедленно не уберёт деньги и не оставит её в покое.

Его позабавило, что она сумела напомнить об этом, ни словом не выдав их знакомства.

Дэниел, однако, нахмурился.

Рэй заметил, как брат слегка отстранился, явно приняв замечание на свой счёт.

Любопытно.

Он снова посмотрел на Эмили. И у него вдруг возникло слишком много вопросов.

Почему девушка, способная без колебаний выставить из машины окровавленного незнакомца, сейчас позволяла Дэниелу держать себя за талию с таким собственническим видом? Почему её улыбка исчезала всякий раз, когда младший брат к ней обращался? И почему при словах «моя девушка» она выглядела совсем не так, как обычно выглядят счастливые женщины?

Рэй не привык проявлять интерес к чужим отношениям.

Но в этот раз ему хотелось разобраться.

Эмили тем временем допила шампанское, аккуратно поставила пустой бокал на поднос проходившего официанта и повернулась к Дэниелу.

— Кажется, нас зовёт твоя мама.

Рэй прекрасно видел Селесту в другом конце зала. Та разговаривала с пожилой женщиной и совершенно не интересовалась их небольшой компанией.

Эмили тоже это знала.

Однако Дэниел с готовностью ухватился за возможность закончить разговор.

— Да, наверное, нам пора, — произнёс он, вновь обнимая девушку за талию. — Увидимся, Рэй.

В его тоне не было ни малейшего желания выполнять это обещание.

— Несомненно, — спокойно ответил Блэквуд.

Дэниел направился к гостям, увлекая Эмили за собой.

Она не обернулась.

Рэй остался стоять возле лестницы, провожая их взглядом. Он отметил, как красиво тёмно-зелёная ткань облегает её фигуру, как свободно движутся открытые плечи и как осторожно Эмили убрала руку Дэниела со своей талии, едва они отошли на несколько шагов.

Этот жест почему-то доставил ему удовольствие.

Рэй нахмурился.

Ситуация становилась совершенно нелепой.

У него имелись незаконченные дела, свежая рана, расследование нападения и достаточно причин держаться подальше от семейства Блэквуд. И уж точно не следовало интересоваться девушкой младшего брата, особенно учитывая, при каких обстоятельствах они познакомились.

Однако вместо того, чтобы вернуться к Адриану, он продолжал смотреть в сторону Эмили.

Ему не нравилось, что она пришла с Дэниелом.

Ещё меньше нравилось, что он вообще об этом думает.

Рэй медленно выдохнул и заставил себя отвернуться.

Он не собирался вмешиваться в чужие отношения.

Но почему-то впервые за долгое время собственное решение не показалось ему окончательным.

Адриан разыскал его спустя полчаса.

К тому времени Рэй успел убедиться, что светские мероприятия остаются одним из самых бессмысленных способов провести вечер. Он обменялся несколькими дежурными фразами со знакомыми, выслушал два предложения о сотрудничестве и вежливо, насколько позволял характер, отказал обоим собеседникам. Свежая рана неприятно ныла под рубашкой, а от необходимости постоянно поддерживать разговор начинала болеть голова.

Поэтому, когда Адриан предложил выйти на террасу, Рэй согласился без возражений.

За стеклянными дверями оказалось значительно прохладнее. Под широким навесом работали уличные обогреватели, от которых исходило мягкое тепло. Двое официантов, укрывшихся здесь с сигаретами, при виде хозяина поспешно затушили их и исчезли в доме, оставив мужчин одних.

Внизу раскинулся небольшой сад. Среди аккуратно подстриженных кустарников мерцали фонарики, освещая влажную траву и извилистые дорожки. За высокими окнами продолжался праздник: гости перемещались между столиками, официанты разносили шампанское, музыканты играли возле лестницы. Сквозь толстое стекло происходящее казалось странно далёким. Люди улыбались, поднимали бокалы, оживлённо жестикулировали, но ни единого звука не проникало наружу.

Рэй остановился у перил, наслаждаясь редкой возможностью побыть в тишине.

Адриан встал рядом, некоторое время смотрел на сад и неожиданно произнёс:

— Скажи мне, что я не сумасшедший.

— Ты не сумасшедший.

— Ты даже не спросил, о чём я.

— Неважно. Ты не сумасшедший.

Адриан рассмеялся, но смех быстро угас. Он покачал головой, затем повернулся к стеклянным дверям, за которыми продолжался праздник в честь его предстоящей свадьбы.

Рэй не торопил друга.

Он знал Адриана достаточно давно, чтобы понимать: если тот решил заговорить о чём-то серьёзном, лучше дать ему самому подобрать слова.

— Она в последнее время какая-то... Не знаю, как подобрать слово. Постоянно отвлекается, почти не разговаривает со мной. Телефон всегда кладёт экраном вниз. По вечерам куда-то уезжает: то примерка, то встреча с подругами, то очередные свадебные хлопоты.

Он вздохнул и невесело улыбнулся.

— Я понимаю, что свадьба отнимает много сил. Все вокруг твердят, что невесты перед церемонией нервничают, что это совершенно нормально. Наверное, так и есть.

Рэй слушал молча.

Ему не нравилось, как звучали эти объяснения. Особенно настойчивость, с которой Адриан пытался убедить в них самого себя.

Рэй давно научился замечать подобные вещи. Слишком много людей в его жизни говорили одно, подразумевая другое, и он хорошо знал, сколько неприятностей может скрываться за вполне убедительными оправданиями.

Однако высказывать подозрения без доказательств не собирался.

Тем более сейчас, когда перед ним стоял человек, которого он искренне уважал.

— Я люблю её всем сердцем, — робко признался Адриан.

Он смотрел сквозь стекло на гостиную, пытаясь отыскать среди приглашённых знакомую фигуру.

В его голосе было столько беззащитной искренности, что Рэй невольно почувствовал себя неуютно.

— Глупо, наверное, — продолжил друг. — Мне почти сорок. У меня успешная карьера, дом, всё, чего только можно пожелать. А я переживаю из-за каждой мелочи, как влюблённый подросток.

Адриан немного помолчал.

— Ты бы на моём месте женился?

Рэй медленно повернул к нему голову.

— Я последний человек, у которого стоит спрашивать совета о браке.

Адриан хмыкнул, приняв ответ за очередную насмешку над семейной жизнью.

Рэй не стал его разубеждать.

Даже Адриан не знал, что его друг женат. Не знал и Майкл, которому Рэй доверял почти все свои дела. Селеста тоже ничего не подозревала. Знал только Брейди, без которого Рэй никуда не ездил, и за пять лет тот не сказал об этом ни слова. Если бы мачеха узнала о существовании законной жены, она давно превратила бы эту тайну в оружие против него.

Церемония состоялась в мэрии, без гостей и торжественных обещаний перед собравшимися родственниками. В небольшом помещении присутствовали лишь Рэй, Клэр, измученный к концу рабочего дня служащий и случайный свидетель, которого пришлось искать в коридоре.

Всё прошло быстро, буднично.

Клэр тогда надела светлое платье и улыбалась с такой тихой надеждой, что Рэю до сих пор становилось тяжело при воспоминании об этом дне.

Он сам попросил её никому не рассказывать о регистрации брака. Объяснил нежеланием привлекать внимание прессы, возможными неприятностями со стороны родственников и необходимостью сохранить личную жизнь в тайне.

Клэр согласилась сразу.

В этом была одна из самых болезненных особенностей их отношений: она слишком часто принимала его решения, даже когда они лишали её того, на что любая другая женщина имела бы полное право.

Рэй прекрасно это понимал.

Он действительно пытался стать для неё хорошим мужем. Заботился, обеспечивал, старался быть рядом, когда она нуждалась в поддержке. Но чем больше проходило времени, тем очевиднее становилось, что между ними так и не возникло той близости, на которую Клэр рассчитывала.

В конце концов она уехала.

А он остался с неподписанными документами о разводе и обещанием, данным много лет назад её умирающему отцу.

Теперь, слушая Адриана, Рэй с неприятной ясностью осознавал, насколько мало имеет права рассуждать о чужом семейном счастье.

Он не сумел сохранить собственный брак, хотя оба вступали в него с добрыми намерениями.

И уж точно не собирался убеждать друга жениться, если тот сам сомневался в правильности решения.

Рэй снова посмотрел в гостиную.

Ванесса стояла возле камина в окружении нескольких женщин. Она улыбалась, что-то оживлённо рассказывала, изящно жестикулируя бокалом шампанского. Серебристое платье мерцало под светом люстры, привлекая взгляды мужчин, проходивших мимо.

Неподалёку находился Дэниел.

Младший брат держал в руке бокал, к которому почти не притрагивался, и следил за Ванессой с такой откровенной тоской, что Рэю стало неприятно.

Ему было знакомо это выражение.

Он видел его у людей, которые слишком долго пытались получить желаемое и постепенно переставали замечать всё остальное.

Но гораздо сильнее его внимание привлекла девушка рядом с Дэниелом.

Эмили беседовала с пожилой дамой в бриллиантовом ожерелье. Она вежливо улыбалась, внимательно слушала собеседницу и время от времени что-то отвечала. По её лицу невозможно было догадаться, насколько ей интересно происходящее.

Рэй снова поймал себя на желании рассмотреть её поближе и раздражённо отвёл глаза.

Сегодня он уже достаточно времени потратил на мысли об этой женщине.

Однако спустя несколько секунд снова посмотрел в её сторону.

Дэниел же по-прежнему наблюдал за Ванессой.

И, кажется, совершенно забыл, что пришёл на вечер не один.

Рэй подозрительно прищурился.

Он не понимал, почему это его так задевает. Эмили была взрослой женщиной и вполне могла самостоятельно разобраться в собственных отношениях. К тому же он слишком мало знал о них обоих, чтобы делать выводы.

Но смотреть, как младший брат игнорирует девушку, которая всего несколько дней назад рисковала жизнью ради совершенно незнакомого человека, оказалось неожиданно неприятно.

Тем временем Ванесса извинилась перед подругами и направилась к боковому коридору, ведущему в библиотеку.

Рэй проводил её взглядом.

Через минуту Дэниел поставил бокал на ближайший столик и, бросив короткое замечание кому-то из гостей, последовал за ней.

Он даже не посмотрел в сторону Эмили.

Рэй почувствовал, как остатки терпения окончательно покидают его.

Пока ничего определённого не произошло. Ванесса вполне могла отправиться в библиотеку по какому-нибудь безобидному делу, а Дэниел случайно выбрать тот же маршрут.

Но Рэй не верил в совпадения.

— Ты чего? — спросил Адриан, заметив перемену в его лице.

Рэй повернулся к другу.

— Ничего. Возвращайся к гостям. Это твой праздник.

Адриан хотел что-то ответить, но в этот момент за стеклянной дверью появился один из организаторов вечера и жестом подозвал хозяина дома.

— Поговорим позже, — пообещал тот.

Рэй коротко кивнул.

Когда Адриан ушёл, он остался на террасе, продолжая наблюдать за гостиной.

Эмили ещё некоторое время беседовала с пожилой женщиной. Затем поблагодарила её, улыбнулась на прощание и огляделась.

Рэй заметил, как постепенно изменилось её выражение.

Сначала она посмотрела в сторону камина, затем перевела взгляд к лестнице и входу. Не обнаружив Дэниела среди гостей, немного помедлила и направилась к боковому коридору.

К тому самому, куда несколько минут назад ушли Ванесса и Дэниел.

Рэй медленно выпрямился.

Ему не понравилось предчувствие, возникшее в этот момент.

Он почти отвернулся, решив, что дальнейшее происходящее его не касается. В конце концов, отношения младшего брата и его спутницы не были ни его делом, ни его ответственностью.

Но уйти почему-то не смог.

Прошло совсем немного времени.

Эмили появилась в дверях коридора настолько быстро, что Рэй сразу понял: она не задержалась там ради разговора.

Она шла через гостиную, не оглядываясь, с высоко поднятым подбородком и прямой спиной. Движения оставались уверенными, однако в них появилась торопливость, которой прежде не было.

Кто-то из гостей обратился к ней, и Эмили остановилась ровно настолько, чтобы ответить.

Она улыбнулась.

Рэй видел эту улыбку даже через стекло.

Слишком старательную, почти неподвижную, совершенно не похожую на ту живую, насмешливую улыбку, которой она одарила его в машине после замечания о поцелуе.

Девушка явно пыталась сохранить самообладание.

Рэй с раздражением почувствовал, что начинает догадываться о причине.

Эмили продолжила идти к лестнице, стараясь не привлекать внимания. Примерно на полпути она вдруг опустила голову и быстрым движением провела кончиками пальцев под глазами.

Жест был таким коротким, что большинство окружающих наверняка его не заметило.

Но Рэй заметил.

Он вспомнил её в машине — с покрасневшими глазами, сорванным от слёз голосом и тем отчаянным выражением лица, которое она изо всех сил пыталась скрыть за возмущением.

Тогда он не знал, почему девушка оказалась одна посреди ночи в заброшенном районе Бруклина.

Теперь впервые задумался, не имел ли к этому отношения Дэниел.

Мысль оказалась настолько яркой, что Рэю захотелось немедленно вернуться в дом и потребовать от младшего брата объяснений.

Он сдержался.

Эмили тем временем поднялась по широкой лестнице на второй этаж. У верхней площадки она на мгновение остановилась, огляделась и направилась в сторону балкона.

Через несколько секунд её зелёное платье исчезло за поворотом.

Рэй продолжал смотреть на пустую лестницу.

Он не понимал, что именно произошло в библиотеке, но слишком хорошо узнал выражение лица женщины, которая старается не расплакаться на глазах у посторонних.

За долгие годы он повидал достаточно чужого горя, чтобы отличать настоящую боль от попытки привлечь внимание.

Эмили не хотела, чтобы кто-нибудь видел её слёзы.

И почему-то именно это обстоятельство оказалось решающим.

Рэй ещё несколько секунд стоял неподвижно, пытаясь убедить себя, что лучше не вмешиваться. У него не было ни причин, ни права идти за ней. Она не просила о помощи и, вероятнее всего, предпочла бы остаться одна.

Но перед глазами снова возникло её лицо.

Он вспомнил, с какой безрассудной смелостью она защитила его от вооружённых преследователей, хотя совершенно ничего ему не была должна.

И теперь не смог заставить себя отвернуться.

Рэй поставил нетронутый стакан воды на перила и направился к стеклянным дверям.

Он ещё не знал, что скажет Эмили, если найдёт её.

Глава 8. Предложение, за которое бьют

Дэниел исчез около пяти минут назад.

Эмили заметила это не сразу. Она стояла возле камина и поддерживала разговор с пожилой дамой, чьё бриллиантовое ожерелье стоило, вероятно, больше, чем вся обстановка её квартиры. Женщина с искренним возмущением рассказывала о внуке, который бросил юридическую школу ради разработки компьютерных игр, и никак не могла понять, почему взрослый, вполне разумный молодой человек предпочёл перспективной карьере адвоката каких-то нарисованных драконов.

В другое время Эмили с удовольствием объяснила бы ей, сколько труда, таланта и технических знаний требуется для создания хорошей игры. Возможно, даже сумела бы убедить, что внук выбрал не самый безнадёжный жизненный путь. Но сейчас она лишь рассеянно улыбалась, вставляла короткие замечания в подходящих местах и время от времени оглядывала гостиную.

Тёмно-синего костюма нигде не было.

Она посмотрела в сторону лестницы, затем на гостей у камина, пробежала взглядом по небольшим группам возле окон. Дэниел исчез. Вместе с ним, как Эмили обнаружила с нарастающим беспокойством, исчезла и Ванесса.

По спине пробежал неприятный холодок.

Нет. Не стоит немедленно думать о худшем. Дом был огромный, приглашённых много, и оба вполне могли оказаться где-нибудь в другом зале совершенно независимо друг от друга.

Но Эмили слишком хорошо знала Дэниела.

Весь вечер он следил за Ванессой с такой сосредоточенностью, что едва замечал происходящее вокруг. Когда та смеялась, пытался разглядеть, что её развеселило. Когда разговаривала с женихом, мрачнел. А стоило ей случайно взглянуть в их сторону, немедленно притягивал Эмили ближе, изображая безмятежное счастье.

Она чувствовала себя глупо уже тогда.

Теперь же тревога становилась всё настойчивее.

Извинившись перед собеседницей, Эмили оставила недопитое шампанское на столике и направилась к боковому коридору, где, кажется, совсем недавно мелькнуло знакомое серебристое платье.

За дверным проёмом праздничный шум заметно стих.

Коридор оказался узким, обшитым тёмными деревянными панелями. На стенах висели картины в массивных позолоченных рамах, а мягкий ковёр поглощал звук шагов. Здесь пахло полированным деревом и чем-то сладковатым, напоминавшим дорогой табак. В конце коридора виднелась приоткрытая дверь библиотеки, за которой горел приглушённый свет.

Эмили замедлила шаг.

Она уже собиралась позвать Дэниела, когда услышала женский голос.

— Ты же понимаешь, что это ничего не меняет. Адриан надёжный. Это дом, это нормальная жизнь, это мои родители, которые наконец перестанут ожидать чего-то невозможного. А ты...

Эмили остановилась.

Она узнала бы этот голос где угодно: мягкий, высокий, с едва заметной ленцой, которая исчезала всякий раз, когда женщина начинала злиться. Сейчас в нём слышалось раздражение человека, вынужденного объяснять очевидные вещи.

— Я тоже не из бедных. Так почему он?

У Эмили больно прикусила губу и зажмурилась..

Она осталась возле стены, всего в нескольких шагах от двери. Вмешиваться в чужой разговор было бы неправильно, но и заставить себя уйти она почему-то не могла.

Ей хотелось услышать ответ.

Хотелось наконец понять, ради чего Дэниел привёл её сюда, заставил весь вечер улыбаться незнакомым людям и разыгрывать счастливую влюблённую пару.

— Потому что он может дать мне больше. А от тебя мне нужно только одно. Неужели тебе мало моей души и моего тела? Почему ты такой жадный?

Эмили услышала, как Дэниел что-то тихо ответил, но слов разобрать не удалось.

Потом наступила пауза.

Она была совсем короткой, однако Эмили сразу поняла, что происходит за приоткрытой дверью.

Сначала раздался едва слышный шорох одежды. Затем приглушённый вздох, знакомый звук, с которым один человек притягивает другого ближе. Эмили не нужно было заглядывать в библиотеку, чтобы догадаться об остальном.

Всего неделю назад она наблюдала почти такую же сцену в зеркале собственной машины.

Тогда Дэниел тоже забыл обо всём на свете, стоило Ванессе коснуться его.

Эмили медленно отступила к стене.

Она чувствовала себя чужой в этом роскошном доме. Чужой на празднике, куда пришла по просьбе человека, которого считала самым близким. И совершенно лишней в истории, участницей которой так отчаянно хотела стать.

Но настоящее унижение ждало впереди.

— Кстати, — произнесла Ванесса, и в её голосе появилась знакомая насмешливая нежность. — Твоя Эмили очень милая. Я почти поверила. Вы хорошо смотритесь вместе.

Эмили затаила дыхание.

Ей хотелось, чтобы Дэниел промолчал. Чтобы хотя бы сейчас не стал обсуждать её с женщиной, которая совсем недавно издевалась над ней в машине.

— Ты знаешь, что между нами не может быть ничего, кроме дружбы. Я привёл её, чтобы позлить тебя.

Слова прозвучали просто, без колебаний и малейшего смущения.

Эмили не помнила, как отошла от двери.

Она двигалась осторожно, практически бесшумно, хотя никто за её спиной не обратил бы внимания на шаги в коридоре, где толстый ковёр скрывал даже стук каблуков.

Эмили прекрасно знала, какая у неё будет роль, ещё во вторник, когда Дэниел попросил сопровождать его на ужине. Он ничего не скрывал.

Но одно дело — понимать это разумом. И совсем другое — услышать, как легко любимый человек признаётся другой женщине, что ты значишь для него не больше, чем удобный способ привлечь её внимание.

Двадцать лет дружбы уместились в одну фразу.

Эмили вернулась в гостиную.

Кто-то улыбнулся ей, и она машинально ответила улыбкой. Кажется, даже поздоровалась со знакомым Дэниела, хотя позже не смогла бы вспомнить ни его лица, ни имени.

Вокруг по-прежнему звучала музыка. Гости оживлённо беседовали, официанты разносили напитки, а возле камина кто-то громко рассмеялся. Ничего не изменилось. Праздник продолжался, и никому не было дела до того, что у неё внутри только что рухнуло нечто, на чём держалась почти вся сознательная жизнь.

Эмили всегда гордилась умением сохранять спокойствие.

На работе она могла часами разбираться в сложнейшей ошибке, не повышая голоса даже тогда, когда разработчики убеждали её, что проблема существует исключительно в её воображении. Она умела отделять чувства от фактов, искать закономерности, находить причины.

И сейчас факты были предельно ясны.

Дэниел любил Ванессу. Ванесса собиралась выйти замуж за Адриана. А Эмили была нужна лишь для того, чтобы Ванесса пожалела о потере Дэниела.

В этой схеме ей не отводилось места для собственных желаний.

Самое обидное, что её даже не обманули.

Она знала всё заранее, ещё в кофейне, когда Дэниел впервые попросил об услуге.

Эмили тогда позволила себе поверить, что он наконец начинает замечать её.

Она купила красивое платье. Надела бабушкины серьги. Позволила матери радоваться событию, которое та по ошибке приняла за начало долгожданных отношений.

И всё ради нескольких часов притворства.

На полпути к лестнице глаза неожиданно защипало.

Эмили быстро моргнула, но слёзы уже подступили к ресницам. Она отвернулась к стене и осторожно провела пальцами под глазами, стараясь не испортить макияж.

Только не здесь.

Ей не хотелось, чтобы Ванесса увидела её заплаканной. Не хотелось ловить сочувственные взгляды незнакомых людей или объяснять Дэниелу, почему она расстроена.

И больше всего не хотелось снова давать ему возможность извиниться так, чтобы в конце концов именно ей пришлось его утешать.

Эмили выпрямила спину и направилась к лестнице.

На втором этаже оказалось заметно тише. За полураскрытой дверью виднелся небольшой балкон, освещённый слабым светом настенного фонаря. Она толкнула дверь и вышла наружу, с облегчением оставив позади музыку, разговоры и приторный запах дорогих духов.

Холодный воздух коснулся открытых плеч, заставив её вздрогнуть.

Балкон был узким, с каменной балюстрадой и потемневшим от осенней сырости плющом, оплетавшим стену дома. Отсюда открывался вид на соседние крыши, освещённые окна таунхаусов и крошечные участки улицы между зданиями.

Внизу продолжался праздник. Откуда-то из сада доносились приглушённые голоса, звенело стекло, а струнный квартет начал новую мелодию.

Эмили подошла к перилам и положила ладони на холодный камень.

Несколько секунд она просто смотрела перед собой.

Теперь, когда рядом никого не было, держаться стало гораздо труднее. Губы предательски дрогнули, к горлу подступил знакомый ком, и пришлось несколько раз медленно вдохнуть, чтобы не расплакаться.

Ей было стыдно.

Не перед Ванессой или Дэниелом. Перед самой собой.

За то, что снова позволила обмануть собственные ожидания. За то, что так и не научилась отличать дружескую благодарность от любви. За то, что до последнего надеялась: однажды он посмотрит на неё и увидит женщину, которая всегда была рядом.

Эмили закрыла глаза.

— Семь сонных саламандр собирали созвездия с Сатурна.

Она произнесла скороговорку, тщательно выговаривая каждое слово.

Когда-то, в девять лет, ей казалось, что это настоящее волшебство. Стоит сосредоточиться на трудных звуках, и слёзы перестают течь сами собой. Позже она поняла, что никакого волшебства здесь нет, но привычка осталась.

— Семь сонных саламандр собирали созвездия с Сатурна.

Эмили повторила фразу ещё раз, медленнее.

Дыхание постепенно выровнялось. Она осторожно разжала пальцы, оставившие на ладонях красные следы от напряжения, и открыла глаза.

Плакать всё ещё хотелось, но теперь хотя бы появилась надежда, что она сумеет спокойно вернуться домой.

Нужно было вызвать такси. Написать Дэниелу, что уезжает. Или вообще ничего не писать. Он достаточно взрослый, чтобы самостоятельно разобраться, как добраться домой после чужого предсвадебного ужина.

Эмили почти решилась достать телефон, когда за спиной тихо открылась дверь.

Она замерла.

На балкон вышел мужчина. Его шаги были тяжёлыми, но неторопливыми. Он остановился неподалёку от неё, не пытаясь приблизиться, и некоторое время молчал.

Эмили не обернулась.

— Здесь холодно, — произнёс он своим низким, чуть хриплым голосом.

Эмили смотрела на тёмные крыши.

— Я заметила.

Она ожидала, что после такого ответа он уйдёт. В конце концов, они едва знали друг друга, а их единственная встреча при обстоятельствах, которые трудно назвать обычными, вряд ли давала ему право вмешиваться в её жизнь.

Но Рэй подошёл к балюстраде и остановился рядом, сохранив между ними достаточно места, чтобы Эмили не чувствовала себя загнанной в угол.

Она видела его краем глаза.

Тёмный костюм, широкие плечи, резкий профиль на фоне освещённых окон. Снаружи его лицо казалось ещё суровее, чем в гостиной. Он стоял спокойно, почти неподвижно, и не проявлял ни малейшего желания заполнить тишину бессмысленными любезностями.

Это неожиданно оказалось приятным.

Эмили устала от людей, которые постоянно чего-то от неё ждали. Улыбки, понимания, правильного ответа, удобного поведения.

Рэй ничего не требовал.

Он даже не спросил, что случилось.

Вместо этого достал из нагрудного кармана аккуратно сложенный тёмный шёлковый платок и протянул ей.

Жест получился немного неловким. Мужчина не повернулся к ней полностью, не попытался заглянуть в лицо и не произнёс ни одного утешительного слова. Просто держал платок в протянутой руке, оставляя ей возможность принять его или отказаться.

Эмили посмотрела на тонкую ткань.

Платок выглядел слишком дорогим и красивым, чтобы вытирать им слёзы. Наверняка он предназначался исключительно для украшения костюма и никогда прежде не использовался по прямому назначению.

От этой мысли ей захотелось улыбнуться.

Но вместе с неожиданной благодарностью пришло смущение.

Значит, он заметил.

Заметил то, что она так старательно пыталась скрыть от остальных.

Эмили подняла глаза на мужчину.

— Вы за мной следили?

— Да.

Она даже растерялась.

Ей казалось, что Рэй непременно станет отрицать, придумает какое-нибудь объяснение или скажет, что сам решил выйти на балкон подышать воздухом.

Но он ответил совершенно спокойно, без тени смущения.

Эта прямота обезоруживала.

— Зачем? — спросила она уже тише.

Рэй повернул голову и посмотрел на неё.

В полумраке его голубые глаза казались особенно светлыми. В них не было ни насмешки, ни того холодного недоверия, с которым он разглядывал её в машине.

— Ты вышла из того коридора с таким лицом, будто тебя ударили.

Эмили отвела взгляд.

Она не ожидала, что он окажется настолько наблюдательным. Тем более не ожидала услышать столь простое объяснение, в котором не было ни жалости, ни любопытства к чужим неприятностям.

Ей снова вспомнился Дэниел.

За весь вечер он ни разу не заметил, как тяжело ей даётся их притворство. Не поинтересовался, не устала ли она, не спросил, хочет ли остаться или предпочитает уехать домой.

А Рэй Блэквуд, которого она видела второй раз в жизни, сумел разглядеть её боль среди десятков чужих лиц.

Эмили не знала, что с этим делать.

Она осторожно взяла платок из его руки.

Шёлк оказался удивительно мягким и тёплым.

Эмили сжала ткань в кулаке, но вытирать глаза не стала. Ей не хотелось испортить такую красивую вещь.

— Вы знаете, что произошло там, в коридоре?

Эмили произнесла это негромко, по-прежнему разглядывая крыши соседних домов. Она не хотела обсуждать Дэниела, тем более с его старшим братом, но молчание постепенно становилось невыносимым. Рэй стоял рядом, ничего не спрашивал, не предлагал утешений, и от этого возникало желание рассказать ему всё.

— Догадываюсь.

В его голосе не прозвучало ни удивления, ни сочувствия. Он говорил спокойно, почти равнодушно, словно услышанное лишь подтвердило то, что он и без того подозревал.

Эмили почувствовала, как к горлу снова подступают слёзы.

Наверное, ей было бы легче, если бы Рэй начал расспрашивать, возмущаться или произносить привычные слова о том, что всё обязательно наладится. Она могла бы разозлиться, попросить оставить её в покое, спрятаться за раздражением.

Но он ничего подобного не делал.

И ей больше не хотелось притворяться.

— Мы не пара, — призналась она. — Это всё спектакль. Он попросил меня прийти и изображать его девушку, чтобы Ванесса ревновала. А я согласилась, потому что я...

Эмили замолчала.

Она могла бы придумать десяток объяснений. Сказать, что беспокоилась о состоянии Дэниела, хотела поддержать старого друга или просто не видела причин отказываться от приглашения.

Все эти объяснения были бы отчасти правдой.

Но главную причину она слишком хорошо знала, чтобы продолжать обманывать хотя бы себя.

— Потому что ты что? — спросил Рэй.

Эмили горько усмехнулась.

— Потому что я идиотка.

— Нет.

Он ответил настолько твёрдо, что она невольно повернулась.

Рэй смотрел прямо на неё. В полумраке его глаза казались почти прозрачными, и от этого внимательного, непривычно близкого взгляда у Эмили перехватило дыхание.

— Ты не идиотка, — произнёс он. — Ты сажаешь в машину незнакомца с ножевым ранением и обманываешь вооружённых людей, даже не моргнув глазом. Тогда ты пошла на риск. Быстро, но при этом вдумчиво. Идиотки так не делают. Идиотки визжат.

Эмили растерянно моргнула.

Меньше всего она ожидала, что суровый, совершенно неприветливый мужчина станет утешать её подобным образом. Он произнёс всё с такой серьёзностью, что она невольно представила себя в машине, под светом фонаря, с чужой бейсболкой в руках.

— Ничего такого я не сделала, — возразила она, чувствуя, как уголки губ предательски приподнимаются. — Просто надела бейсболку и поцеловала.

— И это был умный ход. Мы оба живы.

Эмили почти рассмеялась.

И тут же разозлилась на себя.

Ещё несколько минут назад ей казалось, что она никогда не сможет забыть слова Дэниела. А теперь стояла на холодном балконе, разговаривала с человеком, которого едва знала, и с трудом удерживалась от улыбки.

Самое странное, что Рэй, похоже, вовсе не пытался её развеселить.

Он просто говорил то, что думал.

Эмили опустила взгляд на шёлковый платок, который всё ещё сжимала в руке. Ткань немного помялась, но пользоваться ею она так и не решилась.

— Откуда вы знаете мою фамилию?

Рэй не стал делать вид, что не понимает вопроса.

— Полиция. Ты им позвонила.

— И вы меня проверили? Адрес, работу, личную жизнь? Что там ещё обычно выясняют люди, у которых есть «свои люди»?

В её голосе прозвучала насмешка, но вопрос был вполне серьёзным.

Эмили прекрасно понимала, что при желании он наверняка сумел бы узнать о ней гораздо больше, чем она хотела бы рассказывать постороннему человеку.

Однако Рэй даже не попытался уклониться от ответа.

— Нет.

Она подняла голову.

— Почему?

Он помолчал, разглядывая освещённые окна соседнего дома.

— Потому что ты не сказала полиции про машину.

Эмили нахмурилась.

Она действительно умолчала о нескольких минутах, которые незнакомец провёл рядом с ней. Не рассказала о его крови на пассажирском сиденье, о разговоре с преследователями и, разумеется, о поцелуе.

Тогда ей показалось, что это никому не нужные подробности. Она и без того сообщила всё, что могло помочь найти вооружённых мужчин. А объяснять полицейскому, почему позволила раненому человеку спрятаться в своей машине, совершенно не хотелось.

Но теперь, под внимательным взглядом Рэя, она впервые задумалась, не было ли у её молчания другой причины.

— Сама не знаю, почему не сказала, — призналась Эмили.

— Я тоже не знаю. Это бесит.

Она повернулась к нему с искренним удивлением.

— Вас вообще многое бесит, я смотрю.

— Почти всё.

Рэй произнёс это без тени улыбки, и Эмили неожиданно поверила, что он ничуть не преувеличивает.

Некоторое время они молчали.

Внизу тихо играла музыка, с террасы первого этажа доносились голоса гостей. Ветер шевелил листья плюща, заставляя их негромко шелестеть о каменную стену. Эмили постепенно перестала замечать холод, хотя открытые плечи уже покрылись мурашками.

Её гораздо сильнее занимал мужчина, стоявший рядом.

Она помнила рассказы матери о Рэе Блэквуде. Его дурную репутацию, недобрые намёки Селесты, собственные детские воспоминания о мрачном подростке, которого все предпочитали обходить стороной.

И всё же сейчас, оказавшись с ним наедине, Эмили не испытывала и капли страха.

— А вас не бесит, что вы стоите здесь с девушкой собственного брата? — спросила она.

Рэй медленно повернул голову.

— Ты только что сказала, что это спектакль.

— Не для тех, кто внизу.

— Мне всё равно, что думают те, кто внизу.

Ответ прозвучал так просто, что Эмили почувствовала внезапное раздражение.

Не на него даже, а на эту удивительную способность не зависеть от чужого мнения. Рэй произнёс несколько слов, которые для неё самой казались почти невозможными, и даже не задумался, насколько легко ему это удалось.

— А мне нет.

Она развернулась к нему всем корпусом.

— Мне не всё равно, Рэй. Я вообще всю жизнь думаю о том, что подумают другие. Не обижу ли кого-нибудь, не помешаю ли, не покажусь ли неблагодарной. Я постоянно стараюсь быть удобной, понимающей, хорошей. Даже, когда сама от этого страдаю.

Эмили говорила быстрее, чем собиралась. Слова, которые она годами не позволяла себе произносить даже в мыслях, теперь выходили наружу с пугающей лёгкостью.

— А ты стоишь рядом и говоришь: «Мне всё равно». Как будто достаточно просто решить, что чужие ожидания тебя больше не касаются, и всё изменится.

Она замолчала, почувствовав, как сильно бьётся сердце.

Только сейчас Эмили заметила, что незаметно перешла на «ты».

Странно. Ещё несколько минут назад она обращалась к нему с подчёркнутой вежливостью, стараясь сохранить хотя бы видимость дистанции. Теперь же произнесла его имя так естественно, словно знала этого человека много лет.

Рэй, кажется, тоже заметил перемену.

Уголок его рта едва заметно приподнялся, но он не стал комментировать её неожиданную откровенность.

— Это просто, — ответил он. — Попробуй.

Эмили хотела возразить.

Сказать, что ему легко рассуждать, потому что он привык получать желаемое, не оглядываясь на окружающих. Что люди бывают разными и не каждый способен одним решением перечеркнуть годы привязанности.

Но не успела.

Рэй сделал шаг к ней.

Всего один, неторопливый, даже небрежный. И всё же расстояние между ними сократилось настолько, что Эмили отчётливо почувствовала перемену.

Теперь она могла рассмотреть каждую черту его лица. Небольшую складку между тёмными бровями, едва заметную неровность на переносице, короткую щетину вдоль подбородка. Свет из гостиной падал на его скулу, оставляя другую половину лица в тени.

Он был красив.

Не той мягкой, располагающей красотой, которой обладал Дэниел. Во внешности Рэя не было ничего приветливого. Резкие черты, суровый взгляд, выражение человека, который не привык никому нравиться и совершенно не собирался начинать.

Но именно сейчас Эмили с неожиданной ясностью осознала, насколько сильно он её привлекает.

От этой мысли стало жарко.

Между ними оставалось совсем немного места. Сквозь прохладный воздух доносился едва уловимый аромат его одеколона — тёплый, древесный, с горьковатой нотой кожи. Тот же запах, который она запомнила в машине, только теперь к нему не примешивались сырость дождя и металлический запах крови.

Эмили невольно опустила взгляд на его губы.

Воспоминание о первом поцелуе возникло сразу, настолько живое, что она почти ощутила прежнее прикосновение.

Тогда она не успела ни испугаться собственного поступка, ни задуматься, хочет ли целовать этого мужчину. Всё произошло слишком быстро, среди опасности и отчаянной необходимости что-то предпринять.

Сейчас никто за ними не гнался.

Не было фонаря, скользящего по лобовому стеклу, вооружённых преследователей и необходимости притворяться.

Был лишь Рэй Блэквуд, стоявший настолько близко, что Эмили достаточно было слегка податься вперёд.

Он не прикоснулся к ней.

Не взял за руку, не попытался обнять, не наклонился навстречу. Просто смотрел, словно ждал.

Эмили вдруг поняла, что он делает.

Рэй оставил решение за ней.

Она могла отвернуться, отступить к двери, вернуться в гостиную. Он не стал бы удерживать её или требовать объяснений. В этом не возникало ни малейшего сомнения.

И именно эта свобода оказалась опаснее любого прикосновения.

Эмили всю жизнь позволяла другим определять, чего ей хотеть. Соглашалась, уступала, подстраивалась, надеясь, что однажды кто-нибудь оценит её преданность и выберет её сам.

Теперь перед ней стоял мужчина, который ничего не просил.

И впервые за долгое время она могла сделать что-то исключительно потому, что сама этого хочет.

Эмили медленно подняла глаза.

Она поняла, что могла уйти. Он бы её не остановил.

И, наверное, именно поэтому она осталась.

Эмили поднялась на цыпочки и поцеловала его.

Она не успела испугаться собственного решения. Ещё мгновение назад стояла перед Рэем, пытаясь разобраться в непривычном волнении, а теперь касалась его губ и чувствовала, как стремительно исчезают последние сомнения.

На этот раз ей не нужно было никого обманывать.

Не было вооружённых преследователей, дождя, стучавшего по крыше автомобиля, и страха, заставлявшего действовать быстрее, чем она успевала думать. Были только прохладный вечер, слабый свет из окон и мужчина, близости которого ей хотелось с такой неожиданной силой, что она перестала искать этому разумное объяснение.

Рэй ответил сразу.

Его ладонь легла ей на спину, притягивая ближе, и Эмили почувствовала, как сильно он сдерживался до этого мгновения. В поцелуе не осталось прежней осторожности. Он целовал

жадно, требовательно, с откровенным желанием, которое не пытался скрыть за вежливостью или красивыми жестами.

От неожиданной страсти у неё перехватило дыхание.

Эмили обняла его за плечи, позволив себе прижаться теснее. Пальцы скользнули под расстёгнутый пиджак, коснулись рубашки, и она ощутила тепло его тела сквозь тонкую ткань. Ей хотелось узнать, каково это — обнимать мужчину, который отвечает на её прикосновения с таким же желанием, не думая в этот момент ни о ком другом.

Рэй чуть изменил положение, и её ладонь случайно задела его левый бок.

Он резко втянул воздух.

Эмили мгновенно отстранилась.

— Больно?

Она совсем забыла о ранении. О швах, которые, должно быть, ещё не успели как следует затянуться, о крови на его рубашке и том, как осторожно он двигался, когда Адриан обнимал его в гостиной.

Рэй смотрел на неё потемневшими глазами. Дыхание ещё не восстановилось, а его ладонь по-прежнему лежала у неё на спине.

— Неважно.

— Важно.

Он несколько секунд разглядывал её лицо. В глазах появились озорные искорки.

— Тогда больно, — произнёс он, почти касаясь её губ своими. — Не останавливайся.

Эмили хотела возразить, но слова исчезли, едва он снова поцеловал её.

На этот раз она старалась не касаться повреждённого бока. Одну руку положила ему на плечо, другой осторожно обняла за шею, чувствуя под пальцами короткие волосы у затылка. Рэй ответил глубоким, продолжительным поцелуем, и Эмили невольно подалась навстречу.

Никогда прежде она не испытывала ничего подобного.

Поцелуи с другими мужчинами случались в её жизни, но неизменно оставляли после себя лёгкую неловкость или разочарование. Она сравнивала чужие прикосновения с тем, чего никогда не получала от Дэниела, и рано или поздно теряла интерес.

Сейчас ей совершенно не хотелось никого сравнивать.

Впервые за много лет мысли о Дэниеле отступили сами собой. Эмили не пыталась забыть его, не убеждала себя, что должна двигаться дальше. Она просто целовала Рэя Блэквуда и с удивлением обнаруживала, сколько удовольствия может заключаться в близости, которой хочется по собственной воле.

Где-то внизу хлопнула дверь.

Эмили вздрогнула и невольно прижалась к нему сильнее.

Рэй немедленно остановился.

Он немного отстранился, оставив между их лицами несколько сантиметров, и внимательно посмотрел ей в глаза. Его ладонь по-прежнему лежала на её спине, но прикосновение стало легче, почти невесомым.

В этом коротком молчании Эмили поняла, о чём он думает.

Он решил, что напугал её.

Мужчина, которого она считала опасным ещё при первой встрече, сейчас явно опасался причинить ей неудобство. Не произнося ни слова, Рэй ждал, пока она сама даст понять, хочет ли продолжения.

Эмили едва заметно покачала головой, а затем провела ладонью по его щеке.

Он ответил не сразу.

Несколько мгновений просто смотрел на неё. Потом снова наклонился.

Теперь он целовал её медленно.

Исчезла первоначальная жадность, уступив место внимательной, почти мучительной неторопливости. Его губы мягко касались её губ, задерживались, давали возможность ответить. Эмили чувствовала, как он прислушивается к каждому её движению, и от этого внимания становилось ещё труднее сохранять самообладание.

Нежность явно давалась Рэю непросто.

Он не был похож на мужчину, привыкшего шептать ласковые слова и осыпать женщину лёгкими поцелуями. Даже сейчас его плечи оставались напряжёнными, а пальцы, коснувшиеся её затылка, двигались с осторожностью, которая удивительно не сочеталась с суровой внешностью.

Но стоило Эмили замедлиться, как он тут же подстраивался под неё.

Когда она чуть отстранялась, чтобы перевести дыхание, не пытался удержать. Когда снова тянулась к нему, отвечал с такой непосредственной страстью, что у неё слабели колени.

И в какой-то момент Эмили перестала думать о том, что находится на чужом балконе, всего в нескольких шагах от гостиной, полной знакомых её матери, друзей Дэниела и самого Дэниела.

Она позволила себе обнять Рэя крепче, осторожно оберегая его раненый бок, и впервые за вечер почувствовала себя счастливой.

Пусть это счастье было совершенно безрассудным.

Когда они наконец разомкнули объятия, Эмили понадобилось несколько секунд, чтобы прийти в себя.

Она всё ещё стояла близко к Рэю, опираясь ладонью о его плечо. Губы горели после поцелуев, дыхание сбилось, а сердце продолжало биться так быстро, что ей казалось невозможным скрыть своё волнение.

Холодный воздух больше не беспокоил.

Рэй смотрел на неё сверху вниз.

Его лицо оставалось серьёзным, но в глазах появилось выражение, которого Эмили прежде не видела. Он словно пытался разобраться в происходящем и сам не вполне понимал, почему несколько минут близости с почти незнакомой женщиной сумели настолько выбить его из привычного равновесия.

От этого взгляда ей стало тепло.

Она вдруг подумала, что, возможно, не одна испытывает сейчас нечто неожиданное.

Что он тоже запомнил их первый поцелуй.

Что его появление на балконе было продиктовано не только любопытством или желанием выяснить, почему она плакала.

Эмили уже почти решилась улыбнуться, когда выражение лица Рэя изменилось.

Он отстранился, выпрямился и медленно убрал руку с её спины. Взгляд снова стал собранным, непроницаемым, а та нежность, которую она только что успела уловить, исчезла.

Будто он вдруг вспомнил, кто такой и как привык разговаривать с людьми.

— Поехали ко мне.

Эмили растерянно моргнула.

— Что?

— Машина у входа.

Он произнёс это спокойно, без смущения, словно предлагал совершенно очевидное продолжение вечера.

Эмили почувствовала, как внутри зарождается неприятное беспокойство.

Рэй между тем продолжил:

— Сразу договоримся. Я не встречаюсь, не звоню на следующий день и ничего не обещаю. Одна ночь. Утром водитель отвезёт тебя домой. Никто ничего не узнает. Дэниел тоже.

Эмили смотрела на него, не в силах поверить услышанному.

Ещё мгновение назад он целовал её с такой страстью, что она едва держалась на ногах. Ей казалось, что между ними происходит что-то особенное, пусть необъяснимое и совершенно неожиданное. Она не строила планов, не придумывала совместное будущее и уж точно не собиралась требовать признаний от мужчины, которого знала всего несколько дней.

Но ей хотелось хотя бы немного продлить это прекрасное чувство.

Поговорить с ним. Узнать, что скрывается за холодным взглядом и грубоватыми манерами. Возможно, услышать, что он тоже не ожидал их встречи и теперь рад, что она состоялась.

Вместо этого Рэй предложил ей провести с ним ночь.

Без продолжения.

А утром, надо полагать, его водитель доставит её домой, словно очередную гостью, которой больше нечего делать в хозяйской спальне.

Эмили почувствовала, как постепенно исчезает тепло, ещё недавно разливавшееся по всему телу.

Она понимала, что взрослые люди могут договариваться о близости без дальнейших отношений. И не видела ничего постыдного в таком выборе, когда оба действительно его хотят.

Но Рэй даже не спросил, чего хочет она.

Он просто изложил условия.

Так же спокойно и уверенно, как в ту ночь предложил деньги за испачканную машину.

Эмили отступила на шаг.

В памяти вдруг ожили события последних дней. Дэниел, пригласивший её на ужин ради Ванессы. Его указания в машине. Самодовольная улыбка, с которой он представлял её старшему брату. И наконец слова, услышанные за дверью библиотеки.

Она снова оказалась кому-то нужна лишь для определённой цели.

Одному — чтобы заставить ревновать другую женщину.

Другому — чтобы приятно провести ночь.

Ни тот ни другой, похоже, даже не задумывался о том, что у неё могут быть собственные чувства.

Особенно обидным было то, что ещё несколько минут назад Эмили сама позволила себе поверить в исключительность происходящего. Похоже, она действительно слишком неопытна.

Она подошла к Рэю первой. Поцеловала его, не ожидая ничего взамен, кроме ответного желания. И теперь чувствовала себя униженной сильнее, чем после разговора, подслушанного в библиотеке.

Рэй заметил перемену в её лице.

Он слегка нахмурился, собираясь что-то сказать, но Эмили уже почти не различала его выражения.

Внутри поднималась злость. Горячая, отчаянная, накопившаяся за долгие годы, когда она улыбалась сквозь слёзы, прощала обиды и позволяла другим распоряжаться собственной преданностью.

Она не успела обдумать движение.

Ладонь резко взметнулась, и по балкону разнёсся сухой, звонкий звук пощёчины.

Голова Рэя чуть повернулась в сторону.

Эмили замерла.

Несколько секунд она не могла поверить, что действительно ударила его.

Ладонь горела, пальцы покалывало, а сердце стучало так сильно, что заглушало звуки музыки, доносившейся снизу.

На скуле мужчины постепенно проступало красное пятно.

Рэй медленно повернулся к ней.

Он не попытался схватить её за руку, не приблизился и даже не выругался. Лишь смотрел с таким откровенным изумлением, что Эмили на мгновение вспомнила его лицо в машине, когда она неожиданно натянула ему на голову бейсболку.

Похоже, подобного ответа он не ожидал.

Его молчание пугало больше любой вспышки гнева.

Эмили не знала, что он сделает дальше. Этот мужчина был значительно выше и сильнее её, а рассказы о его характере не располагали к уверенности в благополучном исходе ссоры. Но отступать она не собиралась.

— Я не одноразовая, — произнесла она, чувствуя, как дрожит голос. — Ни для него, ни для тебя.

Слова прозвучали тише, чем ей хотелось, но она не стала повторять их громче.

Рэй не ответил.

Он смотрел на неё уже без прежнего изумления. На лице вновь появилось суровое выражение, однако в глазах всё ещё оставалось что-то, чего Эмили не умела понять.

Она не собиралась выяснять, что именно.

Разжав пальцы, Эмили обнаружила, что до сих пор держит его шёлковый платок. Ткань успела окончательно смяться, пока она стискивала её в руке.

Эмили решительно вложила платок ему в ладонь, и Рэй машинально сжал пальцы.

Ей хотелось уйти немедленно, пока она ещё способна держаться прямо и говорить без слёз. Вернуться домой, снять красивое платье, смыть макияж и больше никогда не вспоминать этот вечер.

Но едва она сделала шаг к двери, та внезапно распахнулась.

— Эм?

Эмили обернулась.

На пороге стоял Дэниел.

Галстук у него сбился набок, волосы были растрёпаны, а на лице застыло выражение человека, вынужденного заниматься неприятными поисками. Он остановился, увидев её рядом с братом, и растерянно перевёл взгляд с одного на другого.

— Я тебя везде ищу. Что здесь происходит?

Глава 9. Не приближайся к нему

Узкий балкон, ещё минуту назад казавшийся Эмили единственным местом во всём особняке, где можно было спокойно вздохнуть, с появлением Дэниела окончательно утратил своё преимущество. Теперь здесь не хватало пространства даже для того, чтобы отступить в сторону и избавиться от неприятного ощущения, будто её загнали в угол.

Дэниел остановился на пороге, заслонив собой большую часть дверного проёма. Яркий свет коридора падал ему на спину, оставляя лицо в полутени, зато прекрасно освещал небрежно ослабленный галстук и след помады на белоснежном воротнике рубашки. Судя по тому, с каким негодованием он переводил взгляд с Эмили на старшего брата, а затем на шёлковый платок в его руке, о собственном внешнем виде Дэниел совершенно не задумывался.

Это обстоятельство показалось ей особенно оскорбительным: человек, который совсем недавно целовался с другой женщиной, явился сюда требовать объяснений с таким видом, словно застал свою законную супругу за изменой.

— Я спросил, что здесь происходит, — процедил Дэниел.

— Ничего, что касалось бы тебя, — отозвался Рэй, даже не потрудившись придать голосу хотя бы подобие заинтересованности.

— Вообще-то это моя девушка.

— Нет.

Произнесённое с невозмутимым спокойствием слово застало младшего брата врасплох. Дэниел явно рассчитывал на перепалку, обвинения или хотя бы необходимость отстаивать свои права, однако Рэй отказал ему даже в этом удовольствии. По тому, как напряглись плечи Дэниела, Эмили догадалась, что подобная манера общения была ему хорошо знакома и раздражала куда сильнее откровенной грубости.

— Ты не будешь со мной так разговаривать! — возмутился он, делая шаг через порог. — Ты появляешься раз в несколько лет, ведёшь себя так, будто все вокруг тебе что-то должны, а теперь я нахожу тебя на балконе с…

— Иди вниз, Дэниел, — перебил Рэй, не дав ему закончить.

— Не смей разговаривать со мной, как со своими шестёрками!

— Со своими людьми я разговариваю вежливее.

Эмили едва удержалась от совершенно неуместной улыбки, хотя происходящее не располагало к веселью. Дэниел окончательно потерял самообладание и подался вперёд, словно намеревался вытеснить брата с балкона. Рэй, напротив, остался на прежнем месте, расслабленно опустив плечи и сохраняя такое выражение лица, будто младший брат всего лишь мешал ему закончить скучный телефонный разговор.

Он слегка повернул голову, и свет из коридора скользнул по его скуле, выхватив из полумрака отчётливое красное пятно.

Дэниел заметил его почти одновременно с Эмили. На несколько мгновений злость уступила место искреннему изумлению, а затем на лице младшего брата появилось выражение человека, обнаружившего нечто настолько невероятное, что он не сразу смог подобрать слова.

— Это ещё что такое? — спросил он, уставившись на покрасневшую скулу.

— Заслужил.

У Эмили потяжелело в груди. Меньше всего ей хотелось, чтобы Дэниел начал выяснять происхождение этого следа, особенно сейчас, когда она и без того с трудом удерживала собственные чувства под контролем.

Двое взрослых мужчин стояли друг напротив друга и спорили о ней с той возмутительной уверенностью, с какой могли бы обсуждать право собственности на фамильную недвижимость.

При этом ни одному, похоже, не пришло в голову поинтересоваться, что думает сама женщина, из-за которой разгорелся конфликт.

Особенно неприятным было то, что ещё недавно она считала Дэниела другом. После услышанного возле библиотеки даже воспоминания о нём приобрели неприятный привкус.

— Хватит, — вмешалась Эмили, повысив голос ровно настолько, чтобы оба мужчины обратили на неё внимание.

Дождавшись, пока братья замолчат, она выпрямилась и отпустила край клатча, который всё это время судорожно сжимала пальцами.

— Прекратите обсуждать меня так, будто я здесь исключительно для украшения интерьера.

Она повернулась к младшему из братьев, заставив себя выдержать его взгляд. Ещё несколько минут назад Эмили собиралась дождаться конца вечера, уехать домой и на следующий день спокойно сообщить Дэниелу, что больше не желает участвовать в его спектакле. Однако сейчас, глядя на след чужой помады возле воротника, поняла, что не намерена тратить ни минуты на сохранение его достоинства.

— Я была возле библиотеки примерно десять минут назад, Дэниел. Слышала ваш разговор с Ванессой и прекрасно поняла, ради чего ты на самом деле привёл меня сюда.

Перемена в его лице оказалась мгновенной. Раздражение исчезло, губы приоткрылись, а щёки заметно побледнели даже в тусклом освещении. Впервые за весь вечер Дэниел выглядел человеком, который не знает, как выкрутиться из неприятного положения, и Эмили испытала неожиданное удовлетворение оттого, что ему наконец стало неловко.

— Эм, послушай, это совсем не то, что ты…

— Именно то, — оборвала она, не позволив ему прибегнуть к привычному обаянию. — Ты попросил меня притвориться твоей девушкой, чтобы заставить Ванессу ревновать. Я согласилась, потому что считала тебя другом и думала, что оказываю небольшую услугу. Но теперь спектакль окончен, и, если тебе по-прежнему хочется кого-нибудь впечатлять, придётся искать другую актрису.

Произнести всё это в присутствии Рэя оказалось гораздо труднее, чем она ожидала. Эмили прекрасно понимала, насколько жалко могла выглядеть со стороны девушка, которая добровольно согласилась изображать возлюбленную мужчины, мечтавшего вернуть другую. Однако оставить недосказанность означало дать Дэниелу возможность впоследствии вывернуть события в удобную для себя сторону, а такого удовольствия она ему доставлять не собиралась.

Младший брат открыл рот, собираясь возразить, но, вероятно, впервые за долгое время не нашёл подходящего оправдания.

Рэй за всё это время не произнёс ни слова. Эмили даже не заметила, когда он убрал шёлковый платок, зато увидела, как мужчина достал из внутреннего кармана пиджака визитную карточку и положил её на широкую каменную поверхность балюстрады, совсем рядом с её рукой.

— Насчёт перчатки, — негромко произнёс он, обращаясь исключительно к ней. — Здесь номер моего офиса. Если захочешь вернуть, свяжись с секретарём, она всё организует. Не храни у себя возможную улику.

В его тоне не было ни намёка на желание задержаться или воспользоваться неловкостью происходящего. Рэй не стал предлагать помощь, высказываться о поведении брата или напоминать об их собственном разговоре, хотя Эмили почему-то ожидала хотя бы одной язвительной реплики. Вместо этого он на мгновение задержал на ней взгляд, словно хотел убедиться, что она услышала его слова, после чего направился к выходу.

Дэниел неохотно посторонился. Места на балконе было так мало, что Рэй мог бы запросто задеть его плечом, однако каким-то образом сумел пройти мимо, даже не коснувшись брата.

Через несколько секунд дверь закрылась, отрезав их от коридора, и Эмили обнаружила, что невольно смотрит на то место, где только что стоял мужчина.

Её внимание привлекла оставленная визитка. Плотный тёмно-серый картон с едва заметной фактурой, лаконично напечатанное имя и телефонный номер без указания должности, названия компании или каких-либо других сведений.

Эмили провела большим пальцем по краю карточки и спрятала её в клатч раньше, чем успела разобраться, почему вообще решила сохранить номер. В конце концов, речь шла о перчатке. И она действительно могла оказаться уликой. Этим разумным объяснением Эмили предпочла ограничиться, хотя память предательски подсовывала ей совсем другие подробности недавнего разговора.

— Какая ещё перчатка? — недоверчиво поинтересовался Дэниел.

— Отвези меня домой, Дэниел, — попросила она, не собираясь ничего объяснять.

Первые десять минут поездки прошли в напряжённом молчании. Свою машину Дэниел после шампанского оставил у Стерлингов и теперь сидел рядом на заднем сиденье такси, отвернувшись к окну, за которым тянулись освещённые витрины магазинов и мокрые фасады дорогих домов. Дождь, начавшийся ещё во время приёма, оставил на асфальте блестящую плёнку, и огни проезжавших автомобилей растекались по Парк-авеню длинными красными и золотистыми полосами. В салоне пахло кожей и лёгким цитрусовым ароматизатором, а негромкое радио было единственным звуком, нарушавшим тишину.

Эмили устроилась ближе к противоположной двери и рассеянно наблюдала за ночным городом. Теперь, когда необходимость сохранять спокойное выражение лица перед гостями осталась позади, на смену злости постепенно приходила усталость.

Однако мысли то и дело возвращались к балкону, к красному следу на скуле Рэя и его спокойному признанию, произнесённому без попытки оправдаться. Особенно настойчиво вспоминалось, как легко он оставил её наедине с братом, не потребовав ничего взамен за проявленное внимание. Эмили раздражало, что после столь неприятного вечера она вообще продолжает думать об этом человеке, да ещё и пытается понять причины его поступков.

— Он тебя трогал? — неожиданно спросил Дэниел, так и не повернув головы.

Эмили медленно посмотрела на него. Она ожидала извинений, возможно, попытки объяснить разговор с Ванессой или хотя бы признания в том, что он поставил её в неловкое положение. Вместо этого Дэниел интересовался поведением собственного брата, причём вопрос прозвучал с таким раздражением, словно речь шла о вещи, которой кто-то воспользовался без разрешения владельца.

— Тебя действительно только это беспокоит? — поинтересовалась она, чувствуя, как снова начинает закипать злость. — После всего, что произошло сегодня вечером?

Дэниел наконец повернулся к ней, но почти сразу отвёл глаза, не выдержав её взгляда. Он провёл ладонью по лицу, поморщился и нервно поправил галстук, так и не заметив следа помады, который теперь казался Эмили почти издевательской деталью его дорогого костюма.

— Просто волнуюсь за тебя. Ты его совершенно не знаешь, — ответил Дэниел после короткой паузы.

— Тогда расскажи.

Он ухватился за возможность поговорить о брате с заметным облегчением.

Эмили отвернулась к окну и решила выслушать всё, что Дэниел пожелает рассказать. После сегодняшнего вечера ей уже не хотелось принимать на веру ни одно его слово, но узнать, почему упоминание старшего брата вызывает у него такую смесь злости, обиды и плохо скрываемого беспокойства, было неожиданно любопытно.

— Он – опасный человек, Эм, и я сейчас совершенно серьёзно, — произнёс Дэниел. Он по-прежнему сидел вполоборота, наблюдая за проносившимися мимо огнями, но теперь в его голосе слышалось нечто большее, чем обычная взволнованность. — Он с детства был

агрессивным. Чуть что, сразу кидался в драку. В восемнадцать лет сломал руку однокласснику. Представляешь? Посреди учебного дня, практически без причины. А потом ушёл из дома, даже не потрудившись попрощаться с матерью, хотя она столько для него сделала. Возила по врачам, не спала ночами, пыталась помочь, когда с ним никто не мог справиться. Позже он получил доступ к своей доле наследства и окончательно исчез из нашей жизни.

Эмили слушала, рассеянно водя пальцем по металлической застёжке клатча. Слова Дэниела звучали убедительно ровно до того момента, пока она не пыталась представить за ними реального человека. Рэй Блэквуд, которого она успела узнать за этот странный вечер, вполне мог сломать кому-нибудь руку, особенно если тот основательно его разозлил. Впрочем, почему-то ей с трудом верилось, что он сделал бы это без причины. Возможно, дело заключалось в его пугающем спокойствии, а может, в том, как внимательно он следил за каждым её движением на балконе, несмотря на собственную грубоватую манеру общения.

— А откуда у него взялась доля наследства? — поинтересовалась она.

— От отца, разумеется. Какой-то трастовый фонд, я не особенно вникал в подробности. — Дэниел досадливо поморщился, словно вопрос уводил разговор в совершенно ненужную сторону. — Да какая разница, откуда взялись деньги? Дело совсем не в этом. Ты вообще представляешь, чем он сейчас занимается?

— Пока только немного слышала от матери, но ты можешь меня просветить.

— Ночные клубы, казино, какие-то сомнительные заведения, в которые приличные люди предпочитают не заглядывать. Мама говорит, там творятся такие вещи, что лучше даже не знать подробностей. Женщин он меняет едва ли не каждую неделю, ни с кем не поддерживает нормальных отношений и вообще не подпускает людей близко. У него даже друзей толком нет, кроме этого Стерлинга, с которым он постоянно таскается. Мама считает, что после той истории у него так и остались серьёзные проблемы с головой.

Последние слова заставили Эмили насторожиться. До сих пор Дэниел говорил с уверенностью человека, который много лет повторял одни и те же обвинения, однако теперь в его голосе появилось замешательство.

— После какой истории?

Он оторвался от окна и посмотрел на неё, но ответил не сразу. Несколько секунд Дэниел разглаживал большим пальцем складку на брюках, словно пытался решить, насколько далеко готов зайти в своих откровениях.

— Мне тогда было десять, поэтому подробностей я не знаю. Взрослые вообще старались ничего при мне не обсуждать. Помню только, что Рэй куда-то пропал почти на месяц, а когда вернулся, его было не узнать. Он перестал разговаривать, целыми днями сидел у себя и иногда кричал по ночам так, что я просыпался в соседней комнате. — Дэниел нахмурился, погрузившись в воспоминания. — Мама объяснила, что с ним произошло что-то ужасное в Канаде, после чего он заболел и стал ещё ненормальнее. Она велела держаться от него подальше, особенно когда у него плохое настроение. Я, естественно, слушался. С психом связываться себе дороже.

Эмили внимательнее присмотрелась к сидевшему рядом мужчине. Свет уличных фонарей скользил по его лицу, то выхватывая из полумрака знакомые черты, то снова погружая их в тень. Ей вдруг представился десятилетний мальчик, который просыпается среди ночи от чужого крика, пугается, а утром получает от матери указание не приближаться к старшему брату. Вероятно, в таком возрасте подобного объяснения действительно хватило бы, чтобы на долгие годы уверовать в опасность человека, живущего за соседней дверью.

Но Дэниелу уже исполнилось двадцать девять, и продолжать смотреть на брата глазами перепуганного ребёнка казалось ей по меньшей мере странным.

— Когда ты в последний раз нормально разговаривал с Рэем? — спросила она.

— Два года назад, на поминальной службе по отцу.

— И сколько длился ваш разговор? Больше пяти минут?

Дэниел отвернулся, явно не желая отвечать, однако его заминка оказалась красноречивее любых объяснений. Эмили дала ему несколько секунд, после чего задала следующий вопрос:

— А до этого когда вы общались?

— Эм, я не понимаю, какое это имеет отношение к тому, что пытаюсь тебе объяснить.

— Самое непосредственное. Ты уже десять минут рассказываешь мне, какой у тебя плохой брат, хотя, судя по всему, за последние двадцать лет почти с ним не разговаривал. Всё, что ты о нём знаешь, ты слышал от матери, а собственного мнения даже не пытался составить.

— Потому что мама знает его гораздо лучше тебя, — громко возразил Дэниел.

— Наверняка, — согласилась Эмили, не испытывая ни малейшего желания продолжать спор.

Она снова повернулась к окну, за которым мокрая Парк-авеню постепенно уступала место более тихим улицам. Версия Дэниела не выходила из головы, хотя чем дольше Эмили её обдумывала, тем больше вопросов возникало. Месячное исчезновение, ночные крики, врачи, внезапный отъезд из дома… Всё это могло оказаться правдой, но почему никто не объяснил младшему брату, что именно произошло? И почему даже теперь, спустя столько лет, Дэниел не знал ничего, кроме того, что когда-то услышал от матери?

В памяти возникло лицо Рэя, освещённое узкой полосой света на балконе. Красное пятно на скуле, которое он даже не попытался скрыть, и спокойное признание, что пощёчину заслужил. Эмили вспомнила, как мужчина остановился в шаге от неё, предоставляя возможность самой решить, сокращать ли расстояние, и как отступил, едва заметив её колебание. В его поведении было достаточно наглости, чтобы вызвать возмущение, однако она не увидела той бесконтрольной агрессии, о которой с такой убеждённостью рассказывал Дэниел.

Впрочем, стоило вспомнить предложение провести вместе одну ночь, после которой водитель отвёз бы её домой, как щёки предательски потеплели. Рэй произнёс это с такой деловитой прямотой, словно обсуждал условия обычной сделки, и Эмили до сих пор не могла решить, что оскорбило её сильнее: сам факт подобного предложения или уверенность, с которой он, по всей видимости, ожидал её согласия.

Она раздражённо поправила выбившуюся прядь и заставила себя сосредоточиться на дороге. Разбираться в противоречивом характере Рэя Блэквуда не входило в её ближайшие планы, особенно после того, как знакомство с его младшим братом уже доставило достаточно неприятностей.

Когда такси остановилось возле её подъезда, Дэниел наконец повернулся к ней. За время поездки его самоуверенность заметно поубавилась, и теперь он выглядел человеком, которому предстоит крайне неприятный разговор.

— Эм, послушай… Насчёт того, что ты услышала возле библиотеки, я хотел бы объясниться.

Эмили уже взялась за ручку двери и на мгновение задержалась, услышав непривычно тихий голос. Ещё утром она, вероятно, согласилась бы его выслушать, попыталась понять, почему он не рассказал всей правды, и наверняка нашла бы способ оправдать хотя бы часть произошедшего. Однако сейчас у неё не осталось ни сил, ни желания облегчать ему совесть.

— Не сегодня, Дэниел. Я очень устала.

Она вышла из машины, аккуратно закрыла за собой дверь и направилась к подъезду, не оборачиваясь, хотя прекрасно чувствовала, что он продолжает смотреть ей вслед.

* * *

— Подожди, я хочу убедиться, что правильно тебя поняла, — произнесла Тесса, медленно опуская чашку с капучино на блюдце. — Ты дала пощёчину Рэю Блэквуду?

Эмили вздохнула, предчувствуя, что разговор, который начинался вполне невинно, скоро превратится в полноценный допрос. Они сидели в своём любимом маленьком кафе неподалёку

от студии, куда по воскресеньям неизменно приходили за вафлями и возможностью спокойно обсудить события прошедшей недели. Обычно Тесса рассказывала о собственных приключениях гораздо больше, чем её подруга, однако сегодня привычное распределение ролей оказалось нарушено.

— Да, Тесс, именно это я и сделала.

— Тому самому Рэю Блэквуду, который владеет чуть ли не половиной ночного Нью-Йорка? Причём после того, как успела с ним поцеловаться?

Тесса смотрела на неё с таким неподдельным изумлением, словно Эмили только что призналась, что за выходные переписала целый игровой движок на ассемблере исключительно ради развлечения. Подобная реакция была вполне объяснима: обычно самым безрассудным поступком Эмили становилась покупка очередного дорогого компьютерного устройства, без которого она вполне могла обойтись.

— Для начала, никакой половиной Нью-Йорка он не владеет, — поправила она, старательно делая вид, что обсуждение чужой недвижимости увлекает её гораздо сильнее обстоятельств поцелуя. — У него тридцать два клуба в одиннадцати городах, и вообще сфера его интересов не ограничивается ночными заведениями.

Тесса медленно откинулась на спинку стула. На её лице появилось выражение человека, которому только что совершенно случайно сообщили исключительно интересную подробность.

— Ты гуглила информацию о нём, — протянула она с явным удовольствием. — Эмили Беннет, которая принципиально не интересуется чужой личной жизнью, потратила свободное время на изучение биографии Рэя Блэквуда.

— Мне хотелось знать, кому предстоит возвращать перчатку, — невозмутимо объяснила Эмили и потянулась за вилкой.

Перед ней стояла тарелка с вафлей, украшенной ягодами и щедрой порцией взбитых сливок. Обычно воскресный завтрак доставлял ей настоящее удовольствие, но теперь она с преувеличенной сосредоточенностью разрезала мягкое тесто, надеясь, что Тесса хотя бы на минуту отвлечётся от столь увлекательной темы.

Надежда оказалась напрасной.

— Речь идёт о той самой перчатке, которую ты уже полторы недели бережно хранишь в ящике с нижним бельём?

— Со свитерами, — машинально поправила Эмили. — Зря я вообще рассказала тебе всю эту историю.

— Да я и не против быть соучастницей. Как раз хотела попробовать написать эротический любовный роман.

Эмили подняла глаза и встретилась с откровенно насмешливым взглядом подруги. Тесса подперла подбородок кулаком, явно наслаждаясь происходящим, и теперь разглядывала её с любопытством исследователя, которому наконец удалось обнаружить редчайший экземпляр в естественной среде обитания.

— Хочу задать тебе всего один вопрос, — предупредила она, подавшись ближе. — Только обещай ответить честно, без твоих любимых попыток всё рационализировать. Ты его действительно презираешь?

Вопрос заставил Эмили задуматься. Она могла бы без труда перечислить причины, по которым Рэй Блэквуд совершенно ей не нравился, начиная с его невыносимой самоуверенности и заканчивая сомнительными представлениями о том, как следует общаться с женщинами. Проблема заключалась в том, что ни один из этих доводов не объяснял, отчего она до сих пор помнит тембр его голоса и ощущение тёплой ладони у себя на талии.

— Тесс, этот человек предложил мне провести с ним ночь, после которой собирался отправить домой на машине с водителем, словно я заказ из ресторана, который нужно вовремя доставить по адресу.

— Я прекрасно помню эту часть истории, но ты так и не ответила на вопрос.

— По-моему, я выразилась достаточно определённо.

— Тогда объясни, почему каждый раз, когда ты произносишь его имя, у тебя на лице появляется загадочная улыбка Моны Лизы?

— Никакой улыбки у меня нет, — возразила Эмили, искренне возмущённая подобным обвинением.

— Прямо сейчас есть.

Она непроизвольно коснулась губ кончиками пальцев, будто действительно могла таким способом обнаружить и немедленно устранить предательское выражение лица. Тесса рассмеялась, а Эмили, осознав нелепость собственного жеста, раздражённо опустила руку.

Ей вовсе не нравился Рэй Блэквуд. По крайней мере, она не собиралась признавать такую возможность после встречи, закончившейся столь неоднозначно. Просто всё произошедшее было до смешного абсурдным: чужая перчатка, бейсболка Дэниела, поцелуй, который должен был стать частью притворства, и другой, к которому ни одно из заранее придуманных объяснений уже не подходило.

Особенно раздражало то, что второй поцелуй никак не удавалось списать на обстоятельства. Эмили достаточно хорошо помнила собственное желание остаться рядом и не могла убедить себя, будто Рэй воспользовался её растерянностью.

Но воспоминания всё равно упрямо возвращались к балкону. Причём чаще всего она думала даже не о поцелуе, а о той странной паузе, когда Рэй остановился совсем близко и терпеливо ждал, предоставляя ей возможность самой решить, что произойдёт дальше.

— Знаешь, что я тебе посоветую? — Тесса наконец оставила в покое свою чашку и взялась за вилку. — Позвони ему, договорись о встрече и верни эту несчастную перчатку. Заодно посмотришь ему в глаза при дневном свете и поймёшь, действительно ли он настолько ужасен. А если снова скажет какую-нибудь гадость, просто врежешь ему ещё раз. Судя по рассказу, у тебя прекрасно получается.

Эмили покачала головой, хотя мысль о встрече уже не казалась ей такой возмутительной, как должна была.

В среду, ровно в одиннадцать утра, она наконец решилась позвонить по номеру с визитной карточки. Предварительно потратила несколько минут на бессмысленные размышления о том, сколько времени должно пройти после подобного знакомства, чтобы звонок не выглядел ни поспешным, ни чересчур многозначительным. В результате пришла к выводу, что несколько дней — вполне приличный срок для возвращения забытой вещи, после чего набрала номер, пока не успела придумать очередную причину отложить разговор.

Ответила женщина с приятным, хорошо поставленным голосом, представившаяся Норой. Она выслушала Эмили с безупречной вежливостью, однако та почти сразу заметила странную особенность разговора: секретарь совершенно не удивилась ни её имени, ни причине звонка.

Более того, мистер Блэквуд, как выяснилось, заранее предупредил о возможном обращении мисс Беннет и выразил готовность встретиться в любое удобное для неё время. Место также предлагалось выбрать самостоятельно, причём Нора сообщила об этом с таким спокойствием, словно подобные распоряжения являлись обычной частью её рабочего дня.

Эмили предложила встретиться в четверг около часа дня у библиотеки рядом с Брайант-парком. Выбор показался ей вполне разумным: людное место, множество прохожих, знакомые скамейки и любимая кофейная тележка неподалёку.

Нора без возражений записала предложенные условия, подтвердила встречу и попрощалась, так и не задав ни одного лишнего вопроса.

Когда разговор закончился, Эмили некоторое время разглядывала потухший экран телефона, пытаясь понять, почему неожиданная лёгкость, с которой удалось договориться, оставила после себя смутное беспокойство. Вероятно, всё дело было в том, что Рэй, судя по словам секретаря, действительно ожидал её звонка, хотя при расставании на балконе ничем этого не показал.

Четверг выдался ясным, но холодным. Накануне вечером город ещё поливал дождь, зато к полудню небо очистилось, и солнечный свет отражался от высоких окон зданий, придавая Манхэттену почти обманчиво приветливый вид. В Брайант-парке гуляли люди, возле кофейных тележек выстраивались небольшие очереди, а первые жёлтые листья шуршали под ногами прохожих.

Эмили приехала на десять минут раньше назначенного времени, решив, что лучше немного подождать на свежем воздухе, чем появляться в последнюю секунду и давать повод для замечаний. Перчатку она предусмотрительно положила в плотный бумажный конверт, который теперь держала в руке, осматривая скамейки возле библиотеки.

Рэй уже ждал её.

Он сидел немного в стороне от оживлённой дорожки, одетый в тёмное пальто без шарфа, хотя ветер был достаточно холодным. Высокую фигуру трудно было не заметить даже среди прохожих, однако дело заключалось не только в росте. Рэй обладал той особенной неподвижностью, которая заставляла окружающее движение казаться излишне суетливым. Он смотрел на желтеющие кроны деревьев с таким сосредоточенным и слегка недовольным выражением, будто перед ним лежал квартальный финансовый отчёт, полный ошибок, которые кому-то непременно придётся исправлять.

Чуть поодаль, возле газетного киоска, стоял крепко сложенный коротко стриженный мужчина в тёмной одежде. На первый взгляд он ничем не отличался от остальных прохожих, если не считать полного отсутствия интереса к окружающим товарам. Мужчина не рассматривал газеты, не пользовался телефоном и, казалось, вообще не собирался никуда идти, хотя периодически обводил взглядом дорожки парка. Эмили почти сразу решила, что это один из тех самых людей Рэя, о которых ей уже доводилось слышать.

Сам Блэквуд заметил её приближение ещё до того, как она подошла к скамейке. Он поднялся навстречу, спокойно расправил полы пальто и ограничился коротким приветственным кивком, не пытаясь ни обнять её, ни воспользоваться возможностью прикоснуться.

Эмили задержала взгляд на его лице. Красное пятно на скуле, которое она оставила во время их последней встречи, успело бесследно исчезнуть, и теперь ничто не напоминало о пощёчине, кроме её собственных воспоминаний. При дневном освещении Рэй выглядел несколько иначе, чем в полумраке балкона: резкие черты лица казались ещё выразительнее, а внимательный взгляд не становился мягче даже в окружении мирного городского пейзажа.

Рядом с ним на скамейке лежал плотный бумажный пакет без надписей. Заметив, что Эмили обратила на него внимание, Рэй взял пакет и протянул ей одновременно с тем, как она протянула приготовленный конверт.

— Твоя перчатка, — произнесла Эмили, стараясь, чтобы голос звучал как можно непринуждённее.

— А это принадлежит твоему приятелю, — отозвался он, передавая ей пакет.

Заглянув внутрь, Эмили обнаружила знакомую бейсболку Дэниела с выцветшей эмблемой и размытыми буквами на козырьке. Она прекрасно помнила, в каком состоянии видела её в последний раз, поэтому с удивлением отметила, что ткань теперь выглядела чистой, а сама вещь была аккуратно сложена.

— Ты отдавал её в химчистку? — поинтересовалась она, не сумев скрыть изумления.

— На ней была кровь, — объяснил Рэй с таким видом, будто ничего необычного в подобной предусмотрительности не находил.

Эмили снова заглянула в пакет, пытаясь решить, стоит ли смеяться. Ей казалось невероятно забавным, что человек, способный без малейшего смущения предложить незнакомой женщине провести с ним ночь, одновременно проявлял почти педантичную заботу о чужой вещи.

Некоторое время они стояли друг напротив друга, пока вокруг продолжалась привычная жизнь города. Мимо пробежала женщина с маленькой собакой на поводке, неподалёку кто-то громко выяснял отношения по телефону на испанском, а от кофейной тележки доносился аромат свежемолотых зёрен.

Эмили вдруг обнаружила, что совершенно не представляет, о чём следует говорить дальше. Формальный повод для встречи исчерпал себя, и самым разумным решением было бы поблагодарить Рэя, попрощаться и вернуться к делам.

Она уже собиралась так и поступить, когда мужчина неожиданно заговорил:

— Насчёт нашего разговора на балконе, Эмили… Я сказал тебе оскорбительную вещь, прекрасно понимая, как она прозвучит.

Рэй смотрел куда-то поверх её плеча, в сторону внушительного фасада библиотеки, однако по выражению его лица было ясно, что он тщательно подбирает слова. Эмили замерла, не желая перебивать, хотя подобное начало совершенно не соответствовало её ожиданиям.

— У меня дурная привычка говорить подобные вещи прямо, особенно когда не хочу, чтобы кто-то неправильно понял мои намерения, — продолжил он после небольшой паузы. — Обычно это избавляет от лишних разговоров и ожиданий, но в твоём случае я повёл себя неподобающе. Объяснение, разумеется, не делает мой поступок менее оскорбительным.

Он наконец посмотрел на неё, и Эмили почувствовала, что смущается сильнее, чем во время самого предложения.

— Я прошу прощения. Больше подобного не повторится.

Она пыталась осмыслить услышанное. За свою жизнь Эмили доводилось принимать немало извинений, в том числе от людей, которые начинали с признания собственной ошибки, а заканчивали подробным объяснением того, почему виноватой в действительности оказалась она сама. Дэниел, например, мог часами убеждать собеседника, что действовал исключительно из лучших побуждений, и к концу разговора тот почти неизменно начинал испытывать угрызения совести за собственную обиду.

Рэй же не предложил ни одного оправдания, не попытался сослаться на обстоятельства или её поведение и даже не стал просить о понимании. Он просто признал, что поступил отвратительно, и, судя по всему, считал вопрос исчерпанным.

— Ты извиняешься так, словно зачитываешь официальный пресс-релиз, — заметила Эмили, прежде чем успела решить, насколько уместна подобная шутка.

— У меня немного практики, — признался он без малейшего смущения.

— В извинениях или в публичных выступлениях?

На этот раз уголок его рта дрогнул, и Эмили захотелось увидеть полноценную улыбку, чтобы узнать, насколько сильно она изменила бы это суровое лицо.

— И в том, и в другом, — ответил Рэй.

Её губы сами собой начали распываться в ответной улыбке, и она сразу одёрнула себя. После столь необычного обмена любезностями ситуация перестала казаться напряжённой, и Эмили приготовилась к следующему, как ей представлялось, совершенно неизбежному шагу.

Наверняка теперь он предложит поужинать вместе, выпить кофе или хотя бы немного прогуляться по парку. Возможно, напомнит об их поцелуе, сделает очередное возмутительное замечание, которое ей придётся решительно пресечь. Эмили даже успела мысленно подобрать

несколько достаточно холодных, но не слишком грубых ответов, чтобы одновременно сохранить достоинство и не выглядеть обиженной школьницей.

Однако Рэй, похоже, совершенно не собирался развивать знакомство.

Он спокойно застегнул пальто, проверив, что все пуговицы находятся на своих местах, после чего ещё раз посмотрел на Эмили. В этом взгляде не было мужского интереса.

— Береги себя, Эмили.

Прежде чем она успела придумать подходящий ответ, Рэй развернулся и направился к выходу из парка. Мужчина возле газетного киоска почти сразу оставил свой наблюдательный пункт и последовал за ним, сохраняя достаточное расстояние, чтобы не привлекать лишнего внимания, но и не выпускать работодателя из виду.

Эмили осталась возле скамейки, держа бумажный пакет с бейсболкой Дэниела, и некоторое время провожала удалявшуюся фигуру взглядом. Она ожидала, что встреча окажется гораздо сложнее, а вместо этого получила вежливое извинение, возвращённую вещь и неожиданно короткое прощание.

Самым неприятным открытием стало то, что она испытывала разочарование.

Эмили прекрасно понимала всю нелепость подобной реакции. Ещё утром она убеждала себя, что согласилась на встречу исключительно ради возвращения перчатки, а по дороге в парк мысленно репетировала отказ на случай очередного сомнительного предложения. Теперь же, когда Рэй не позволил себе ни единой вольности и повёл себя именно так, как следовало бы порядочному человеку, ей почему-то хотелось догнать его и спросить, неужели это всё.

Она нервно поправила ремешок сумки, пытаясь избавиться от неуместной досады. В конце концов, мужчина извинился за оскорбление, вернул бейсболку и ушёл, не пытаясь воспользоваться её вниманием. Именно такого поведения Эмили от него и требовала, поэтому отсутствие приглашения на ужин не должно было вызывать никаких вопросов.

И всё же она так тщательно готовилась отказать Рэю Блэквуду, что теперь совершенно не представляла, куда девать собственный невысказанный отказ.

К вечеру Эмили почти удалось убедить себя, что встреча в Брайант-парке не заслуживает дальнейших размышлений. Она вернулась домой, переоделась в удобную одежду, приготовила чай и устроилась за компьютером, намереваясь наконец разобраться с участком кода, который откладывала последние несколько дней.

Работа обычно помогала ей привести мысли в порядок. В программировании, в отличие от человеческих отношений, большинство проблем имело вполне определённые причины, а ошибки можно было обнаружить, проанализировать и исправить, не пытаясь догадаться, что кто-то имел в виду на самом деле. Эмили нравилась эта предсказуемость, особенно в те дни, когда окружающие люди демонстрировали удивительную способность превращать простейшие ситуации в запутанные эмоциональные головоломки.

Но сегодня привычный способ отвлечься работал из рук вон плохо. Она уже несколько раз возвращалась к одной и той же строке, перечитывала собственные комментарии и обнаруживала, что вместо логики программы снова думает о мужчине в тёмном пальто.

Чай давно остыл, за окном постепенно темнело, а Эмили всё ещё сидела перед монитором, когда лежавший рядом телефон коротко завибрировал.

Сообщение было от Дэниела.

«Я знаю, что облажался, Эм. Правда знаю. Дай мне возможность всё исправить. Может, встретимся в пятницу? Ничего особенного, просто посидим где-нибудь, поговорим. Я позвоню тебе завтра».

Она прочитала сообщение дважды, ожидая обнаружить хотя бы намёк на настоящее объяснение случившегося. Дэниел признавал, что поступил неправильно, однако по-прежнему не говорил, в чём именно заключалась его ошибка, и словно рассчитывал, что достаточно будет

пригласить её куда-нибудь, проявить немного привычного обаяния, после чего всё вернётся на свои места.

Эмили отложила телефон, не собираясь отвечать немедленно. Но мысль о том, что Дэниел снова начнёт оправдываться, объяснять мотивы своего поведения и просить отнестись к нему с пониманием, вызывала такую усталость, что она решила пока ничего не предпринимать.

Спустя примерно полчаса экран телефона снова загорелся.

«Ты ведь не с ним сегодня, правда?»

Эмили долго смотрела на короткую фразу, чувствуя, как остатки сочувствия к Дэниелу постепенно уступают место раздражению. Даже теперь, когда у него наконец появилась возможность честно поговорить о собственной лжи, он предпочитал беспокоиться о том, не проводит ли она время с его старшим братом. Причём вопрос был сформулирован так, словно Эмили обязана отчитываться о своих встречах, хотя никаких настоящих отношений между ними никогда не существовало.

Она перевернула телефон экраном вниз и отодвинула подальше от клавиатуры, решив, что сегодня больше не станет участвовать в чужих драмах.

Возле входной двери, на небольшой полке, по-прежнему стоял бумажный пакет с бейсболкой, которую Рэй так предусмотрительно велел почистить. Эмили собиралась убрать его ещё днём, однако почему-то оставила на виду и теперь время от времени невольно поглядывала в ту сторону.

Наверное, следовало написать Дэниелу, что его вещь нашлась, и договориться, как вернуть. Это было бы логично, удобно и позволило бы окончательно закрыть хотя бы одну из многочисленных странных историй последних недель.

Но вместо этого она поймала себя на мысли, что пытается вспомнить, как именно дрогнул уголок рта Рэя, когда она пошутила насчёт его извинений.

Глава 10. Одеться как неприятности

Дэниел позвонил в пятницу ровно в восемь утра, когда Эмили стояла в очереди небольшой кофейни, без особого интереса разглядывая выставленные за стеклом круассаны и пытаясь окончательно проснуться. Телефон завибрировал в кармане пальто как раз в тот момент, когда бариста принимал заказ у девушки перед ней.

Увидев на экране знакомое имя, Эмили громко вздохнула, однако после недолгого колебания всё-таки ответила. Она ожидала привычного бодрого приветствия, за которым последует очередная попытка превратить неприятный разговор в безобидную шутку, но Дэниел заговорил совершенно другим тоном.

Голос звучал непривычно собранно, с едва заметной хрипотцой, а слова были настолько тщательно подобраны, что у неё возникло подозрение: последние несколько часов он провёл, репетируя предстоящий разговор.

— Я не прошу тебя немедленно меня простить, Эм, — начал он, даже не поздоровавшись. — Я понимаю, что на балконе и вообще во всей этой истории вёл себя как последний… В общем, ты поняла. Я действительно облажался и не собираюсь делать вид, будто ничего не произошло. Мой терапевт говорит, что извинения ничего не стоят, если за ними не следуют поступки. Поэтому я хочу хотя бы попытаться всё исправить.

Эмили машинально сделала шаг вперёд вместе с очередью, не сразу найдя подходящий ответ. Услышать от Дэниела признание собственной неправоты было уже достаточно неожиданно, а упоминание терапевта окончательно сбило её с толку.

— И каким образом ты собираешься это сделать? — поинтересовалась она, стараясь не вкладывать в вопрос ни насмешки, ни прежней обиды.

— Для начала хочу пригласить тебя куда-нибудь. Завтра открывается новый клуб в Митпэкинге, «Обсидиан». Один мой коллега внёс меня в список гостей, так что с входом проблем не будет. Можем просто посидеть, выпить чего-нибудь, потанцевать, как раньше. Я соскучился по тому времени, когда мы могли нормально проводить время вместе, Эм. Мне хочется, чтобы мы снова стали друзьями.

Последнюю фразу он произнёс почти неуверенно, и именно эта робость заставила Эмили прислушаться внимательнее. За годы знакомства Дэниел успел продемонстрировать ей самые разные стороны своего характера, но искреннее желание признать ошибку и приложить усилия к её исправлению встречалось среди них нечасто.

Получив наконец кофе, она поблагодарила бариста и отошла к большому окну, возле которого можно было разговаривать, не мешая остальным посетителям. За стеклом спешили на работу прохожие, кто-то торопливо ловил такси, а у входа курьер пытался удержать велосипед, одновременно разговаривая по телефону. Эмили обхватила бумажный стакан обеими ладонями, наслаждаясь теплом, и позволила Дэниелу продолжить.

Оказалось, что он действительно начал регулярно ходить к терапевту по вторникам, а заодно решил хотя бы на месяц отказаться от алкоголя, поскольку специалист посоветовал ему пересмотреть некоторые привычки. Кроме того, Дэниел увлёкся утренними пробежками вдоль Ист-Ривер и с присущей ему драматичностью сообщил, что уже дважды едва не расстался с жизнью, пытаясь преодолеть третью милю.

Эмили рассмеялась, представив его в дорогих беговых кроссовках, возмущённо проклинающего собственное решение заняться спортом.

Слушать об этих переменах было приятно. Она никогда не желала Дэниелу зла, несмотря на всю боль, которую он ей причинил, и искренне надеялась, что работа над собой принесёт ему пользу.

Эта мысль успела показаться ей вполне разумной, прежде чем Дэниел снова заговорил:

— Кстати, ты знала, что они собираются на Мальдивы? В медовый месяц, представляешь? Я вчера увидел у Ванессы в сторис. Самое смешное, что она всегда терпеть не могла пляжный отдых и говорила, что скорее умрёт от скуки, чем проведёт неделю на каком-нибудь острове. А теперь, значит, Мальдивы.

Эмили медленно прикрыла глаза, чувствуя, как только что появившаяся надежда на осмысленный разговор начинает таять. В этом и заключалась главная проблема Дэниела: он мог сколько угодно рассуждать о переменах, но стоило разговору зайти чуть дальше привычных тем, как всё неизменно возвращалось к Ванессе.

— Дэниел, — остановила она его, прежде чем он успел перейти к подробному анализу чужих свадебных планов.

— Что?

— У меня будет одно условие, если я соглашусь пойти с тобой завтра. Никакой Ванессы. Ни единого разговора о ней, никаких попыток высмотреть её среди гостей и никаких проверок сторис. Если выяснится, что она там будет, я немедленно уйду. И на этот раз ты меня не остановишь.

— Эм, да с чего ты вообще взяла, что она туда придёт? — удивился Дэниел. — Это совершенно не её место. Она терпеть не может клубы, где толпа и музыка гремит так, что невозможно разговаривать.

— Насколько я помню, пляжный отдых она тоже терпеть не могла, — напомнила Эмили, выразительно приподняв брови, хотя собеседник не мог этого видеть.

На другом конце линии воцарилась короткая пауза, после которой Дэниел рассмеялся. Смех получился немного неловким, зато в нём впервые за долгое время не чувствовалось попытки уйти от неприятной темы с помощью обаяния.

— Ладно, признаю, заслужил. Никакой Ванессы, обещаю. Мы просто проведём хороший вечер, как раньше, и больше никаких глупостей.

Эмили посмотрела на собственное отражение в оконном стекле. За время их знакомства Дэниел раздал столько обещаний, что ими вполне можно было заполнить толстую тетрадь. Причём большая часть страниц наверняка оказалась бы посвящена причинам, по которым выполнить обещанное не удалось.

И всё-таки отказывать ему сейчас казалось неправильным. Он хотя бы пытался что-то изменить, а она слишком долго считала его другом, чтобы окончательно поставить крест на их отношениях после одного серьёзного конфликта.

— Хорошо, но ненадолго, — согласилась Эмили, сделав осторожный глоток кофе. — Пару часов, не больше. И я действительно уйду, если пойму, что снова оказалась частью какого-нибудь твоего тупого плана.

Дэниел заверил её, что никаких скрытых намерений у него нет, после чего ещё несколько раз поблагодарил за согласие.

Закончив разговор, Эмили убрала телефон в карман и направилась к выходу из кофейни, мысленно напоминая себе, что завтрашний вечер будет всего лишь встречей со старым другом. Ни романтических ожиданий, ни обязательств, ни необходимости соответствовать чужим представлениям об идеальной спутнице.

— Нет, Эм, только не это. Ужас какой-то, — категорично заявила Тесса, разглядывая платье, которое подруга предусмотрительно принесла с собой.

Квартира Тессы в Гринпойнте к тому моменту уже напоминала поле боя после особенно ожесточённого сражения с гардеробом. На кровати громоздились джинсы, юбки и несколько блузок, с кресла свисали ремни, а на полу возле распахнутого шкафа лежала внушительная гора одежды, отвергнутой по самым разнообразным причинам.

Сама хозяйка расположилась среди этого беспорядка с видом человека, который твёрдо намерен довести начатое до победного конца, даже если ради этого придётся перемерить всё содержимое квартиры.

Эмили сидела рядом, прислонившись спиной к кровати, и с сомнением наблюдала, как Тесса держит перед собой её тёмно-синее платье. Оно было одним из любимых: красивый глубокий оттенок, приятная ткань, аккуратный вырез и длина, позволявшая чувствовать себя комфортно практически в любой ситуации. Именно поэтому Эмили и выбрала его, рассчитывая избежать многочасовых сборов.

— Объясни, пожалуйста, что с ним не так? — поинтересовалась она. — Оно хорошее, удобное.

— Оно красивое, да, но исключительно для предсвадебного ужина в старинном особняке, где со стен на тебя смотрят портреты давно умерших аристократов в париках. А ты собираешься в ночной клуб, причём далеко не самый скромный. Если явишься туда в этом платье, охрана решит, что ты чья-нибудь адвокатесса, которую срочно вызвали вызволять клиента из неприятностей.

Эмили собиралась возразить, что адвокаты тоже имеют полное право отдыхать по субботам, однако Тесса уже отложила вешалку и принялась рыться в глубине шкафа.

Оттуда доносились шорох ткани, стук падающих плечиков и периодические ругательства, которыми подруга сопровождала поиски особенно упрямых вещей. Наконец раздалось победное восклицание, и Тесса выбралась обратно, держа перед собой платье, при виде которого Эмили мгновенно пожалела, что вообще согласилась на эту затею.

Оно было чёрным, коротким, с тонкими бретелями и мягко облегающим силуэтом, который не оставлял практически никаких возможностей спрятаться за складками ткани. Однако самым возмутительным элементом оказался вырез на спине, заканчивавшийся значительно ниже той границы, которую Эмили привыкла считать допустимой для одежды, предназначенной для выхода в свет.

— О-у, нет. Я это не надену, — предупредила она, наблюдая, как Тесса довольно прикладывает находку к её фигуре.

— Наденешь.

— Тесс, у этого платья практически отсутствует… М-м-м… Тут слишком мало ткани. Я вообще не понимаю, за счёт чего оно должно держаться.

— Перестань, Эми. У тебя такая роскошная фигура, что было бы преступлением продолжать прятать её под всеми этими приличными тряпками.

Спорить с Тессой, когда та входила в подобный раж, было бесполезно. Эмили убедилась в этом ещё несколько лет назад, когда обычный поход за зимними ботинками закончился покупкой красного пальто, которое она первоначально даже не собиралась примерять.

Поэтому теперь, решив доказать несостоятельность предложения на практике, она забрала платье и отправилась переодеваться, заранее приготовив целый список причин, по которым подобный наряд ей категорически не подходит.

Однако, оказавшись перед большим зеркалом в прихожей, Эмили обнаружила, что все заготовленные возражения куда-то исчезли.

Чёрная ткань мягко облегала фигуру, подчёркивая талию и открывая ноги ровно настолько, чтобы силуэт выглядел дерзким, но не вульгарным. Тонкие бретели оставляли открытыми плечи и ключицы, а вырез на спине, который ещё несколько минут назад представлялся ей совершенно неприличным, неожиданно оказался главной особенностью платья.

Оно не нуждалось ни в сложных украшениях, ни в дополнительных деталях, поскольку его простота сама по себе привлекала внимание.

Эмили медленно повернулась боком, затем посмотрела на отражение через плечо, пытаясь определить, не слишком ли открытой кажется спина. Волосы скользнули по обнажённой

коже, вызвав лёгкую щекотку, и она машинально убрала их на одно плечо, обнаружив, что так платье выглядит ещё эффектнее.

В зеркале стояла девушка, которая была ей одновременно знакома и удивительно непривычна.

Эмили понравилось собственное отражение. Понравилось, как плавно ткань повторяла линии тела, как открытые плечи делали осанку изящнее и как смелость наряда заставляла иначе держаться.

В этом платье она больше не выглядела занудой, мечтающей поскорее вернуться к компьютеру. Перед зеркалом стояла красивая молодая женщина, которая вполне могла прийти в дорогой клуб исключительно ради собственного удовольствия и не беспокоиться о том, какое впечатление произведёт на окружающих.

Эта мысль одновременно смущала и радовала. Эмили вдруг поняла, как давно не выбирала одежду просто потому, что хотела понравиться самой себе, а не соответствовать обстоятельствам, чужим ожиданиям или собственному представлению о том, что ей положено носить.

— Ну что, я могу торжественно объявить о своей победе? — поинтересовалась Тесса, появляясь в дверях.

Эмили ещё раз оглядела отражение, тщетно пытаясь придумать убедительный аргумент против платья, а затем с преувеличенной серьёзностью кивнула.

— Допустим, у этого варианта имеются определённые практические преимущества. Например, открытая спина обеспечивает естественную вентиляцию, что особенно актуально для помещений с большим скоплением людей. В ночных клубах обычно довольно жарко.

— Разумеется, — с невозмутимым видом согласилась Тесса. — Именно вентиляция и была главным критерием моего выбора. Как хорошо, что мы наконец друг друга поняли.

Выбирая обувь, они остановились на чёрных босоножках с тонкими ремешками вокруг щиколоток. Они принадлежали Тессе, были на полразмера меньше необходимого и выглядели настолько изящными, что Эмили с сомнением повертела одну босоножку в руках, пытаясь понять, каким образом несколько тонких полосок кожи способны удерживать человека в вертикальном положении.

— Не переживай, через час ноги онемеют, и ты вообще перестанешь чувствовать каблуки, — бодро заверила подруга, помогая застегнуть ремешок.

— Потрясающе утешительная перспектива. Особенно радует возможность потерять чувствительность конечностей ещё до полуночи.

— Я же хороший друг, — невинно отозвалась Тесса. — Всегда стараюсь подготовить тебя к возможным трудностям.

Эмили рассмеялась и снова подошла к зеркалу, на этот раз уже в полностью собранном наряде.

Босоножки действительно оказались идеальным дополнением к платью, удлиняя ноги и придавая походке женственную плавность. Ей пришлось несколько раз пройтись по прихожей, чтобы привыкнуть к каблукам, зато теперь даже Тесса не смогла бы найти ни единого повода для замечаний.

Разглядывая собственное отражение, Эмили поймала себя на мысли, не имевшей никакого отношения ни к платью, ни к обуви, ни даже к предстоящему вечеру.

Впервые за долгое время она собиралась куда-то, не задумываясь о том, как будет выглядеть рядом с Дэниелом.

В прошлую субботу всё было иначе: тогда даже её внешность служила частью чужой затеи.

Теперь же Эмили больше не желала подстраиваться под чужие представления о том, какой ей следует быть.

Ей нравилось это платье, собственная фигура и ощущение лёгкой дерзости, которое появлялось вместе с непривычно открытой спиной. И если кому-нибудь в «Обсидиане» не понравится её внешний вид или манера держаться, это не должно её волновать.

Сегодня она хотела получить удовольствие от вечера, не пытаясь заслужить чьё-либо одобрение.

Эмили осторожно поправила бретельку, ещё раз посмотрела на отражение и улыбнулась. Мысль о том, что она больше не собирается становиться декорацией в чужой истории, принесла облегчение.

Тесса, до этого молча наблюдавшая за подругой, опустилась на пол среди разбросанных вещей. Привычное озорство исчезло с её лица, уступив место мягкому, почти задумчивому выражению.

— Знаешь, Эм, ты правда очень красивая.

Эмили обернулась, собираясь отшутиться, но передумала. Вместо этого ещё раз взглянула в зеркало и поймала себя на том, что полностью согласна с подругой.

Дэниел приехал в половине одиннадцатого, как и обещал.

Эмили заметила его машину ещё из окна, однако не стала дожидаться звонка и самостоятельно спустилась вниз, прихватив маленькую сумочку и накинув на плечи пальто.

Вечерний воздух оказался прохладнее, чем она рассчитывала. Пока закрывала за собой дверь подъезда, Эмили успела пожалеть, что выбрала настолько открытый наряд. Впрочем, идти предстояло всего несколько метров, а настроение было слишком хорошим, чтобы обращать внимание на подобные мелочи.

Дэниел как раз вышел из машины и собирался направиться к подъезду, когда заметил её на верхней ступеньке. Он остановился настолько резко, словно перед ним возникла невидимая преграда, и несколько секунд просто смотрел, совершенно забыв о намерении подойти поздороваться.

Эмили невольно замедлила шаг.

Он выглядел так, будто увидел совершенно незнакомую женщину и пытался сообразить, каким образом она оказалась на месте той самой Эмили Беннет, которую он знал уже много лет.

Его взгляд медленно скользнул по открытым плечам, тонким бретелям и облегающему силуэту платья, задержался на босоножках, после чего снова вернулся к её лицу. В этом внимательном, откровенно мужском разглядывании было нечто настолько непривычное, что Эмили слегка смутилась, хотя одновременно испытала вполне заслуженное удовольствие от произведённого впечатления.

Она спустилась по оставшимся ступенькам, остановилась перед ним и вопросительно приподняла брови, ожидая, когда Дэниел наконец вспомнит о существовании человеческой речи.

— Эм… — произнёс он, медленно выдохнув и всё ещё не сводя с неё глаз. — Ты… Когда ты успела стать такой?

— Всегда такой была. Просто ты не замечал.

Эмили сказала это с лёгкой улыбкой, без намерения упрекнуть или поставить его в неловкое положение, однако по растерянному лицу поняла, что попала в точку.

Дэниел негромко рассмеялся, всё ещё разглядывая её с пристальным вниманием, словно пытался определить, насколько серьёзно следует воспринимать услышанное. Затем, опомнившись, поспешил открыть пассажирскую дверь и придержал её, пока Эмили устраивалась на сиденье.

Подобная предупредительность была для него обычным делом, но сейчас даже в этом привычном жесте чувствовалось что-то новое. Будто он внезапно вспомнил, что рядом с ним находится привлекательная женщина, а не приятельница, с которой можно без церемоний обсуждать очередную неудачу в личной жизни.

По дороге на Манхэттен Дэниел несколько раз украдкой поглядывал на неё, пользуясь остановками на светофорах. Эмили замечала это боковым зрением, но не подавала виду, продолжая наблюдать за вечерним городом.

Ей было приятно его внимание, однако собственное равнодушие удивляло: ещё полгода назад подобные взгляды сделали бы её безоговорочно счастливой.

Иногда Эмили казалось, что она способна целую неделю жить одним-единственным его взглядом, точно ребёнок, которому на празднике подарили воздушный шарик и который теперь боится разжать пальцы, чтобы тот не улетел.

Но сейчас всё было иначе.

Она по-прежнему находила Дэниела привлекательным, ей нравилось его общество, а произведённое впечатление приятно согревало самолюбие. Однако прежнего восторга не возникало. Вместо него осталось спокойное удовлетворение женщины, которая знает, что хорошо выглядит, и рада получить этому подтверждение.

Не прошло и десяти минут, как Эмили перестала думать о реакции Дэниела. Её внимание переключилось на огни за окном и приближающиеся очертания Манхэттена.

Тем временем он старательно поддерживал разговор, расспрашивая о работе, а затем с заметным воодушевлением принялся рассказывать о новых беговых кроссовках, которые приобрёл после консультации со специалистом.

Эмили добросовестно выслушала подробности выбора подошвы, амортизации и каких-то невероятных технологий, благодаря которым обычная пробежка, по заверениям продавца, должна была превратиться едва ли не в полёт. Она даже пошутила, что за такие деньги кроссовки могли бы самостоятельно преодолевать последние полмили, когда у владельца окончательно заканчиваются силы.

Дэниел рассмеялся, однако вскоре снова замолчал.

Некоторое время они ехали под негромкую музыку, пока машина не выбралась на мост, откуда открывался великолепный вид на освещённые небоскрёбы.

Эмили любовалась отражениями огней в тёмной воде, когда он заговорил, не отрывая взгляда от дороги:

— Кстати, я узнал, что свадьба будет в «Плазе». Они забронировали бальный зал почти на двести гостей. Ванесса всегда говорила, что терпеть не может пафосные торжества, а теперь собирается устраивать чуть ли не королевский приём.

Эмили повернула голову.

Ей понадобилось несколько секунд, чтобы убедиться, что Дэниел действительно нарушил обещание, данное только вчера утром.

— Дэниел, — произнесла она, вложив в его имя всё предупреждение, которое считала необходимым.

— Что? — Он бросил на неё короткий взгляд, полный такого невинного недоумения, что Эмили нахмурилась. — Я ведь просто рассказываю.

— Ты обещал, что сегодня мы не будем говорить о Ванессе.

— Эм, перестань, мы же ещё даже не приехали в клуб. — Дэниел улыбнулся той самой обезоруживающей улыбкой, с помощью которой привык выпутываться из самых неудобных ситуаций. — Технически вечер ещё не начался, так что это не считается.

Эмили посмотрела на него, ожидая, что он хотя бы сам поймёт нелепость подобного оправдания, но Дэниел уже снова сосредоточился на дороге, явно считая вопрос закрытым.

Она могла бы возразить, напомнить о собственном условии и объяснить, что обещания не начинают действовать исключительно после пересечения порога ночного клуба. Однако перспектива провести остаток пути за очередным выяснением отношений совершенно не привлекала.

Вместо этого Эмили отвернулась к окну.

Она ехала отдыхать, и если Дэниел действительно хотел вернуть их дружбу, ему придётся научиться выполнять хотя бы самые простые договорённости без попыток отыскать в них лазейки.

«Обсидиан» располагался на Гансворт-стрит, в бывшем промышленном здании, где когда-то хранили мясо.

Снаружи ничто не указывало на то, что за массивными кирпичными стенами скрывается одно из самых обсуждаемых новых заведений города. У входа возвышалась тяжёлая чёрная дверь со стальной отделкой, возле которой стояли двое охранников в строгих тёмных костюмах, а вдоль фасада тянулась очередь нарядно одетых посетителей.

Люди переговаривались, сверялись с телефонами, поправляли причёски и периодически бросали нетерпеливые взгляды на вход. Охранники же наблюдали за происходящим с невозмутимостью людей, которых невозможно удивить ни чужой известностью, ни дорогими украшениями.

Коллега Дэниела, очевидно, обладал необходимыми связями. Стоило назвать фамилию, как один из сотрудников сверился со списком, коротко кивнул и пропустил их внутрь, не задавая дополнительных вопросов.

Эмили заметила несколько завистливых взглядов со стороны ожидающих и испытала удовлетворение оттого, что хотя бы вопрос с входом разрешился без приключений.

Однако стоило им пройти через двери, как она совершенно забыла об очереди и охране.

Первое впечатление оказалось ошеломляющим.

Она ожидала увидеть типичный модный клуб с оглушительной музыкой, дорогим баром и толпой людей, которые предпочитают танцевать в такой темноте, чтобы никто не мог определить, насколько хорошо у них это получается.

Здесь действительно были и музыка, и толпа, и полумрак, но всё пространство оказалось организовано с такой точностью, что Эмили остановилась, не в силах сразу оторвать взгляд от интерьера.

Особенно её поразила работа со светом.

Вместо ярко освещённого холла посетителей встречал длинный узкий коридор с низким потолком и почти чёрными стенами, вдоль которых тянулась тонкая полоса тёплого света.

Она мягко обозначала направление движения, не раскрывая пространства впереди, и заставляла инстинктивно следовать за собой. Эмили вспомнила, как подобным образом направляют внимание игрока в тщательно продуманном игровом окружении: никаких навязчивых указателей, только свет, цвет и почти незаметные подсказки, которым человек подчиняется, даже не задумываясь.

В конце коридора потолок резко поднимался, и перед посетителями открывался огромный главный зал.

Контраст производил сильное впечатление. Эмили на мгновение застыла, разглядывая уходящие вверх металлические конструкции, многоуровневое освещение и широкий танцпол, вокруг которого двигалась плотная масса людей.

Холодные белые и синие лучи пересекали зал под разными углами, временами выхватывая из темноты отдельные фигуры, а затем вновь растворяя их в пульсирующем полумраке.

Вдоль правой стены располагался длинный бар, залитый мягким янтарным светом, который резко выделялся на фоне холодной подсветки танцпола. Даже отсюда было понятно, что именно туда потянутся люди, уставшие от громкой музыки и непрерывного движения.

Выше, почти под потолком, проходила галерея, ограждённая тёмными стеклянными панелями. Оттуда, вероятно, открывался великолепный вид на весь зал, однако рассмотреть находившихся наверху посетителей снизу было невозможно.

К отдельной лестнице, ведущей на галерею, допускали не всех: возле входа стоял охранник, внимательно проверявший каждого, кто собирался подняться.

Эмили медленно обвела взглядом пространство, мысленно разбирая его на составляющие.

Неизвестный дизайнер обладал не только отличным вкусом, но и удивительным пониманием того, как человек воспринимает архитектуру и движение. Пространство буквально управляло посетителями, незаметно подсказывая, куда идти, где задержаться и в какой момент позволить себе расслабиться.

По своей логике клуб напоминал превосходно спроектированный игровой уровень: узкая точка входа, постепенное нарастание напряжения, внезапно открывающаяся большая арена, безопасная зона для восстановления сил и недоступная большинству комната босса наверху.

Даже отдельная лестница с охранником выглядела элементом продуманного сценария, обещающим нечто особенное тем, кто сумеет получить доступ.

— Эм, ты чего застыла? — Дэниел наклонился к её уху, стараясь перекричать музыку.

— Посмотри, как здесь сделано освещение! — с искренним восхищением ответила она, указав на едва заметные световые линии вдоль стены. — Это потрясающая работа. Видишь, как тебя буквально ведут через пространство, хотя никаких указателей нет?

Дэниел проследил за её жестом, после чего рассмеялся и покачал головой.

— Ты серьёзно разглядываешь лампочки? Эмили, мы в ночном клубе, здесь вообще-то принято смотреть на людей.

— На людей я могу смотреть каждый день, а настолько грамотный левел-дизайн в реальной жизни встречаю нечасто, — парировала она, не отрывая взгляда от галереи.

— И чего я удивляюсь? У тебя же в голове вместо обычных мыслей работает какой-то сложный компьютер, — заявил Дэниел, но тут же взял её за руку и потянул в сторону танцпола. — Пойдём, пока ты не начала составлять техническое задание для реконструкции помещения.

Эмили позволила увлечь себя, посмеиваясь над его замечанием, и вскоре они оказались среди танцующих, где музыка была настолько громкой, что разговаривать практически не имело смысла.

Басовые удары ощущались всем телом, отдаваясь в грудной клетке и заставляя вибрировать пол под ногами. Свет непрерывно менялся, окрашивая лица вокруг то в холодный синий, то в ослепительно-белый, а иногда полностью погружая танцпол в темноту на несколько мгновений перед очередной вспышкой.

Поначалу Эмили чувствовала себя немного скованно, опасаясь наступить кому-нибудь на ногу или потерять равновесие в одолженных босоножках, однако вскоре музыка захватила её настолько, что она перестала следить за каждым движением.

Дэниел, как выяснилось, за прошедшие годы совершенно не улучшил свои танцевальные способности. Он двигался с огромным энтузиазмом, но с таким поразительным отсутствием чувства ритма, что Эмили не могла удержаться от смеха.

Временами он старательно изображал какие-то сложные движения руками, совершенно не совпадавшие с музыкой, и это живо напоминало ей студенческие вечеринки, на которых он изображал робота под любые композиции, включая самые медленные романтические баллады.

В колледже они могли веселиться часами, не заботясь о том, насколько нелепо выглядят со стороны, и сейчас Эмили почувствовала, как к ней возвращается та самая беззаботная лёгкость, ради которой она и согласилась приехать.

Когда Дэниел попытался закружить её, тонкий каблук предательски скользнул по полу, и Эмили едва не потеряла равновесие. Он успел подхватить её за талию, прежде чем она окончательно завалилась в сторону, после чего оба расхохотались так искренне, что на мгновение забыли обо всём произошедшем за последние недели.

— Тесса предупреждала, что эти босоножки меня убьют! — прокричала Эмили, цепляясь за его плечо.

— Передай Тессе, что я героически спас тебе жизнь! — отозвался Дэниел, осторожно возвращая её в устойчивое положение.

Она рассмеялась ещё сильнее и продолжила танцевать, чувствуя, как остатки напряжения постепенно растворяются в музыке.

Возможно, они действительно сумеют вернуть прежнюю дружбу, если перестанут усложнять отношения чужими любовными историями и снова научатся просто получать удовольствие от общества друг друга.

Некоторое время всё именно так и происходило.

А затем Дэниел остановился.

Сначала Эмили решила, что он устал или собирается предложить передохнуть у бара. Она даже успела повернуться в сторону ближайшего прохода, прежде чем заметила, что Дэниел больше не обращает на неё внимания.

Его взгляд был устремлён куда-то поверх голов танцующих, а лицо постепенно приобретало напряжённое выражение, которое она уже видела раньше и теперь узнавала безошибочно.

Эмили проследила за направлением его взгляда.

У дальней стены располагались полукруглые кабинки с мягкими сиденьями, отделённые от основного зала невысокими перегородками. Каждая была подсвечена собственным цветом, и в одной из них, окружённой приглушённым пурпурным сиянием, сидела Ванесса.

Сегодня на ней не было серебристого платья, которое Эмили так хорошо запомнила по прошлой субботе. Вместо него Ванесса выбрала чёрный наряд, оставив волосы распущенными по плечам. Она выглядела расслабленной и беззаботной, оживлённо разговаривая с мужчиной, устроившимся рядом с ней на диване.

Эмили сразу заметила, что этот мужчина не Адриан.

Незнакомец был темноволосым, с расстёгнутым воротом рубашки и непринуждённой манерой держаться, выдававшей человека, который чувствует себя в подобных заведениях как дома.

Он сидел достаточно близко к Ванессе, чтобы их колени соприкасались, а одна рука свободно лежала у неё на бедре. В какой-то момент мужчина наклонился к её уху, что-то произнёс, и Ванесса громко рассмеялась, запрокинув голову.

Эмили перевела взгляд на Дэниела и сразу же поняла, что сейчас произойдёт.

— Дэниел, — позвала она, стараясь привлечь его внимание.

Он никак не отреагировал, продолжая смотреть на кабинку с такой напряжённостью, словно окружающая толпа перестала для него существовать. Эмили приблизилась и коснулась его предплечья, вынуждая хотя бы на секунду отвлечься.

— Дэниел, посмотри на меня. Ты ведь обещал, помнишь?

Его лицо изменилось настолько резко, что она невольно отступила на полшага. Улыбка исчезла, челюсти напряглись, а в глазах появилось выражение, которого она не видела даже в приёмном отделении, когда обстоятельства, казалось бы, вполне оправдывали подобную реакцию.

Теперь же причиной этого состояния оказалась женщина, которая собиралась выйти замуж за другого и совершенно не подозревала, что за ней наблюдают с противоположного конца зала.

— Подожди меня у бара, — бросил Дэниел, почти не глядя на Эмили. — Мне нужно кое-что выяснить. Буквально пять минут, и я вернусь.

Ещё недавно они смеялись, танцевали и чувствовали себя так свободно, словно все недавние неприятности остались позади. Теперь Дэниел одним предложением перечеркнул весь вечер, даже не потрудившись объяснить, почему считает возможным снова оставить её ради Ванессы.

— Ты обещал мне, — напомнила она, стараясь говорить достаточно громко, чтобы он расслышал её сквозь музыку. — Дэниел, если ты сейчас туда пойдёшь, я не стану тебя ждать.

Но он уже развернулся в сторону дальней стены, не сводя глаз с пурпурной кабинки.

— Пять минут, Эм, — повторил он на ходу. — Просто подожди меня пять минут.

— Дэниел!

Эмили попыталась остановить его, однако тот уже пробирался через танцпол, бесцеремонно расталкивая людей, попадавшихся на пути. Несколько посетителей возмущённо обернулись ему вслед, но он даже не заметил их реакции.

Вскоре плотная толпа окончательно скрыла его из виду.

Эмили осталась посреди танцпола, не вполне понимая, как реагировать на произошедшее. Музыка продолжала греметь, свет всё так же скользил по лицам, вокруг танцевали и смеялись люди, совершенно равнодушные к её неприятностям.

Кто-то случайно толкнул её локтем, заставив отступить в сторону, а следом мимо протиснулась шумная компания, едва не задев тонкую бретельку платья.

Она машинально поправила сумочку на плече и оглянулась туда, где только что исчез Дэниел.

Единственное условие, которое она поставила перед встречей, было настолько простым, что выполнить его не составило бы труда даже человеку, совершенно не склонному к дисциплине.

Эмили не требовала от него забыть Ванессу, немедленно разлюбить её или перестать интересоваться чужой жизнью. Она попросила лишь об одном вечере, в течение которого ей не придётся снова играть второстепенную роль в его бесконечной истории несчастной любви.

И он не сумел продержаться даже часа.

Терапевт, утренние пробежки и обещания стать лучше пока не научили Дэниела самому элементарному: уважать чувства человека, который находится рядом с ним.

Эмили почувствовала, как злость постепенно вытесняет растерянность.

Она не собиралась устраивать сцену, разыскивать Дэниела среди гостей или терпеливо дожидаться, пока он выяснит отношения с очередным мужчиной возле Ванессы. Ей было совершенно безразлично, чем закончится их разговор, поскольку собственное решение она приняла ещё вчера утром.

Оставалось только уйти.

Пробраться к бару оказалось не так просто, как представлялось со стороны. Танцпол успел заполниться ещё плотнее, и Эмили приходилось осторожно лавировать между людьми, стараясь не наступить кому-нибудь на ногу и не подвернуть щиколотку.

Одолженные босоножки постепенно превращались в настоящие орудия пытки: тонкие ремешки неприятно врезались в кожу, пальцы начинали ныть, а каждый шаг заставлял пожалеть о решении поддаться уговорам Тессы.

Наконец ей удалось выбраться из толпы и добраться до длинной барной стойки, окружённой мягким янтарным сиянием. Здесь музыка всё ещё оставалась достаточно громкой, однако уже не оглушала, а тёплое освещение позволяло различать лица, не дожидаясь очередной вспышки прожектора.

Эмили с благодарностью вспомнила неизвестного дизайнера, придумавшего столь удачное разделение пространства. После холодных, беспрестанно меняющихся огней танцпола бар действительно воспринимался как убежище, где можно немного прийти в себя и восстановить способность нормально думать.

Она заняла освободившееся место у стойки и заказала воду с лимоном, не испытывая ни малейшего желания пить что-либо крепче.

Бармен быстро поставил перед ней высокий стакан с тонкой долькой лимона, и Эмили с удовольствием сделала несколько глотков, чувствуя приятную прохладу после разгорячённого танцпола.

Теперь, когда она оказалась в стороне от толпы, произошедшее представлялось ещё более нелепым.

Дэниел буквально бросил её посреди клуба, увидев женщину, присутствие которой заранее обещал игнорировать, а она, взрослая самостоятельная женщина, стояла здесь в чужом платье и пыталась понять, каким образом очередная попытка дружеского примирения снова закончилась унижением.

Эмили достала телефон и открыла приложение для вызова такси, намереваясь покинуть «Обсидиан» прежде, чем Дэниел вспомнит о её существовании.

Однако экран несколько секунд безуспешно пытался загрузить карту, после чего приложение сообщило об отсутствии соединения.

Она нахмурилась, проверила индикатор сети и попробовала ещё раз. Результат оказался прежним.

Под массивными металлическими конструкциями бывшего промышленного здания связь практически не работала, а плотные стены, очевидно, лишь усугубляли положение.

Эмили подняла голову, оглядывая зал в поисках места, где сигнал мог бы быть лучше, и уже собиралась направиться к выходу, когда вспомнила ещё об одном неприятном обстоятельстве.

Её верхняя одежда осталась в гардеробе, а номерок находился у Дэниела.

Перед входом он настоял на том, чтобы сдать их вещи вместе, поскольку всё равно собирался расплачиваться. Тогда Эмили не придала этому значения, хотя теперь подобная предусмотрительность обернулась дополнительной проблемой.

Разумеется, можно было обратиться к сотруднику гардероба, объяснить ситуацию и попросить разыскать её пальто. Однако воспоминание о количестве посетителей и внушительном ряде одинаковых чехлов не внушало особого оптимизма.

Выходить же на холодную октябрьскую улицу в одном коротком платье, с открытой спиной и практически босиком представлялось настолько сомнительной затеей, что Эмили невольно поёжилась.

Она ещё раз проверила телефон, безуспешно пытаясь поймать хотя бы одну устойчивую полоску сигнала, после чего положила его на стойку и огляделась.

Вокруг было множество людей, но ни одного знакомого лица. За соседним столиком оживлённо переговаривались две девушки, неподалёку компания молодых мужчин праздновала какое-то событие, а бармены ловко перемещались вдоль стойки, принимая заказы и расставляя бокалы.

Все были заняты собственными делами, и никому не было дела до одинокой девушки, которая обнаружила, что осталась без спутника, возможности вызвать машину и даже без собственной верхней одежды.

Эмили сделала ещё один глоток воды и заставила себя успокоиться.

В конце концов, она находилась не посреди пустыни, а в дорогом ночном клубе в центре Нью-Йорка, где наверняка существовал вполне цивилизованный способ решить подобную проблему.

Достаточно было найти сотрудника, попросить помочь с гардеробом и выйти туда, где нормально работал телефон.

Однако прежде чем приступить к осуществлению этого разумного плана, она снова посмотрела на галерею, тянувшуюся над главным залом.

За тёмными стёклами по-прежнему невозможно было ничего разглядеть. Лишь иногда на поверхности возникали слабые отражения движущихся прожекторов, а отдельная лестница

с охранником возле входа продолжала привлекать внимание посетителей, которым явно хотелось узнать, что скрывается наверху.

Эмили вспомнила собственное восхищение устройством клуба и мысленно усмехнулась.

В хорошо спроектированной игре даже самые сложные уровни предусматривали возможность отступить, восстановить силы и подготовиться к следующему испытанию. Бар, в котором она сейчас находилась, безупречно выполнял именно эту функцию.

Однако никакой дизайнер не мог гарантировать, что человек, добравшийся до безопасной зоны, действительно окажется защищён от чужой глупости.

Она придвинула стакан поближе и ещё раз осмотрела зал, прикидывая, как удобнее добраться до гардероба, не возвращаясь на танцпол.

Безопасная зона, — подумала Эмили, вспомнив собственное определение.

Что ж, посмотрим, насколько удачно она здесь устроена.

Глава 11. Танец с дьяволом

Первым к ней подошёл молодой, довольно привлекательный парень в бейсболке, надетой козырьком назад, с двумя бокалами в руках. Он остановился возле свободного табурета, улыбнулся и предложил Эмили один из напитков, словно сама возможность угостить симпатичную незнакомку была достаточным поводом для знакомства.

Она вежливо поблагодарила его, отказалась и слегка приподняла свой стакан с водой и лимоном, показывая, что уже обеспечена всем необходимым.

Парень посмотрел на прозрачную жидкость с таким искренним неодобрением, будто обнаружил в её руках нечто совершенно неприличное, после чего заявил, что пить обычную воду в заведении подобного уровня — практически преступление.

Эмили с готовностью согласилась понести заслуженное наказание и даже пообещала не сопротивляться аресту, если кто-нибудь решит вызвать полицию.

Шутка пришлась незнакомцу по душе. Он рассмеялся, пожал плечами и отправился дальше, очевидно, не испытывая недостатка в желающих принять его предложение.

Эмили проводила его взглядом и с удовольствием сделала ещё один глоток воды.

Подобные знакомства ей нравились, особенно когда человек умел принимать отказ. Было приятно снова почувствовать себя привлекательной.

Следующий претендент на её внимание оказался значительно настойчивее, хотя поначалу ничто не предвещало проблем.

Мужчина лет тридцати, с аккуратно уложенными волосами и дорогими часами, занял соседний табурет, представился Тайлером и почти сразу сообщил, что работает в хедж-фонде.

Эмили не успела даже назвать своё имя, когда выяснилось, что новый знакомый обладает исключительными познаниями в инвестициях, великолепными перспективами карьерного роста и собственной яхтой, техническим характеристикам которой, судя по всему, был готов посвятить остаток ночи.

В течение следующих десяти минут она узнала о судне значительно больше, чем когда-либо собиралась узнать о яхтах вообще.

Тайлер подробно описал его размеры, стоимость обслуживания, особенности отделки кают и даже сложности, с которыми столкнулся при выборе подходящей марины. Время от времени он делал короткие паузы, очевидно ожидая восхищённых комментариев, однако ни разу не поинтересовался, чем занимается сама Эмили или почему проводит вечер в одиночестве.

Она слушала вполуха, рассеянно поглядывая на танцпол, где бесследно исчез Дэниел. Музыка продолжала греметь, сквозь плотную толпу пробивались разноцветные лучи прожекторов, а пурпурная подсветка дальней кабинки периодически возникала между движущимися фигурами.

Эмили старалась не искать глазами Ванессу и её спутников, хотя временами всё же ловила себя на желании проверить, не закончился ли разговор, ради которого Дэниел так легко нарушил своё обещание.

Тайлер тем временем добрался до истории о том, насколько сложно найти экипаж, соответствующий его высоким требованиям, и наконец заметил, что собеседница практически не участвует в разговоре.

После нескольких безуспешных попыток вызвать у неё интерес мужчина демонстративно допил напиток, поднялся и удалился, бросив через плечо замечание о женщинах, которые ведут себя так, будто у них на голове корона.

Эмили облегчённо выдохнула, решив, что если подобная характеристика избавит её от дальнейших лекций об обслуживании яхт, то она готова считать её комплиментом.

Однако третье знакомство оказалось куда неприятнее двух предыдущих.

Мужчин было двое, и появились они почти одновременно, приблизившись к барной стойке с разных сторон.

Эмили заметила их не сразу, поскольку в этот момент снова пыталась поймать сигнал на телефоне. Один из незнакомцев, коренастый, широкоплечий, в дорогой светлой рубашке с расстёгнутыми верхними пуговицами, остановился справа и небрежно облокотился на стойку, заняв единственный свободный проход между табуретами.

Второй, заметно выше приятеля, оказался у неё за спиной настолько неожиданно, что она обнаружила его присутствие лишь тогда, когда ощутила прикосновение чужой ладони.

Тёплая рука легла прямо на обнажённую кожу в том месте, где заканчивался глубокий вырез платья.

Эмили вздрогнула и резко выпрямилась.

Прикосновение было совершенно недвусмысленным, особенно учитывая, что мужчина даже не попытался привлечь её внимание или представиться. Он просто положил руку ей на спину, словно имел на это полное право, и от неожиданности она растерялась, пытаясь понять, как лучше избавиться от навязчивого незнакомца, не устраивая скандала посреди переполненного бара.

— Почему такая красивая девушка скучает одна? — поинтересовался коренастый, одарив её широкой улыбкой. — Непорядок какой-то. Давай-ка исправим.

Эмили отодвинулась на табурете, насколько позволяло расстояние до стойки, и повернула голову, стараясь одновременно видеть обоих мужчин.

Ей не понравилось, насколько слаженно они расположились вокруг неё: один перекрыл дорогу к проходу, другой занял пространство за спиной, практически лишив возможности отступить.

— Спасибо, но я жду друга, — ответила она сдержанно, обращаясь прежде всего к тому, кто стоял позади. — Не могли бы вы, пожалуйста, убрать руку?

— Друга, значит? — повторил высокий с неприятной усмешкой.

Вместо того чтобы выполнить просьбу, он медленно провёл ладонью ниже, и Эмили почувствовала, как от отвращения напряглись мышцы спины.

Окружающий шум, ещё несколько минут назад казавшийся обычной частью клубной атмосферы, теперь мешал сосредоточиться, а близость чужого тела заставляла остро ощущать собственную уязвимость в непривычно открытом платье.

— Мы ведь тоже можем стать твоими друзьями, красавица, — добавил мужчина, очевидно находя своё предложение исключительно остроумным.

— Руку убрал, — отчётливо произнесла Эмили, повысив голос настолько, чтобы её услышали не только незнакомцы, но и окружающие посетители.

Она решительно развернулась, сбрасывая с себя чужую ладонь, и поднялась с табурета.

Движение получилось резким, неудобные босоножки заставили на мгновение потерять равновесие, однако она сумела удержаться и отступить ближе к стойке.

Пара, сидевшая неподалёку, обернулась на её голос, и Эмили испытала короткое облегчение оттого, что происходящее наконец привлекло чьё-то внимание.

Коренастый мужчина, впрочем, даже не подумал освободить проход.

— Да расслабься ты, мы просто хотим познакомиться. Чего сразу грубить?

Он улыбался, однако от первоначального дружелюбия в его выражении почти ничего не осталось.

Эмили заметила, как мужчина чуть сместился, окончательно перекрывая ей дорогу, и поняла, что случайностью подобное расположение быть не может. Приятели прекрасно знали, что делают, и, судя по их уверенности, рассчитывали на привычную реакцию женщины, которая предпочтёт промолчать, лишь бы не привлекать внимания.

— Ничего подобного, — возразила она, стараясь говорить твёрдо, хотя липкий страх уже пробирался под кожу. — Ваш приятель распускает руки, а вы не даёте пройти. Отойдите, пожалуйста.

— Да куда ты так торопишься? — поинтересовался коренастый, с явным удовольствием наблюдая за её попытками сохранить самообладание.

Эмили не стала отвечать.

Она посмотрела поверх его плеча в сторону бармена, надеясь привлечь внимание кого-нибудь из сотрудников. За длинной стойкой работали несколько человек, быстро перемещавшихся между посетителями, принимавших заказы и расставлявших наполненные бокалы.

Ближайший бармен находился в нескольких метрах, сосредоточенно смешивая ингредиенты в металлическом шейкере, и, похоже, совершенно не замечал происходящего.

— Позовите охрану! — громко потребовала Эмили, обращаясь к нему. — Эй, пожалуйста, мне нужна охрана!

Бармен поднял голову и наконец посмотрел в её сторону. Его взгляд скользнул по напряжённому лицу девушки, затем переместился на двух мужчин, окруживших её возле стойки.

Эмили отчётливо увидела момент, когда он понял, что происходит. Однако вместо того, чтобы немедленно вмешаться, сотрудник замешкался, словно пытался определить, насколько серьёзные неприятности может доставить ему конфликт с посетителями.

Эта короткая пауза показалась ей мучительно долгой.

Она стояла в нескольких шагах от человека, который мог вызвать охрану, а тот продолжал держать шейкер, не решаясь даже позвать коллегу.

Где-то совсем рядом смеялись люди, музыка заглушала отдельные слова, и Эмили с неприятной ясностью осознала, насколько легко можно остаться совершенно одной посреди нескольких сотен человек.

Высокий мужчина за её спиной рассмеялся, очевидно восприняв бездействие бармена как подтверждение собственной безнаказанности. Затем снова протянул руку, собираясь коснуться её открытой спины.

Но на этот раз прикосновения не последовало.

— Убери руку.

Слова прозвучали негромко, без явной угрозы, однако сквозь грохот музыки Эмили расслышала их настолько отчётливо, словно кто-то неожиданно приглушил весь окружающий шум.

По мгновенно изменившемуся выражению лица высокого мужчины стало ясно, что он тоже прекрасно всё услышал.

Эмили повернула голову и увидела Рэя Блэквуда.

Она понятия не имела, откуда он появился и как долго наблюдал за происходящим.

Ещё мгновение назад за спиной высокого незнакомца никого не было, а теперь там стоял мужчина, которого она меньше всего ожидала встретить сегодня вечером.

На Рэе была чёрная рубашка с расстёгнутой верхней пуговицей и тёмные брюки. Пиджака он не надел, отчего его широкие плечи и внушительная фигура казались ещё заметнее.

Руки он держал в карманах, сохраняя расслабленную позу, хотя по выражению лица Эмили сразу поняла, что это спокойствие не имело ничего общего с безразличием.

Рэй смотрел на высокого мужчину с холодной брезгливостью, словно перед ним находилось не живое существо, а неприятное пятно на дорогой скатерти, которое следовало немедленно удалить.

Он не повышал голоса, не приближался вплотную и даже не пытался схватить незнакомца, однако сама его неподвижность производила куда более сильное впечатление, чем открытая агрессия.

Высокий немедленно опустил руку и невольно отступил.

Коренастый, до этого так уверенно перекрывавший проход, уже собирался что-то возразить, но, встретившись с взглядом Рэя, передумал и поспешно выпрямился.

Эмили почувствовала, как мучительное напряжение начинает ослабевать, хотя пальцы по-прежнему крепко сжимали ремешок сумочки.

Несколько секунд назад оба незнакомца наслаждались её беспомощностью, а теперь выглядели людьми, которые внезапно осознали, что допустили весьма серьёзную ошибку.

Почти сразу возле стойки появились двое охранников.

Они подошли настолько быстро и бесшумно, что Эмили даже не успела заметить, откуда именно, хотя ещё минуту назад отчаянно пыталась привлечь внимание хоть одного сотрудника клуба.

Рэй не повернул к ним головы, продолжая смотреть на мужчин перед собой.

— Этих двоих вывести, — распорядился он деловым тоном. — Имена внести в стоп-лист по всем нашим площадкам. Записи с камер возле бара за последний час отправить Брейди. Сегодня же.

— Да, мистер Блэквуд, — немедленно ответил один из охранников.

Коренастый мужчина возмущённо вскинул голову, очевидно решив, что происходящее зашло слишком далеко.

— Эй, подождите, мы ведь ничего такого не сделали!

Рэй перевёл на него взгляд, и незнакомец осёкся.

В этом молчаливом предупреждении не было ничего театрального, но мужчина утратил желание спорить и, к явному облегчению Эмили, перестал загораживать проход.

Охранники взяли обоих под локти, действуя с безупречной вежливостью и одновременно с такой уверенностью, что сопротивление представлялось бессмысленным.

Высокий попытался возмутиться и заявил, что имеет право вызвать адвоката, однако сотрудники даже не замедлили шаг, спокойно направляя его к выходу. Коренастый продолжал что-то бормотать о недоразумении и собственных связях, но его спутник уже достаточно пришёл в себя, чтобы не усугублять положение дальнейшими угрозами.

Эмили смотрела им вслед, постепенно осознавая, что неприятная ситуация действительно закончилась.

Всё произошло так быстро, что она даже не успела до конца испугаться, хотя теперь, когда опасность миновала, ладони мелко дрожали, а сердце билось чаще обычного.

Впрочем, Рэй, судя по всему, ещё не считал происшествие исчерпанным.

Он повернулся к бармену, который наконец оставил работу и теперь стоял напротив них, по-прежнему держа в руках металлический шейкер.

— Она просила вызвать охрану, — произнёс Блэквуд.

Бармен поспешно выпрямился, чуть не выронив шейкер, и открыл рот, собираясь оправдаться.

— Мистер Блэквуд, я как раз хотел позвать ребят, просто тут было столько заказов, и я не сразу понял…

— Она попросила о помощи, а ты не отреагировал, — перебил Рэй, не повышая голоса.

Эмили заметила, как сотрудник беспомощно сжал пальцы на металлической поверхности. Возражать он больше не пытался, хотя по его лицу было видно, что он отчаянно ищет объяснение, способное хоть немного улучшить положение.

Несколько других барменов, работавших неподалёку, внезапно обнаружили необходимость протирать и без того чистые бокалы. Охранник у служебной двери выпрямился, едва заметив направленный в его сторону взгляд Рэя, а официант, проходивший мимо с подносом, поспешил свернуть к соседней группе посетителей.

Вся эта перемена в поведении сотрудников произвела на Эмили неожиданно сильное впечатление.

Она знала, что Блэквуд владеет ночными клубами, слышала рассказы Дэниела о его состоянии и деловых интересах, однако до сих пор воспринимала эти сведения как довольно абстрактную характеристику человека, с которым познакомилась при странных обстоятельствах.

Теперь же впервые увидела, что означает его власть в действительности.

Ему не требовалось предъявлять документы, представляться или требовать уважения. Достаточно было появиться возле стойки, чтобы сотрудники изменили поведение, причём никто не задавал вопросов о правомерности его распоряжений.

Сам Рэй, казалось, не замечал производимого впечатления, воспринимая безоговорочное подчинение как нечто само собой разумеющееся.

— Завтра поговорим, — сообщил он бармену после недолгой паузы.

В его голосе не прозвучало ни прямой угрозы, ни намёка на возможные последствия, однако по тому, как напряглось лицо сотрудника, Эмили догадалась, что предстоящий разговор не сулит ничего приятного.

Рэй больше не стал тратить на него время, отвернувшись с таким видом, словно бармен перестал представлять для него какой-либо интерес.

Только после этого он посмотрел на Эмили.

За последние несколько минут она успела увидеть человека, совершенно непохожего на того мужчину, который несколько дней назад стоял перед ней в Брайант-парке, неловко извиняясь за собственную грубость.

Там Рэй казался замкнутым, настороженным и почти неохотно вступающим в разговор. Здесь же находился на своей территории, среди людей, прекрасно знавших, кто принимает решения и чьи распоряжения не подлежат обсуждению.

И всё-таки, когда его взгляд остановился на ней, суровое выражение немного смягчилось. Он не улыбнулся и не сделал попытки приблизиться, однако холодная отстранённость уступила место вниманию, которое Эмили уже успела заметить во время предыдущих встреч.

Рэй быстро осмотрел её лицо, затем задержал взгляд на обнажённых плечах и открытой спине, словно проверяя, не причинили ли незнакомцы ей вреда.

При этом он оставался на расстоянии, не пытаясь прикоснуться даже для того, чтобы успокоить, и после произошедшего Эмили оценила подобную сдержанность гораздо сильнее любых утешительных слов.

— Ты в порядке? — спросил он, и теперь его голос звучал заметно тише, чем во время разговора с сотрудниками.

Она уже открыла рот, собираясь привычно ответить, что всё хорошо.

Эмили не любила выглядеть беспомощной, особенно перед человеком, который с самого начала знакомства вызывал у неё такое противоречивое желание одновременно держаться подальше и узнать его получше.

К тому же опасность миновала, незнакомцев увели, и причин продолжать волноваться, казалось бы, больше не осталось.

Но пальцы всё ещё заметно дрожали, а неприятное ощущение чужой ладони на коже никак не исчезало, сколько бы она ни пыталась убедить себя, что теперь всё закончилось.

Эмили подняла глаза на Рэя и неожиданно для самой себя отказалась от заготовленного ответа.

— Почти.

Рэй молча кивнул, принимая её неуверенное «почти» как вполне достаточный ответ.

Он не стал расспрашивать о произошедшем, предлагать утешения или заверять, что теперь ей совершенно нечего бояться. В его поведении не было ни снисходительной жалости, ни той навязчивой заботливости, от которой Эмили почувствовала бы себя ещё более беспомощной.

Он просто остался рядом, сохраняя расстояние примерно в вытянутую руку. Постепенно напряжение начало отпускать.

Никто из посетителей больше не пытался приблизиться, а сама Эмили могла спокойно стоять возле стойки, не опасаясь очередного нежелательного прикосновения.

Украдкой взглянув на Рэя, она попыталась совместить знакомого ей мужчину с человеком, который несколько минут назад без малейших усилий заставил двух наглецов покинуть заведение, а нескольких сотрудников — побледнеть от одного его взгляда.

Рассказы Дэниела о влиятельном и опасном старшем брате теперь казались правдоподобнее, хотя ничего особенно пугающего в поведении самого Рэя по отношению к ней не было.

— Послушай, а ты здесь работаешь? — поинтересовалась Эмили, решив, что имеет право хотя бы на небольшое объяснение.

— Бываю, — невозмутимо отозвался он.

Она посмотрела на бармена, который всё ещё не решался вернуться к работе и продолжал держать в руках несчастный шейкер, затем перевела взгляд на охранника у служебной двери.

Тот стоял с такой безупречной выправкой, словно в любой момент ожидал приезда высшего руководства.

Оставалось только предположить, что присутствие Блэквуда в заведении само по себе было достаточно значительным событием, чтобы сотрудники начинали нервничать и вспоминать все возможные служебные инструкции.

— Очень содержательный ответ, — заметила Эмили, приподняв брови. — Особенно для человека, при появлении которого персонал внезапно начинает вести себя так, будто проходит внеплановую аттестацию.

Рэй коротко взглянул в сторону бара, где сотрудники немедленно принялись изображать исключительную занятость, но комментировать её наблюдение не стал.

Вместо этого он чуть склонил голову и спросил:

— Потанцуешь со мной?

Эмили рассмеялась прежде, чем успела задуматься над предложением.

После всего произошедшего она ожидала чего угодно: вопросов о Дэниеле, предложения отвезти её домой или даже очередного неловкого разговора о событиях на балконе.

Однако приглашение на танец от человека, которого она с трудом могла представить добровольно двигающимся под музыку, застало её врасплох.

— Ты ведь не танцуешь, — заявила она с убеждённостью, которую не могла бы обосновать никакими фактами.

— Откуда такие сведения?

— Ну, не знаю. Сложно представить тебя на танцполе. Подозреваю, ты способен простоять весь вечер возле стены, осуждающе наблюдая за окружающими.

— Значит, сегодня я покажу, что нельзя делать поспешных выводов.

Он не протянул руку, не попытался приблизиться и тем более не стал убеждать её принять приглашение. Рэй просто ждал.

— Можешь отказаться, Эмили, — добавил он после небольшой паузы.

Она посмотрела на танцпол, где под холодными вспышками прожекторов двигались сотни людей, затем на почти допитую воду с лимоном и снова на стоявшего рядом мужчину.

Впервые за весь вечер ей не приходилось задумываться о том, что делает Дэниел, кого пытается впечатлить Ванесса и каким образом её собственное поведение может отразиться на чужих отношениях.

Рэй ничего от неё не требовал, ни в чём не пытался убедить и, кажется, совершенно не интересовался тем, какое впечатление произведёт их совместное появление среди танцующих.

От этой свободы ей захотелось сделать что-нибудь исключительно ради собственного удовольствия.

— Можешь наступать мне на ногу. Я, скорее всего, даже не почувствую, — произнесла Эмили, осторожно переступая в тесных босоножках. — Эти проклятые ремешки уже практически ампутировали мне пальцы, так что хуже вряд ли станет.

— Тогда можно особенно не стараться, — заключил Рэй с совершенно серьёзным видом.

— Именно. Но если я упаду, отвечать за последствия будешь ты.

В ответ он едва заметно усмехнулся и направился к танцполу, предоставив Эмили возможность самой последовать за ним.

Вместо того чтобы вести её в самую гущу толпы, Рэй выбрал место ближе к краю, возле широкой металлической колонны, откуда хорошо просматривался почти весь зал. Здесь было достаточно свободно, чтобы двигаться, не задевая соседние пары, а освещение оказалось мягче, чем в центре.

Эмили сразу оценила удобство выбранного места, однако заметила ещё одну особенность: мужчина расположился так, чтобы видеть основные проходы и большую часть посетителей, не поворачивая головы.

Даже здесь, в заведении, которое, судя по поведению сотрудников, имело к нему самое непосредственное отношение, Рэй не позволял себе стоять спиной к толпе.

Эта привычка показалась ей странной.

Она вспомнила рассказ Дэниела о событиях в Канаде, о месячном исчезновении старшего брата и ночных криках, но не стала задавать вопросов. В конце концов, они были слишком мало знакомы, чтобы она могла требовать объяснений о вещах, которые Рэй явно предпочитал оставлять при себе.

Музыка постепенно изменилась.

Вместо стремительного ритма предыдущей композиции зал наполнился тяжёлой, тягучей мелодией с низким пульсирующим басом, который ощущался скорее телом, чем слухом.

Холодные лучи света стали двигаться медленнее, на мгновения выхватывая из полумрака лица и фигуры танцующих. В этой непрерывной смене освещения окружающее пространство казалось одновременно огромным и удивительно тесным, особенно теперь, когда Рэй оказался совсем близко.

Он осторожно положил ладонь ей на спину, собираясь привлечь ближе, и Эмили непроизвольно вздрогнула.

Прикосновение пришлось почти точно на то место, где несколькими минутами ранее находилась рука высокого незнакомца.

Неприятное воспоминание оказалось настолько свежим, что тело отреагировало раньше, чем она успела осознать причину испуга.

Рэй заметил это мгновенно.

Его ладонь переместилась выше, на талию, поверх ткани платья, и он немного ослабил объятие, не пытаясь удержать её возле себя.

Внимательный взгляд задержался на лице Эмили, однако мужчина не стал расспрашивать, всё ли в порядке, и тем более не попытался объяснить, что его самого бояться не нужно.

Он просто предоставил ей возможность решить, насколько близко она готова его подпустить.

Эмили несколько секунд смотрела на него, чувствуя, как напряжение постепенно уступает место совсем другому волнению.

Она прекрасно понимала, что Рэй не имеет ничего общего с теми двумя мужчинами, а его прикосновение было осторожным и уместным для танца.

Но самое важное заключалось даже не в этом: он заметил её испуг и немедленно отступил, не заставляя объясняться или оправдываться за собственную реакцию.

Не отводя взгляда, Эмили накрыла его ладонь своей рукой и медленно вернула на обнажённую кожу спины.

От прикосновения тёплых сухих пальцев по телу пробежала приятная дрожь.

Мужчина едва заметно напрягся, а затем выдохнул так медленно, словно до этого несколько секунд сдерживал дыхание. Его взгляд сделался внимательнее, но он по-прежнему не позволял себе ничего сверх того, на что она сама дала разрешение.

Эмили осторожно приблизилась и положила руки ему на плечи.

Танцевал Рэй совсем не так, как она предполагала.

Он не демонстрировал особенной пластичности и не пытался произвести впечатление. Его движения были неторопливыми, точными, почти сдержанными, а ладонь на её спине направляла настолько естественно, что Эмили сама не заметила, когда перестала следить за собственными ногами.

Поначалу она осторожничала, помня о высоких каблуках и болезненно натянувшихся ремешках, однако рядом с Рэем оказалось неожиданно легко двигаться.

Он чувствовал каждое изменение её положения, вовремя поддерживал, когда она чуть теряла равновесие, и ни разу не заставил сделать шаг, к которому она не была готова.

За несколько минут Эмили совершенно забыла о неудобной обуви, неприятном происшествии возле бара и даже о том, что ещё совсем недавно собиралась уехать домой.

Ей нравилось танцевать с ним.

От Рэя исходило приятное тепло, ощущавшееся даже сквозь тонкую ткань рубашки, а его близость постепенно переставала казаться непривычной.

Эмили чувствовала ладонь на спине, едва уловимое движение мышц под пальцами и спокойное, размеренное дыхание мужчины, который, несмотря на явную физическую силу, обращался с ней с неожиданной осторожностью.

Временами она поднимала голову и обнаруживала, что он наблюдает за ней, совершенно не обращая внимания на окружающих.

В этом интересе было что-то одновременно притягательное и тревожащее.

Рэй не пытался очаровать её улыбками, не говорил комплиментов и не делал ничего из того, что обычно позволяло без труда распознать мужские намерения. Но Эмили всё отчётливее понимала, что нравится ему.

— Тебя ведь пытались зарезать всего две недели назад, — вспомнила она, приподнявшись на носочки, чтобы её слова не потерялись в музыке. — А ты спокойно стоишь посреди огромной толпы, словно ничего не произошло. Тебе совсем не страшно?

— Страшно, — неожиданно признался он.

Эмили отстранилась ровно настолько, чтобы посмотреть ему в лицо.

— Серьёзно?

— Самое опасное существо в этом зале сейчас стоит прямо передо мной, — сообщил Рэй с невозмутимым выражением.

Она рассмеялась, не удержавшись от того, чтобы на мгновение уткнуться лбом ему в плечо.

Шутка прозвучала настолько неожиданно, особенно в исполнении человека с подобной репутацией, что Эмили понадобилось несколько секунд, чтобы справиться со смехом.

Под её щекой едва заметно дрогнула его грудь, и она с удивлением подумала, что Рэй, возможно, тоже смеётся, хотя до сих пор ей ни разу не доводилось слышать от него настоящего смеха.

— Между прочим, я недавно спасла тебе жизнь, — напомнила она, подняв голову. — Так что не называй меня существом.

— Я прекрасно помню, что произошло.

— Тогда где соответствующее уважение к героине?

— Я пытался выразить благодарность, но ты швырнула в меня мой же бумажник.

Эмили возмущённо посмотрела на него, хотя улыбка совершенно не позволяла воспринимать её негодование всерьёз.

— Ничего я не швыряла! Я всего лишь выразительно на него посмотрела.

— Поверь, это оказалось значительно хуже, чем если бы ты действительно его бросила.

Она снова рассмеялась, а Рэй позволил себе едва заметную улыбку, которая неожиданно изменила суровое выражение его лица.

Эмили захотелось рассмотреть её внимательнее, но почти сразу она смутилась собственной заинтересованности и опустила взгляд.

Музыка сменилась ещё раз, однако ни один из них не предложил закончить танец.

Рэй продолжал держать её за талию, а ладонь на открытой спине постепенно стала настолько привычной, что Эмили перестала вспоминать о первоначальной настороженности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.